ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»

На правах рукописи

Орлов Андрей Сергеевич

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ, СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. О. МЕНЬШИКОВА ДО НАЧАЛА РАБОТЫ В «НОВОМ ВРЕМЕНИ»

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
доцент С. М. Санькова

Орел – 2015

Оглавление

Введение……... 3

Глава 1. Обстоятельства формирования личности М. О. Меньшикова……..... 29

1.1 Биография и родословная Меньшикова……..... 29

1.2 Личная жизнь Меньшикова…….. 56

1.3 Становление Меньшикова как публициста……..... 76

Глава 2. Формирование мировоззрения М. О. Меньшикова……... 95

2.1 Рефлексия и «программа жизни» Меньшикова……..... 95

2.2 Религиозно-философские искания Меньшикова…… ……..... 117

Глава 3. М. О. Меньшиков о социально-этических проблемах

российского общества……. 147

3.1 Вопросы брака и семьи в осмыслении Меньшикова……..... 148

3.2 Национальный вопрос в оценках Меньшикова…….. 162

Заключение……..... 181

Список использованных источников..……..... 188

Введение

Актуальность исследования. Личность и взгляды Михаила Осиповича Меньшикова – популярного в конце XIX – начале XX в. публициста, сотрудничавшего последовательно в «Неделе» и «Новом времени», являются, безусловно, значимыми для изучения общественно-политической и религиозно-нравственной атмосферы российского общества указанного периода. Судя по неоднозначным, но многочисленным отзывам современников, Меньшиков служил своеобразным индикатором процессов, происходивших в общественной жизни. Для многих он стал знаковой фигурой национально-консервативного лагеря.

Отношение либеральной публики к Меньшикову-нововременцу в яркой литературной форме было отражено в ряде сатирических рассказов Аверченко, что в то же время лишний раз подчеркивает широкую известность публициста среди современников. Один из них носит весьма показательное название «Великий мерзавец земли русской» [1].

Показательно, что в работах советских исследователей, посвященных политической истории России периода третьеиюньской монархии, таких как А. Я. Аврех, В. С. Дякин, Ю. Б. Соловьев[2], очень часто встречаются цитаты из статей Меньшикова в качестве иллюстрации позиции правительственных и правых кругов. Это показывает достаточно высокую значимость фигуры Меньшикова в политико-публицистических кругах рассматриваемого периода.

Имя и творчество Меньшикова в последние десятилетия стараниями историков и литературоведов выходит из почти векового забвения. Постепенно переиздаются его статьи, увидела свет небольшая часть из его обширнейшего

---

[1] Левицкий Д. А. Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко. М., 1999. С. 330.

[2] Аврех А. Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985; Он же. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991; Он же. Столыпин и третья Дума. М., 1968; Он же. Царизм и IV Дума. 1912 – 1914. М., 1981; Аврех А. Я. Царизм и третьеиюньская система. М., 1966; Аврех А.Я. III Дума и начало кризиса третьеиюньской системы (1908 − 1909) // Исторические записки. Т. 53. М., 1955. С. 50 − 109; Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911 – 1914 гг. Л., 1988; Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907 − 1911 гг. Л., 1978; Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1907 − 1914 гг. Л., 1990.

архива [3], состоящего из записных книжек, писем и набросков для будущих статей. К сожалению, публицистика Меньшикова переиздается без исторических научных комментариев, подбор работ осуществляется весьма тенденциозно, что уже само по себе способствует формированию достаточно предвзятого представления об их авторе. Среди огромного наследия публициста по национальной тематике есть работы, представляющие его как патриота, обеспокоенного судьбой своей Родины. Именно такие статьи в первую очередь включаются в современные переиздания статей Меньшикова[4]. Можно отметить целый ряд работ, в которых авторы, основываясь только на этих переизданиях, позиционируют Меньшикова как философа «русской идеи»[5], чей смысл жизни «заключался в неотступной думе о Родине»[6], а самым ценным качеством его философии является «сочетание национализма и имперского патриотизма»[7].

На специфику восприятия Меньшикова многими современными исследователями несомненное влияние оказали обстоятельства его трагической гибели. Отсюда желание представить образ Меньшикова в исключительно положительном свете без полутонов, отрицание той внутренней противоречивости, которая присуща его публицистике, и неоднозначности проблематики, которой он касался в своем творчестве. Как заявил в предисловии к сборнику «Русское пробуждение» (одному из современных переизданий статей Меньшикова) депутат Государственной Думы РФ четвертого созыва доктор политических наук А. Н. Савельев: «В своей страстности Меньшиков может показаться односторонним, избыточно озабоченным еврейским вопросом, всюду мыслящим еврейскую крамолу и еврейский стиль мысли. Между тем ярость и страсть Меньшикова более чем оправданны. Он видел, как нигилизм охватывает

---

[3] Меньшиков М. О. Материалы к биографии // Российский архив. (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.). Вып. 4. М., 1993; Филаткина Н. А. М. О. Меньшиков. Проповеди отца Михаила // Московский архив. Вып. 4. М., 2006. С. 9.

[4] М.О. Меньшиков. Из писем к ближним. М., 1991; Он же. Выше свободы: Статьи о России. М., 1998; Он же. Письма к русской нации. М., 1999; Он же. Кончина века. М., 2000; Он же. Вечное воскресение. (Сборник статей о Церкви и вере). М., 2003; Он же. Национальная империя. М., 2004; Он же. Как воскреснет Россия? Избранные статьи. СПб., 2007.

[5] Камнев В. М. «Национальная империя» М. О. Меньшикова // Известия Уральского государственного университета. Общественные науки. История философии. 2009. № 4(70). С. 84.

[6] Жилкин В. С. Верный сын России // Русский дом. 2003. № 9. URL: http://russdom.ru/oldsayte/2003/200309i/20030914.html.

[7] Елисеев А. Михаил Осипович Меньшиков. URL: http://rus-mon.narod.ru/bio/menshikov.html.

Россию – как в бешенстве революционного движения, так и в том, что русское большинство лишается средств к существованию инородческой и прямо иностранной буржуазией, ростовщиками и спекулянтами. Разве не стоит простить век спустя некоторый перехлест? В нем лишь страсть борьбы за Отечество и ясное видение скорого краха! Все перехлесты меркнут перед фактом: Михаил Меньшиков был расстрелян большевиками в сентябре 1918 года «за сопротивление советской власти». Банду убийц, вершившую суд, возглавляли недоучившиеся студенты Гильфонт и Давидсон, комиссары Якобсон и Губа. Сиротами остались шестеро малолетних детей и безутешная вдова – семья, обобранная революционным сбродом, доведенная до нищеты, убитая горем»[8]. Мы полагаем подобный эмоциональный подход к личности и взглядам Меньшикова, ненаучным, в силу своей субъективности, тем более что заканчивается вступительная статья неоднозначным заключением о том, что «русским националистам еще предстоит стать силой»[9]. В этой связи нам представляется необходимым представить Меньшикова во всем многообразии его взглядов и проследить логику их эволюции, сделав акцент на раннем периоде его творчества как определенной антитезе высказывавшимся им в более позднее время идеям.

Следует отметить, что в настоящее время в отечественной исторической науке постепенно формируется взвешенная и разносторонняя оценка личности и взглядов Меньшикова, что связано в первую очередь с изучением национально-консервативной составляющей политической жизни России начала XX в. [10]. Однако для широкого круга читателя сугубо научные работы малодоступны вследствие небольших тиражей научных изданий. В то же время историкам Меньшиков интересен преимущественно своим сотрудничеством в «Новом времени» и участием в создании Всероссийского национального союза, а его более ранняя публицистическая деятельность остается практически вне поля

---

[8] Савельев А. Русское сердце Михаила Меньшикова // М. О. Меньшиков. Русское пробуждение. М., 2007. С. 7.
[9] Там же. С. 18.
[10] См., например: Репников А. В. М.О. Меньшиков в 1917 году: анализ статей, опубликованных в «Новом времени» // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей. СПб., 2010. С. 93 – 100; Санькова С. М. Два лица «Нового времени». А. С. Суворин и М. О. Меньшиков в зеркале историографии. Орел, 2011; Стукалов П. Б. Политические и правовые учения в России во второй половине XIX – начале XX века: Всероссийский национальный союз и его идеологи. Воронеж, 2011.

зрения ученых[11]. В результате современное поколение открывает Меньшикова преимущественно по научно-популярным и публицистическим работам, широко представленным в Интернете. При этом популярностью избранные статьи Меньшикова пользуются на таких достаточно радикальных правых и националистических сайтах, как «Институт высокого коммунитаризма»[12], «Крамола»[13], «Русская идея»[14], «Форум свободных Русских»[15], «Национальное сопротивление»[16]. На последнем из названных сайтов статья о Меньшикове заканчивается характерным призывом: «Его подвиг да будет для нас примером. А его жизнь и творчество — предметом изучения и всемерной пропаганды»[17]. На наш взгляд, наиболее действенными контраргументами меньшиковскому национализму могут стать его же работы по религиозно-этическим вопросам и дневниковые записи, показывающие постоянные сомнения и изменения во взглядах публициста.

Поверхностный подход к популяризации творчества Меньшикова приводит к тому, что в посвященных ему статьях, размещенных в сетях Интернета, присутствуют грубейшие фактические ошибки. Так, в справочном издании 2004 г., представляющем собой, по определению его автора, «собрание жизнеописаний уроженцев города Кронштадта», представлен материал о Меньшикове[18], хотя он родился в Новоржеве, а в Кронштадте лишь учился. Автор издания учитель истории и обществознания М. А. Шлендова не избежала и фактических ошибок

---

[11] Исключение составляет ряд статей Н.В. Зверева: Зверев Н.В. «Кому нужна земля» / Диалог цивилизаций: Восток – Запад. Глобализация и мультикультурализм: Россия в современном мире: Материалы VII Межвузовской научной конференции / Под ред. Н.П. Нарбута. М., 2007. С. 57 – 63; Он же. М.О. Меньшиков о русском крестьянстве / Сборник работ студентов – победителей международных, всероссийских и университетских конкурсов, конференций, олимпиад 2007 – 2008 гг. / Отв. ред. Н.С. Кирабаев. М., 2008. С. 111 – 120; Он же. Нравственная верификация прогресса в ранней публицистике М.О. Меньшикова (по материалам газеты «Неделя») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2010. № 6. С. 82–88.

[12] Мямлин К. М.О. Меньшиков: «Письма к русской нации. Правительство и евреи», 1909 г. URL: http://communitarian.ru/publikacii/istoriya_rossii/m.o.menshikov%3A_%ABpisma_k_russkoy_nacii._pravitelstvo_i_evrei%BB,_1909_g._160820121308.

[13] Михаил Осипович Меньшиков. Письма к Русской нации. URL: http://www.kramola.info/nacionalizm/ljudi/mihail-osipovich-menshikov/.

[14] Памяти М. О. Меньшикова. URL: http://www.rusidea.org/?a=25092005/.

[15] Работы русского националиста Михаила Осиповича Меньшикова. URL: http://forum.dpni.org/showthread.php?t=18258&page=1/.

[16] Рыцарь Русского Духа: Михаил Осипович Меньшиков. URL: http://www.national-resistance.com/Men'shikov.htm/.

[17] Предтеча и пророк русского национализма. URL: http://vnatio.org/arhiv-nomerov/node24/

[18] Шлендова М. А. Они родились в Кронштадте. СПб., 2004 г. URL: http://www.kronstadt.ru/books/history/orkron_0.htm#1/.

непосредственно в тексте о Меньшикове. Так, по ее версии, Меньшиков был «убит за статьи, разоблачающие предательскую политику большевиков»[19], в то время как Меньшиков был отстранен от работы в «Новом времени» сразу после февральской революции, другие издания его не приняли, и, следовательно, ни в каких своих статьях он не мог «разоблачать» политику правительства, пришедшего к власти после Октябрьской революции. Еще один пример – биография Меньшикова, размешенная на сайте «Сахаровского центра»[20], в которой нищее детство Меньшикова, кочевавшего с семьей с места на место, описано, как 11 лет, проведенных «в имении матери». А брак с Марией Владимировной Меньшиковой (урожденной Поль) почему-то назван «вторым», хотя Меньшиков до этого в браке не состоял, хотя и имел внебрачных детей. Справедливости ради, следует отметить, что эти данные были взяты из краткой биографии Меньшикова, составленной его внуком М. Б. Поспеловым и опубликованной в журнале «Слово» в 1992 г.[21]. По всей вероятности, ошибки эти были связаны с тем, что многое Поспелов писал, основываясь на воспоминаниях матери, а не на данных имевшегося у него архива Меньшикова в силу большого объема сохранившихся документов, которые необходимо было расшифровывать.

Фактологические ошибки встречаются и в краткой биографии Меньшикова, включенной в монографию современного историка П. Б. Стукалова, посвященную взглядам М. О. Меньшикова и П. И. Ковалевского как идеологам Всероссийского национального союза. В частности, Стукалов отмечает, что благодаря поступлению в Кронштадтское морское техническое училище Меньшиков «имел возможность совершать поездки по знаменитым европейским городам, где знакомился с местными достопримечательностями и условиями жизни, что также оказало на Меньшикова значительное влияние»[22]. При этом автор, очевидно, имел в виду кругосветное плавание будущего публициста, в которое он был отправлен по выпуску из училища. На протяжении же самой учебы Меньшиков ни в какие европейские города не ездил, а в учебных плаваниях находился только в Финском

[19] Там же. URL: http://www.kronstadt.ru/books/history/orkron_8.htm#2.
[20] Меньшиков Михаил Осипович. URL: http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=author&i=1045/.
[21] Меньшиков М. О. Первые жертвы / Публ. М. Б. Поспелова // Слово. М., 1992. № 8. С. 75-80.
[22] Стукалов П.Б. Указ. соч. С. 35.

заливе и Балтийском море, посещая только города Российской империи. Далее Стукалов указывает, что «после окончания училища Михаил Осипович получил звание инженера-гидрографа и поступил на службу в Главное гидрографическое управление (1887–1892). На самом деле, как указано в послужном списке Меньшикова, он окончил училище в 1878 г. и был произведен в кондукторы корпуса флотских штурманов. И лишь через десять лет морской службы он был назначен «младшим производителем работ картографической части Главного гидрографического управления»[23].

Расстрел публициста у стен Иверского монастыря, серия статей в «Новом времени» на православную тематику дали основание ряду авторов характеризовать взгляды Меньшикова как глубоко христианские. Автор вступительной статьи к публикации фрагмента его записных книжек «Проповеди отца Михаила» Н. А. Филаткина определила взгляды Меньшикова как «христианско-либеральные»[24]. Она выступает как приверженец ставшего расхожим в кругах современных поклонников творчества Меньшикова положения о том, что публицист с детства «впитал в себя азы православия и до конца жизни оставался глубоко верующим человеком»[25], в то время как изучение дневниковых записей Меньшикова, которые он вел постоянно с 14 лет, за исключением 17 лет сотрудничества в «Новом времени», показывают, что на протяжении всей своей жизни, включая последние два года, он находился в религиозных исканиях, периодически переходивших если не в крайний атеизм, то, безусловно, в его пантеистическую форму. Нам представляется, что Меньшиков вполне вписывается в общий контекст духовных поисков интеллигенции серебряного века, поэтому этой теме нами будет посвящен отдельный раздел данного диссертационного исследования. Заметим, что даже внук Меньшикова Поспелов в первой краткой биографии деда, составленной им при помощи историка и публициста Н. Н. Лисового, при всем желании

[23] Центр хранения дел личных собраний Москвы (ЦХДЛСМ). Ф. 202. Оп. 1. Д. 128. Л. 1 – 2.
[24] Филаткина Н. А. М. О. Меньшиков. Проповеди отца Михаила // Московский архив. Вып. 4. М., 2006. С. 9.
[25] Там же. С. 11.

представить своего предка в положительном свете не побоялся признать, что он был «не очень церковным» человеком[26].

Встречаются и характеристики Меньшикова в крайней превосходной степени. Так, стараниями кандидата технических наук писателя и публициста М. Ф. Антонова и редакции ежедневной электронной газеты «Файл-РФ» статья об экономических воззрениях Меньшикова попала в цикл под названием «Экономисты милостью Божьей»[27]. А популяризатор творчества Меньшикова А.В. Довгарь одну из своих статей, посвященных его публицистике, заключает утверждением о том, что Меньшикова следует признать «величайшим нашим мыслителем».[28]

Между тем как в начале XX в., так и в современной литературе встречаются и крайне негативные оценки личности и творчества Меньшикова, вменяющие ему в вину прежде всего не столько его антисемитизм, сколько непостоянство во взглядах, объясняющееся желанием угодить господствующему режиму. Среди современников самая известная характеристика изменчивости Меньшикова принадлежит правому общественному деятелю Б. М. Юзефовичу: «Пока торжествовал террор и революция, - вспоминал он, - г. Меньшиков не находил своевременным переходить слева на право и довольно недвусмысленно выражал свое сочувствие Государственной Думе первого созыва. Но времена изменчивы, с ними изменчив и г. Меньшиков, и вот, в один прекрасный день, наши доверчивые монархисты и союзники стали восторженно зачитываться словообильными статьями этого нововременского публициста, в котором, по полтине за строчку, он стал поносить гг. «освободителей» и революционеров, которым, незадолго до того, льстиво воздавал хвалу и поклонение»[29]. Однако это далеко не единственный пример. В частности, сотрудник «Биржевых ведомостей» А. Бессонов характеризовал Меньшикова как «настоящего хамелеона», потому

---

[26] Поспелов М. Б., Лисовой Н. Н. Естественный стиль. Штрихи к биографии и творчеству М. О. Меньшикова // Меньшиков М. О. Выше свободы: Статьи о России. М., 1998. С. 422.

[27] Антонов М. Ф. Экономисты милостью Божьей: Михаил Меньшиков // Файл-РФ. Ежедневная электронная газета. 2013. 2 октября. URL: http://file-rf.ru/analitics/711.

[28] Довгарь А.С. Кожиновские чтения: Материалы X международной научно-практической конференции. Армавир, 2013. С.53.

[29] Юзефович Б. Г. Меньшиков о гр. Витте. СПб.: Русская печатня, 1907. С. 1.

что «он способен писать все и обо всем в каком потребно в каждую минуту духе»[30]. А публицист М. А. Протопопов и вовсе находил, что Меньшиков сам себе противоречит даже в одной и той же статье: «Одной рукой г. Меньшиков напишет, а другой рукой написанное сотрет; почти каждому его утверждению можно противопоставить его же собственное отрицание…»[31]. В период февральской революции современник Меньшикова Г. А. Князев записал в своем дневнике: «Меньшиков за республику! Как быстро. Прочел его резкий выпад против монархии с цитатами из книги "Бытия", и стало грустно. За 15 лет он кому только не служил. Был раб и остался им. Вернись завтра монархия, и он так же "талантливо" будет громить республику…»[32].

Склонность Меньшикова к изменениям своего мнения на прямо противоположное распространялась и на оценки современников и даже людей, которых он близко знал. При этом публицист сам не склонен был к полутонам, рисуя образы либо белой, либо черной краской. Ярчайшим примером тому может служить его переход от рьяного поклонника и пропагандиста идей Толстого, неоднократно гостившего в Ясной Поляне, до яростного критика всего того, чем он недавно восхищался в Толстом[33].

Став учредителем Всероссийского национального союза, Меньшиков и по отношению к своим однопартийцам проявлял ту же непоследовательность в оценках. В частности, во время процесса по делу Менделя Бейлиса, выступая активным сторонником версии ритуального убийства, он вначале возлагал большие надежды на В. В. Шульгина, ставшего преемником покойного Д. И. Пихно на посту редактора «Киевлянина», считая его «блестяще-талантливым». Когда же Шульгин стал продолжать линию Пихно, доказывая

---

[30] Бессонов А. Рецензия на статью М.О. Меньшикова «Орлы и вороны» // Биржевые ведомости. 1915. 24 июля.
[31] Протопопов М. Публицист-идиллик // Русская мысль. 1889. № 11. С. 171.
[32] Князев Г.А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915–1922 гг. / Подг. текста, предисл. и прим. А. В. Смолина // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. 1991. № 2. С. 152.
[33] Санькова С. М. Лев Толстой и Михаил Меньшиков // Образование и общество. 2001. № 5. URL: http://www.jeducation.ru/5_2001/index_5_2001.html.

несостоятельность обвинения Бейлиса в убийстве Ющинского, Меньшиков стал расценивать его статьи как «забавный вздор»[34].

Непостоянство Меньшикова во взглядах приводило к тому, что одни и те же люди в разное время отзывались о нем по-разному, а позднейшие исследователи приводили в своих работах те цитаты, которые им были в данный момент наиболее выгодны. В частности, А. П. Чехов, познакомившийся с Меньшиковым в период его сотрудничества в «Неделе» и, судя по переписке, некоторое время поддерживавший с ним дружественные отношения, очень лестно отзывался о его статьях. В одном из писем Чехов признавался Меньшикову: «Вы интересный человек, и статьи Ваши наводят на тысячу мыслей, и является желание написать Вам или побеседовать с Вами»[35]. Однако в более поздний период отношения между Чеховым и Меньшиковым охладевают. В письме к брату М. П. Чехову летом 1902 г. Антон Павлович пишет: «С тех пор, как Меньшиков стал жить в Царском Селе, писания его превратились черт знает во что. Он потерял и талант, и репутацию интересного, оригинального публициста»[36].

На наш взгляд, противоречивости оценок творчества и личности Меньшикова, начавшейся еще при его жизни и частично сохранившейся до сих пор, способствовал ряд обстоятельств: популярность, основанная на безусловном публицистическом таланте; частая переменчивость в своих взглядах и оценках событий, явлений и выдающихся современников; переход из народнической «Недели» в националистическое и близкое к правительству «Новое время»; национализм и антисемитизм Меньшикова, проявившийся не только в его статьях, но и в участии в создании националистической партии Всероссийский национальный союз. Все это делает актуальным воссоздание всей картины идейных исканий Меньшикова.

---

[34] Подробнее об этом см.: Санькова С. М. М. О. Меньшиков и дело Бейлиса: к вопросу о влиянии периодической печати на ход судебного процесса // История государства и права. 2008. № 19. С. 22 – 23.

[35] Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: переписка, дневники, воспоминания, статьи / Сост. А. С. Мелкова. М., 2005. С. 2.

[36] Мелкова А. С. Чехов и Меньшиков: история личных взаимоотношений и творческих взаимосвязей // Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: переписка, дневники, воспоминания, статьи. Указ. изд. С. 43.

Взгляды Меньшикова-нововременца нельзя до конца адекватно оценить вне связи с его более ранними идеями, тем более, что, несмотря на ряд изменений в его социально-политических взглядах, его подход к публицистике, к восприятию и изложению тех или иных явлений сформировался еще в «Неделе» и сохранился в «Новом времени». Мы согласны с мнением современного историка Я. В. Добролюбова, отмечающего: «М. О. Меньшиков – бывший толстовец, с горячностью перешедший на сторону русского национального дела, но в подходе к этому делу так и оставшийся толстовцем – все упрощающим, страстным, по-сектантски романтичным»[37]. При этом Добролюбов отметил далеко не все особенности мировосприятия и психологии Меньшикова, сформировавшиеся еще в конце XIX в. и повлиявшие на его последующую публицистику.

В этой связи нам представляется актуальным воссоздание мировоззренческой эволюции Меньшикова с целью показать разносторонность и неоднозначность его взглядов, проследить логику его философских, религиозно-этических и социально-политических исканий в контексте выстраивания деталей его жизненного пути.

Хронологические рамки исследования охватывают период раннего формирования личности Меньшикова и становления его как публициста до перехода в газету А. С. Суворина «Новое время» – 1859 – 1901 гг. Однако в целях анализа эволюции взглядов Меньшикова мы будем в отдельных случаях обращаться к его взглядам всего периода жизни (до 1918 г.).

Объектом исследования является духовно-культурная жизнь России последней четверти XIX в.

Предметом исследования избраны философские и религиозно-этические аспекты во взглядах М. О. Меньшикова в указанных хронологических рамках.

Степень разработанности темы.

---

[37] Добролюбов Я. В. Как делать реакцию. Катков М. Н. Имперское слово. М., 2002 // Отечественные записки. №. 4 – 5. 2002. С. 369 – 370.

Детальный анализ историографии М. О. Меньшикова нашел свое детальное отражение в недавно опубликованной монографии С. М. Саньковой[38]. Как показывает это исследование, основной историографический массив относится исключительно ко времени работы Меньшикова в «Новом времени», как наиболее значительному периоду его жизни. Именно данные работы преимущественно анализировались Саньковой, исходя из задач ее исследования, позиционирующего Меньшикова как идеолога государственного национализма. Отметив лишь основные тенденции эволюции исторических оценок личности Меньшикова в целом, мы остановимся подробнее на работах, касающихся раннего периода творчества Меньшикова, как непосредственно имеющих отношение к нашему исследованию.

Дореволюционная историография Меньшикова связана преимущественно с периодом его работы в «Новом времени». Однако некоторые упоминания о его более ранней публицистике встречаются в справочной литературе, публицистике и мемуарах. Показателем признания популярности Меньшикова уже во время сотрудничества в «Неделе» служит статья о нем в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона за 1896 г., написанная авторитетным в то время литературным критиком умеренно-либерального направления С. А. Венгеровым. В этой статье Меньшиков представлен как сотрудник «Недели», выдвинувшийся «рядом талантливых литературно-публицистических статей», которого «занимают по преимуществу вопросы нравственности», которые он решает в духе идей Л. Н. Толстого, под чьим «заметным влиянием» он находился. «Лучшая сторона статей Меньшикова, по мнению Венгерова, глубоко искреннее стремление автора познать истину и выработать миросозерцание, достойное нравственно чуткого человека»[39]. Заметим, что в эту статью закралась ошибка относительно даты опубликования очерков «По портам Европы» – 1879 г.[40], которая стала воспроизводиться некоторыми современными исследователями, о чем мы скажем позже.

---

[38] Санькова С. М. Два лица «Нового времени». А. С. Суворин и М. О. Меньшиков в зеркале историографии. Орел, 2011.

[39] Венгеров С. А. Меньшиков // Энциклопедический словарь Т. XIX (37). СПб.: Издатели Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, 1996. С. 107.

[40] Там же.

Показателем, насколько изменилось отношение к публицистике Меньшикова после его перехода в «Новое время», является статья Венгерова, написанная, а точнее, дописанная им для «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, изданного в 1917 г. Сохранив все написанное о Меньшикове в предыдущем издании, автор в то же время отмечал, что «литературная физиономия Меньшикова столь резко изменилась, что перед нами совершенно другой писатель». Эти перемены, по мнению критика, произошли не сразу: «Первое время Меньшиков был верен прежнему симпатичному облику своему, который его противникам, однако, казался чересчур "елейным". Во всяком случае эта "елейность" была мало уместной на столбцах "Нового времени"». Однако, выбрав газету, Меньшиков, по словам Венгерова, с неизбежностью перенял и ее тон: «Постепенно Меньшиков превратился в проповедника самой крутой реакционной политики, самых крутых расправ, самых нетерпимых мероприятий. Даже отношение к христианству, как религии кротости, Меньшиков считает теперь либерально-сентиментальной фальсификацией». При этом Венгеров полагал, что в нововременских статьях Меньшиков высказывает отнюдь не собственные изменившиеся взгляды, а является «точным барометром различных фазисов борьбы общества с властью», не имея при этом своего «цельного и определенного миросозерцания» [41].

Суть противоречивости положения Меньшикова и отношения к нему современников в поздний период его творчества отражена в воспоминаниях великого князя Александра Михайловича: «Меньшиков всю жизнь прожил в полнейшей изоляции, подобно прокаженному, которого поносили все современные авторитеты и избегали сотрудники его же газеты «Новое время». Имя этого величайшего русского журналиста являлось символом всего самого низкого, подлого и презренного». Под «современными авторитетами» Александр Михайлович имел в виду либерально-ориентированную интеллигенцию, в то время как он сам и Николай II очень высоко ценили творчество Меньшикова. «Тирания самочинных цензоров российского общественного мнения, – отмечал

[41] Венгеров С. А. Меньшиков // Новый энциклопедический словарь. СПб.: Издание акционерного общества «Издательское дело бывшее Брокгауз-Ефрон», 1915. Т. 26. Стб. 297.

Александр Михайлович, – была настолько сильна, что в сорокалетний юбилей писательской деятельности Меньшикова ни один писатель не решился послать ему поздравительной телеграммы из боязни, что этот поступок станет известным публике» [42].

Однако нельзя утверждать, подобно Александру Михайловичу, что Меньшиков был изгоем в своей же газете. К примеру, секретарь редакции «Нового времени» Н. И. Афанасьев, включивший Меньшикова в вышедшее в 1909 г. справочное издание «Современники. Альбом биографий», не побоялся дать публицисту очень лестную характеристику: «Статьи и фельетоны Меньшикова вообще пользуются крупным успехом. В них сказывается талантливый писатель и замечательный аналитик всего, что совершается в нашей политической и культурной жизни»[43]. О периоде сотрудничества Меньшикова в «Неделе» Афанасьев отзывается в духе Венгерова: «В этом издании он обнаружил крупный публицистический талант». По его мнению, именно статьи Меньшикова «содействовали успеху» этого издания. Афанасьев более осторожно отмечал связь взглядов Меньшикова с идеями Толстого, указывая, что в ряде «литературно-критических и нравственно-философских статей» публицист «примыкает к некоторым сторонам» его учения[44].

Многие маститые отечественные писатели давали высокие оценки первых публицистических опытов Меньшикова, и даже вступали с ним в дружескую переписку. В 1892г. Чехов, с которым Меньшиков был лично знаком, в одном из писем Меньшикову отмечал: «Ваша статья интересна, умна и убедительна. Если бы я издавал журнал, то непременно пригласил бы Вас в сотрудники и был бы огорчен, если бы Вы отказали мне»[45]. Н. С. Лесков в июне 1893 года, в письме к Л.И. Веселитской отмечал: «Меньшиков очень умен, сердечен и прям, но сходиться очень неохотно и трудно; душа и сердце у него, мне кажется, прекрасны, но внешность и манера обхождения его многих к нему не

[42] Воспоминания великого князя Александра Михайловича. М., 2004. С. 192.
[43] Афанасьев Н. И. Меньшиков Михаил Осипович // Афанасьев Н. И. Современники. Альбом биографий. Б. м., 1909. Т. 1. С. 173 – 174.
[44] Там же.
[45] Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков. Указ. изд. С. 5.

располагают»[46]. В 1893 г. Л. Н. Толстой неоднократно принимал Меньшикова в Ясной поляне, пишет Меньшикову письмо, в котором благодарит за отзыв на статью «Царство Божье внутри нас», отмечая, что этот отзыв был ему «очень дорог»[47]. Однако находились и те, кто никогда не признавал за Меньшиковым литературного таланта, в основном это были собратья по цеху, газетчики и журналисты, то есть потенциальные конкуренты. Последнее обстоятельство не могло не влиять на их оценки. Современный историограф Меньшикова С. М. Санькова приводит в своей монографии ряд отзывов, сходящихся в утверждении незатейливости и водянистости его стиля[48]. В этом мнении сходились такие дореволюционные авторы, выступавшие с обширными критическими разборами статей Меньшикова периода «Недели», как М. А. Протопопов, Н. К. Михайловский, М. Неведомский (М. П. Миклашевский). Один из современников-публицистов марксист В. М. Шулятиков, характеризуя основные статьи Меньшикова, опубликованные в «Неделе», вообще пришел к выводу, что он «застрял» в 80-х гг. XIX в. и «весь ушел в видения прошлого»[49]. Эти же статьи Меньшикова публицист народнического направления А. И. Богданович окрестил «юродствующей литературой»[50], а его стиль периода сотрудничества в «Новом времени» – «иудушкиным пустословием»[51].

В советский период личность Меньшикова оценивалась исключительно через призму ленинских характеристик: «верный сторожевой пес царской черной сотни»[52]; «наемный писака черносотенного царского правительства»[53]; «убежденный шовинист»[54]. Показательно, что в указателе имен к Собранию сочинений В. И. Ленина о Меньшикове приводились искаженные данные, в частности говорилось, что он после Октябрьской революции «вел активную

---

[46] Центр хранения дел личных собраний Москвы (ЦХДЛСМ). Ф. 202. Оп. 1. Д. 23 Л. 59 об.
[47] Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков. Указ. изд. С. 26.
[48] Санькова С. М. Два лица «Нового времени». Указ. изд. С.129.
[49] Шулятиков В. Философия патриархальной простоты // Курьер. 1901. № 182. URL: http://az.lib.ru/s/shuljatikow_w_m/text_0690.shtml.
[50] Богданович А. И. Юродствующая литература: «О любви» М. О. Меньшикова; «Сумерки просвещения» В. В. Розанова // Годы перелома (1895–1906). Сборник критических статей. СПб., 1908. С. 240 – 261.
[51] Богданович А. И. Современные славянофилы. Начало Русского собрания // Годы перелома. Указ. изд. С. 368.
[52] Ленин В. И. Пятидесятилетие падения крепостного права // Ленин В. И. ПСС. Изд-е 5. М., 1973. Т. 20. С. 142.
[53] Ленин В. И. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция // Ленин В. И. ПСС. Указ. изд. Т. 20. С. 178.
[54] Ленин В. И. О национальной гордости великороссов // Ленин В. И. ПСС. Указ. изд. Т. 26. С. 106.

борьбу против Советской власти» и был «расстрелян за контрреволюционную деятельность» в 1919 г.[55]. Если первые утверждения соответствовали официальному обвинению в «монархическом заговоре», о котором сообщалось в «Известиях Всероссийского ЦИК» от 22 сентября 1918 г.[56], то год расстрела заменен с 1918 на 1919 явно по небрежности составителей, проявлявших незначительный интерес к столь неприглядной персоне.

Во многом именно с подачи Ленина в советской историографии закрепилось представление о заказном характере публицистики Меньшикова периода «Нового времени». «Если газета «Новое время», – писал Ленин, – вполне заслуженно пользуется «славой» одной из наиболее бесчестных газет, подделывающихся и к выгодным аферам, и к правительству, и к командующему классу помещиков, то сотрудник этой газеты Меньшиков пользуется такой славой вдвойне, и пользуется вдвойне заслуженно. По статьям Меньшикова нередко определяют безошибочно, какие «круги» чиновного или капиталистического или барского Петербурга *заказывали* ему то или иное выступление»[57]. При этом Ленин признавал значительность той роли, которую Меньшиков играл в «Новом времени», особенно после смерти А. С. Суворина. Так, в 1914 г. он прямо называет это издание «газетой Меньшикова»[58]. Но так как Ленин не упоминал о Меньшикове из «Недели», то эта часть его творчества осталась не замеченной советскими историками. Меньшиков упоминался в монографиях и статьях, посвященных политической истории России начала XX в., лишь как одиозный сотрудник не менее одиозного Суворинского «Нового времени»[59], «черносотенец»[60].

Лишь в литературной энциклопедии, вышедшей в 1934 г., несколько строк посвящено его сотрудничеству в «Неделе», которая, по мнению автора Д. Заславского, специализировалась «на ликвидации революционных настроений

---

[55] Там же. С. 543.
[56] Меньшиков М. О. Материалы к биографии. Указ. изд. С. 250.
[57] Ленин В. И. Помещичий голос об «успокоении» деревни // Ленин В. И. ПСС. Указ. изд. Т. 23. С. 141.
[58] Ленин В. И. Нужен ли обязательный государственный язык? // Ленин В. И. ПСС. Указ. изд. Т. 24. С. 294.
[59] Аврех А. Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985; Он же. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991; Он же. Царизм и IV Дума. 1912 – 1914. М., 1981; Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907 –1911 г. г. Л., 1978; Он же. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911 – 1914 г. г. Л., 1988.
[60] Аврех А.Я. III Дума и начало кризиса третьеиюньской системы (1908 – 1909) // Исторические записки, 1955, т. 53. С. 51.

предшествующей эпохи и проповеди "малых дел"», а Меньшиков, в частности, занимался «приспособлением нравственно-религиозного учения Л. Толстого к запросам крепостнической реакции»[61].

На волне интереса к дореволюционным партиям консервативного лагеря, возникшего в 90-е гг. прошлого века в связи с происходившими в нашей стране политическими изменениями, личность Меньшикова стала предметом более пристального рассмотрения в свете его участия в создании простолыпинской партии Всероссийский национальный союз[62]. Затем появляются работы, посвященные непосредственно националистическим взглядам самого Меньшикова, однако все они охватывали только период его деятельности в «Новом времени»[63].

Вскоре появляются первые переиздания статей Меньшикова, в которых были представлены некоторые биографические данные и характеристики его творчества. Они были подготовлены преимущественно внуком Меньшикова М. Б. Поспеловым[64]. В предисловиях и послесловиях к этим изданиям давались краткие биографические сведения, несколько идеализирующие семейную атмосферу, в которой прошло раннее детство Меньшикова, о чем подробнее мы скажем в главе, посвященной его биографии. Оценки творчеству Меньшикова давались не критические, так как писались либо самим Поспеловым, либо писателями и публицистами[65]. Несколько сборников статей Меньшикова было

---

[61] Заславский Д. Меньшиков // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 7. М.: ОГИЗ РСФСР, гос. словарно-энцикл. изд-во «Сов. Энцикл.», 1934. Стб. 190.

[62] Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001; Санькова С.М. Русская партия в России: Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908-1917). Орел, 2006; Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007; Стукалов П.Б. Указ. соч.

[63] Шлемин П.И. Права человека в современном мире. Национальные отношения и права человека в России (диалоги с М. О. Меньшиковым, 1906 – 1908). М., 1993; Он же. М. О. Меньшиков: мысли о России. Монография. М., 1997; Сохряков Ю. И. Работа совести. (Национальная идея в публицистике М. О. Меньшикова) // Сохряков Ю. И. Национальная идея в отечественной публицистике XIX – начала XX в. М., 2000. С. 170 – 178.

[64] М.О. Меньшиков. Из писем к ближним / Составитель М. Б. Поспелов. М., 1991. 224; Меньшиков М. О. Выше свободы: Статьи о России. М., 1998.

[65] Распутин В. Г. На круги своя // Меньшиков М. О. Выше свободы. М., 1998. С. 7 – 16; Поспелов М. Б., Лисовой Н. Н. Естественный стиль // Меньшиков М. О. Выше свободы. Указ. изд. С. 411 – 431; Лазарев В. Я. К живым адресатам // Меньшиков М. О. Выше свободы. Указ. изд. С. 432 – 455; Шафаревич И. Р. Встающий из небытия // Меньшиков М. О. Вечное воскресение. (Сборник статей о Церкви и вере). М., 2003. С. 3 – 5; Савельев А. Русское сердце Михаила Меньшикова // М. О. Меньшиков. Русское пробуждение. М., 2007. С. 7 – 18; Воронцов А. Слово Меньшикова на перепутьях русской смуты (к 150-летию со дня рождения выдающегося русского мыслителя) // Наш современник. 2009. № 9. С. 239 – 262.

подготовлено М. Б. Смолиным[66], который в предисловиях к этим изданиям также почти не уделял внимания публицистике Меньшикова периода «Недели», повторяя расхожий тезис об увлеченности Меньшикова идеями Толстого и отмечая, что его публицистика в этот период «имела весьма морализаторский характер»[67].

Публицистические статьи этого периода, посвященные личности Меньшикова, если и упоминали о периоде его сотрудничества в «Неделе», то определяли его взгляды этого времени, исходя из его более поздней публицистики. Так, В. С. Жилкин утверждал, что «в 1890 годах он был близок к либералам, но уже тогда сформировалась определяющая его взгляды на политику и культуру позиция – христианина и государственника»[68]. Как мы покажем в нашем дальнейшем исследовании, характеристика Меньшиков как «православного христианина» в данном случае как минимум крайне не точна.

Публикация статей Меньшикова как отдельными изданиями, так и в составе тематических сборников по большей части состояла из работ периода сотрудничества в «Новом времени», выходивших под рубрикой «письма к ближним» и издававшихся Меньшиковым отдельными сборниками «Из писем к ближним». Отдельные статьи Меньшикова стали появляться в отечественных журналах консервативной направленности[69]. В 1991 г. появилась первая публикация фрагмента из многочисленных записных книжек Меньшикова, посвященного убийству Николая II[70].

То обстоятельство, что первый сборник статей Меньшикова, увидевший свет в постсоветское время, был издан Военным издательством, повлияло на

---

[66] Смолин М. Б. Апология русского империализма // М. О. Меньшиков. Национальная империя. М., 2004. С. 5 – 15; Он же. Имперское мышление и имперский национализм М. О. Меньшикова // Меньшиков М. О. Письма к русской нации. М., 2005. С. 5 – 26; Он же. М. О. Меньшиков. Биографическая справка // Меньшиков М. О. Избранные статьи. СПб., 2012. С. 3 – 7.

[67] Смолин М. Б. Гений десятой музы // Меньшиков М. О. Как воскреснет Россия? Избранные статьи. СПб., 2007. С. 6.

[68] Жилкин В. С. Верный сын России // Русский дом. 2003. № 9. URL: http://www.russdom.ru/oldsayte/2003/200309i/20030914.html.

[69] М. Меньшиков. По образу своему и подобию // Слово. 1991. № 9. С. 17 – 21; Меньшиков М. О. Первые жертвы / Публ. М. Б. Поспелова // Слово. 1992. № 8. С. 75 – 80; Меньшиков М. О. В Москве // Наш современник. 1997. № 9. С. 23 – 28.

[70] Меньшиков М. О. Реакция на убийство Николая II. Страницы из дневника (Зачем эта кровь?) // Русский вестник. 1991. № 20. С. 23 – 29.

возникновение интереса к публицистическому наследию Меньшикова в военной среде (заметим, что еще в дореволюционный период взгляды Меньшикова на проблемы армии и флота удостоились высокой оценки[71]). Следствием стало включение статей Меньшикова по проблемам армии и обороноспособности страны в ряд изданий по военной тематике[72].

В результате концентрации интереса к личности Меньшикова на его деятельности в период Третьеиюньской монархии в современных справочных изданиях, освещающих его биографию и взгляды, акцент также делается именно на этом этапе его жизни, а ранняя публицистика практически не затрагивается[73].

Только в начале XXI в. стали появляться работы, освещающие жизнь и взгляды Меньшикова раннего периода, но их крайне мало. Первой такой публикацией стала статья Н. А. Филаткиной «Меньшиков и Петербург». В этой работе впервые были использованы дневниковые записи Меньшикова конца XIX в. Однако сама тематика статьи предполагала раскрытие не столько взглядов Меньшикова как такового, сколько призвана была расширить литературный образ Петербурга за счет привлечения нового источника. Именно это, по всей видимости, обусловило невнимательное отношение к самой личности Меньшикова, повлекшее за собой как фактические ошибки (в частности, указание в качестве даты издания очерков Меньшикова «По портам Европы» отдельной книгой 1879 г.[74], тогда как фактически они были изданы в 1884 г., о чем свидетельствуют и записи самого Меньшикова, и выходные данные, указанные на

---

[71] Меньшиков Михаил Осипович // Военная энциклопедия. СПб., 1911 – 1915. Т. 15. С. 264.

[72] Меньшиков М. О. Возрождение национальной государственности // К познанию России. Взгляды русских мыслителей. Российский военный сборник. Выпуск VIII. М., 1994. С. 114 – 138; Он же. Охранительная и стабилизирующая сущность Закона // Военное законодательство Российской империи. Российский военный сборник. Выпуск 10. М., 1996. С. 322 – 325; Он же. Есть ли у нас флот? // Военно-морская идея России. Духовное нследие императорского флота. М., 1999. С. 80 – 85; Меньшиков М. Родина и герои // Христолюбивое воинство: Православная традиция Русской Армии. М., 2006. С. 402 – 407.

[73] Иванов А. А., Санькова С. М. Меньшиков Михаил Осипович // Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900 – 1917. М., 2008. С. 320-323; Шлемин П. И. Меньшиков Михаил Осипович // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 286 – 288; Репников А. В., Санькова С. М. Меньшиков Михаил Осипович // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2010. С. 289 – 295; Санькова С. М. Меньшиков Михаил Осипович // Петр Аркадьевич Столыпин: Энциклопедия. М., 2011. С. 321 – 323.

[74] Филаткина Н. А. М. О. Меньшиков и Петербург (по страницам неопубликованных дневников) // Вестник архивиста. 2003. № 3 – 4. С. 79.

издании), так и небрежность в цитировании дневниковых записей, опускание различных междометий, изменение слов.

Вторым обращением к раннему Меньшикову стала статья сотрудницы Музея-заповедника А.П. Чехова «Мелихово» Е. Бычковой, в которой впервые были представлены и проанализированы оценки начинающего публициста маститым писателем[75]. Эта тема нашла свое более фундаментальное продолжение в работе Мелковой, представляющей собой издание материалов, посвященных взаимоотношениям М. О. Меньшикова и А. П. Чехова, подготовленное А. С. Мелковой [76]. Именно в этой работе впервые для современного читателя предстает эволюция Меньшикова, как по внутренним убеждениям, так и во взаимоотношениях с друзьями и близкими. Здесь же впервые представлена часть противоречивых отзывов о Меньшикове его современников, знавших его лично.

Помимо непосредственно опубликованной переписки Меньшикова и Чехова и статей Меньшикова о Чехове данное издание содержит ряд аналитических статей Мелковой, в которых помимо прочего была предпринята попытка частично восстановить фактологию личной жизни и черты характера Меньшикова[77]. На основании представленных в издании Мелковой материалов свое видение первых шагов Меньшикова на поприще публицистики представил филолог В. В Петелин[78].

Непосредственно к взглядам Меньшикова периода сотрудничества в народнической «Неделе» обращался в ряде статей Н. В. Зверев. Анализ работ публициста данного периода позволил автору прийти к выводу о том, что «Меньшиков на раннем этапе своей общественной деятельности находился под определённым влиянием народнической доктрины»[79]. В другой работе автор

---

[75] Бычкова Е. «Вы интересный человек» // Мелихово. Альманах. Чехов, 2003. С. 90 – 110.

[76] Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: переписка, дневники, воспоминания, статьи. Указ. изд.

[77] Мелкова А. С. От «Сестры» до «Человека в футляре» // Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: переписка, дневники, воспоминания, статьи. Указ. изд. С. 372 – 393. Она же. Кто был прав: Толстой или Чехов // Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков. Указ. изд. С. 413 – 425. Она же. «Нежная душа» // Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков. Указ. изд. С. 425 – 436.

[78] Петелин В. В. История русской литературы XX века. Т. 1. 1890-е годы – 1953 год. М., 2012. URL: http://www.rumvi.com/products/ebook/история-русской-литературы-xx-века-том-i-1890-е-годы-1953-год-в-авторской-редакции/72531374-9835-43a5-855a-8008e73a587/preview/preview.html#TOC_EAPAE.

[79] Зверев Н.В. М.О. Меньшиков о русском крестьянстве / Сборник работ студентов – победителей международных, всероссийских и университетских конкурсов, конференций, олимпиад 2007 – 2008 гг. М., 2008. С. 112.

убедительно показывает, что Меньшиков «является активным *сторонником идеи эволюционного развития*», понимающим под культурой в первую очередь «накопление знаний и материальных богатств»[80]. При этом Зверев утверждает, что уже в этот период «Меньшиков выступает как *"государственник"*», при этом он является сторонником идеи «*государства социальной справедливости»*[81], пытаясь решать даже чисто экономические вопросы с нравственных позиций. Зверев определял такой подход Меньшикова как *«нравственную методологию».* Разделяя данные тезисы, мы в своем исследовании приведем их дополнительное обоснование. Еще одна работа Зверева посвящена анализу взглядов раннего Меньшикова на прогресс. В ней автор ставит значимую для нашего исследования проблему. Факт сотрудничества в «Неделе» «с одной стороны, может служить свидетельством того, что на ранних этапах своей общественной деятельности публицист находился под существенным влиянием одного из крупнейших течений общественной мысли России, а с другой – отчасти является поводом для поиска новых подходов к изучению и интерпретации идей Меньшикова». А если учесть позднейшую мировоззренческую и политическую эволюцию Меньшикова, то на его примере можно будет хотя бы частично ответить на вопрос, «могла ли народническая доктрина в процессе своей эволюции принимать консервативные формы». Для решения поставленных задач Зверев обращается к анализу позиции Меньшикова «по вопросу о том, что является критерием прогресса (поскольку именно он был одним из ключевых элементом народнической теории)»[82]. В ходе этого анализа исследователь приходит к обоснованному, на наш взгляд, выводу о том, что прежде всего необходимо отметить, что «критическое отношение к городской культуре является лейтмотивом всего творчества Меньшикова на протяжении многих лет». Более того, Зверев утверждает, что «Меньшиков стал первым среди легальных народников, кто обратил внимание на появление и рост значения пролетариата в социально-политических процессах и сделал его

---

[80] Зверев Н.В. «Кому нужна земля» / Диалог цивилизаций: Восток – Запад. Глобализация и мультикультурализм: Россия в современном мире: Материалы VII межвузовской научной конференции. М., 2007. С. 60.

[81] Там же. С. 61.

[82] Зверев Н.В. Нравственная верификация прогресса в ранней публицистике М.О. Меньшикова (по материалам газеты «Неделя») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2010. № 6. С. 83.

объектом своего анализа» [83], неизменно доказывая, что капиталистический прогресс ведет к деградации человеческой личности. Мы в своем исследовании продолжим аргументацию в пользу данных тезисов, опираясь не только на публицистические статьи, но и на дневниковые записи Меньшикова.

Последней современной работой, включающей в себя анализ раннего творчества Меньшикова, является монография Крижановского, рассматривающая преимущественно литературную критику публициста в культурно-философском контексте эпохи. В данной монографии отмечается вовлечение Меньшикова в «актуальную и для публицистики 1870 – 1880-х годов полемику сторонников чистого искусства и последователей концепции искусства социально - значимого, обличительного»[84], выступая на стороне первых и доказывая, что основная задача искусства – давать человечеству прекрасные идеалы. Анализируя раннюю публицистику Меньшикова, автор помимо прочего констатировал наметившуюся с самых первых статей его тенденцию к морализаторству[85]. Однако в целом и в данной монографии исследуются преимущественно статьи Меньшикова, публиковавшиеся им в «Новом времени».

Научная новизна. Таким образом, до настоящего времени комплексный анализ истоков формирования и эволюции мировоззрения Меньшикова в отечественной историографии не предпринимался. В данной работе впервые представлена биография Меньшикова раннего периода, включая его работу в «Неделе». Впервые предметом исследования стал весь массив записных книжек Меньшикова и на основе их анализа в комплексе с ранними статьями публициста анализируются его взгляды по религиозно-этическим и социально-политическим вопросам.

Целью исследования является изучение процессов формирования религиозно-философских взглядов Меньшикова в социально-историческом контексте.

---

[83] Там же. С. 86.
[84] Крижановский Н. И. Публицистика М. О. Меньшикова в контексте критико-философской мысли рубежа XIX – XX веков. Армавир, 1912. С. 21.
[85] Там же. С. 22.

Достижение данной цели предполагает решение в ходе исследования следующих **задач**:

– выявить обстоятельства формирования личности М. О. Меньшикова, воссоздав его детальную биографию исследуемого периода;

– проследить этапы становления Меньшикова как публициста;

– проанализировать развитие его внутренней жизни, выявить цели и задачи, которые он перед собой ставил в краткосрочной и долгосрочной перспективах;

– охарактеризовать религиозно-философские взгляды Меньшикова в их эволюции;

– выявить основные взгляды Меньшикова на социально-этические проблемы Российского общества в период его сотрудничества в «Неделе»;

– изучить специфику взглядов Меньшикова по национальному вопросу в исследуемый период и проанализировать их последующую трансформацию

Источниковая база диссертационного исследования. Важнейшей составляющей источниковой базы диссертации стали записные книжки М. О. Меньшикова за изучаемый нами период, отложившиеся в Центре хранения дел личных собраний Москвы (ЦХДЛСМ) Главного Архивного управления. Из этого основного архивного собрания Меньшикова в настоящее время опубликованы лишь дневниковые записи, касавшиеся Л. Н. Толстого[86], переписка Меньшикова с Чеховым и фрагменты дневников, в которых упоминался Чехов[87], дневники и письма за 1918 г. (но не полностью)[88], несколько фрагментов дневника за 1917 г.[89]. Таким образом, основная часть массива этого архивного собрания, относящаяся к интересующему нас периоду, остается неопубликованной.

Основной документальный массив фонда Меньшикова в ЦХДЛСМ состоит из записных книжек, в которых собственно дневниковые записи перемежаются с фрагментами и набросками различных литературных произведений. В фонде также содержится собранная самим Меньшиковым подборка его самых ранних

---

[86] Прометей. Т. 12. Толстовский выпуск. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». М., 1980. С. 25 – 39.

[87] Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: переписка, дневники, воспоминания, статьи. Указ. изд.

[88] М.О. Меньшиков. Материалы к биографии. Указ. изд.; Меньшиков М. О. Реакция на убийство Николая II. Страницы из дневника (Зачем эта кровь?) // Русский вестник. 1991. № 20.

[89] Меньшиков М.О. Проповеди отца Михаила / Публ. Н.А. Филаткиной // Московский архив. Вып. 4. М.: Издательство Главархива Москвы, 2006. С. 9 – 38; Орлов А. С. «Христианство не удалось». «Путь спасения». Фрагменты дневников М. О. Меньшикова. 1917 г. // Вестник архивиста. 2012. № 3. С. 289 – 298.

публикаций в различных изданиях, которые он публиковал еще без подписи. Здесь же хранятся послужной список Меньшикова и составленная им самим собственная родословная.

Ввиду различных обстоятельств архив Меньшикова попал в ЦХДЛСМ в достаточно разрозненном виде, что сказалось при описи и нумерации листов. Нами были установлены некоторые ошибки при нумерации листов тетрадей, в которых Меньшиков делал записи, и восстановлен ряд последовательностей в дневниковых записях по их смысловому контексту.

Дневниковые записи показывают способность Меньшикова с раннего возраста излагать свои мысли сразу в законченном виде, в дневниках почти не встречается зачеркиваний. В первых тетрадях встречаются ошибки в употреблении падежных окончаний, но они быстро исчезают.

По всей вероятности, Меньшиков в последний год жизни просматривал свои старые дневниковые записи, так как в них на полях изредка встречаются заметки, датированные 1918 г.

Вторым основным источником нашего исследования стали публицистические работы Меньшикова, главным образом опубликованные в «Книжках Недели». Как мы уже отмечали выше, современные переиздания работ Меньшикова 1990 – 2000-х гг. касались преимущественно его «писем к ближним». Исключением стали выпущенные в 1994 г. в Ставрополе переиздания книг Меньшикова, состоявших из циклов статей, публиковавшихся им в «Неделе», – «Думы о счастье» и «О любви». Однако, по всей видимости, тираж этих книг был так мал, что они стали не меньшей редкостью, чем оригинальные издания 1898 и 1899 гг.

Помимо этих двух изданий некоторые работы Меньшикова периода «Недели» вошли в последний на настоящий момент двухтомный сборник его работ, подготовленный Институтом русской цивилизации[90].

Отметим, что исходя из цели и задач нашего диссертационного исследования, Меньшикова как литературного критика мы не рассматриваем, а

[90]Меньшиков М. О. Великорусская идея / Сост., предисл., коммент. В. Б. Трофимовой. М., 2012. В 2-х т.

отдельные критические очерки используем исключительно для выявления его философских, социальных, религиозных и этических взглядов.

Третью группу источников составила переписка Меньшикова. Небольшая ее часть была опубликована – переписка Меньшикова с Чеховым[91], письма за 1918 г.[92]. Часть писем Меньшикова к родственникам и знакомым отложилась в ЦМАМЛС и была нами использована.

Часть писем Меньшикова к различным литературным деятелям отложилась в архиве РГАЛИ, однако мы их не использовали, так как в них по большей части содержится обсуждение литературных процессов, происходивших в России в указанный период, а данная тема не входила в круг исследовавшихся нами вопросов.

Нами в незначительной степени был использован такой исторический источник, как мемуары, ввиду того, что в отечественной мемуаристике личность Меньшикова рассматриваемого нами периода почти не упоминается, а даже немногочисленные имеющиеся отзывы относятся исключительно к его литературным способностям, что выходит за рамки нашего исследования.

Методологическая база диссертационного исследования основывается на принципе историзма, предполагающем рассмотрение взглядов исследуемой персоналии в развитии и в связи с обусловившими их факторами.

В работе мы опирались на принцип объективности, рассматривая эволюцию личности и взглядов Меньшикова с учетом объективных закономерностей, которые определяли процессы общественно-культурного развития в исследуемый исторический период.

В ходе исследования нами применялся ряд специально-исторических методов:

– Сравнительно-исторический метод был нацелен на выявление как специфических черт мировоззрения Меньшикова, так и представлений, являвшихся типичными для своей эпохи.

---

[91] Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: переписка, дневники, воспоминания, статьи. Указ. изд.

[92] Меньшиков М. О. Материалы к биографии // Российский архив. (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.). Вып. 4. М., 1993.

– Проблемно-хронологический метод позволил расчленить исследуемую тему на ряд более узких проблем, каждая из которых рассматривалась в хронологической последовательности с точки зрения эволюции взглядов Меньшикова в контексте изменений, происходивших в его жизни.

– Метод периодизации дал возможность выделить отдельные этапы становления и эволюции взглядов М. О. Меньшикова с целью выявления доминирующих характеристик для каждого периода.

– Посредством метода перспективного анализа выявлялись те аспекты во взглядах и публицистике Меньшикова исследуемого периода, которые в будущем могут стать наиболее актуальными и востребованными.

Теоретическая и научно-практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в исследованиях, посвященных истории общественно-политической и философской мысли России третьей четверти XIX в., в курсах лекций по русской истории, истории журналистики и философии, учебной и учебно-методической литературе. Материалы работы могут быть использованы представителями других гуманитарных дисциплин – литературоведами, философами, политологами. Помимо этого диссертационное исследование может представлять интерес для действующих политиков, способствуя пониманию истоков формирования националистических взглядов в России, а также ряда конфессиональных проблем современности, имеющих свои истоки в дореволюционной истории России.

Положения, выносимые на защиту:

Несмотря на эклектичность философских взглядов Меньшикова, в них четко прослеживается синтез европейских идей, восходящих к «философии жизни» и «первому позитивизму», в особенности биологизаторскому подходу Г. Спенсера, и типичному для отечественной философии данного периода «богоискательству», которое, в конечном счете, не столько приводило, сколько уводило от христианской веры.

Публицистика Меньшикова не дает в полной мере представления о его взглядах и не должна рассматриваться в отрыве от дневниковых записей.

Близость взглядов Меньшикова периода сотрудничества в «Неделе» к толстовству определялась в первую очередь сходством во взглядах на христианство и институт брака.

Основные моменты взглядов Меньшикова по национальному вопросу в России, высказываемые им на страницах своих дневников, не дают основания согласиться с тезисом ряда дореволюционных и современных авторов о резком изменении во взглядах публициста в сторону национализма с момента перехода его в газету «Новое время». Мы полагаем, что Меньшиков не искренне поменял свои взгляды, а лишь приспосабливался к направлению газеты и мнению правительственных верхов.

Апробация исследования. Общий объем публикаций по теме диссертационного исследования составляет семь п.л. Ключевые положения диссертационной работы нашли свое отражение в двух разделах коллективных монографий.

Имеются пять публикаций по теме исследования в научных изданиях из списка, рекомендованного ВАК для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, две главы в коллективных монографиях и восемь публикаций в научных сборниках.

Основные положения и результаты исследования были изложены в 2011 – 2014 гг. в докладах и сообщениях на семи международных, всероссийских и региональных научных конференциях.

Структура диссертации обусловлена проблемно-хронологическим принципом изложения материала. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников и литературы. Тематика глав и их внутренняя структура соответствуют поставленным в исследовании задачам.

Глава 1. Обстоятельства формирования личности М. О. Меньшикова

1.1 Биография и родословная Меньшикова

Михаил Осипович Меньшиков родился г. Новоржеве Псковской губернии 23 сентября (по старому стилю) 1859 г., «после постыдной Крымской войны»[93], как он сам незадолго до своей гибели определил это время. В 17 лет Меньшиков составил описание того края, где он родился, надеясь в будущем заняться краеведческими исследованиями[94].

На дату его рождения следует обратить особое внимание, так как в отечественной историографии чаще всего называется 25 сентября. Эта дата появляется в предисловии к изданию дневников публициста за 1918 г.[95], затем в одном из первых переизданий статей Меньшикова, подготовленном при участии его внука М. Б. Поспелова[96], и попадает в ряд энциклопедических статей[97]. Однако с уверенностью можно утверждать, что Меньшиков родился именно 23 сентября. Об этом свидетельствует запись, сделанная рукой его дочери Ольги Михайловны (в замужестве Поспеловой) на листе, хранящемся в одном из дел личного архива публициста[98]. Подтверждением правильности именно этой даты является и дневниковая запись самого Меньшикова от 23 сентября 1889 г.: «сегодня мне исполнилось 30 лет»[99]. Однако источник разночтения в дате рождения Меньшикова – все те же дневниковые записи. В 1875 г. Меньшиков был уверен, что его день рождения – 25 сентября, о чем и сделал запись в дневнике[100]. По всей вероятности, Меньшиков и сам толком не помнил дату своего рождения.

---

[93] Меньшиков М. О. Материалы к биографии. Указ. изд. С. 18.
[94] Центр хранения дел личных собраний Москвы (ЦХДЛСМ). Ф. 202. Оп. 1. Д. 2. Л. 4 – 4 об.
[95] Меньшиков М. О. Материалы к биографии. Указ. изд. С. 5.
[96] Поспелов М., Лисовой Н. Естественный стиль. Штрихи к биографии и творчеству М. О. Меньшикова // Меньшиков М. О. Выше свободы. Статьи о России. Указ. изд. С. 414.
[97] Шлемин П. И. Меньшиков Михаил Осипович // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 286; Санькова С. М. Меньшиков Михаил Осипович // Петр Аркадьевич Столыпин: Энциклопедия. М., 2011. С. 321.
[98] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 23. Л. 115.
[99] Там же. Д. 20. Л. 46.
[100] Там же. Д. 1. Л. 81 об.

Так, 24 сентября 1879 г. он записал: «Вчера исполнилось 20 лет. Я думал, что это будет сегодня, посмотрел в метрику – вчера»[101].

Такое незнание собственной даты рождения было обусловлено сложной семейной ситуацией, в которой прошло детство Меньшикова. Он был вторым ребенком из семи детей семьи Меньшиковых, четверо из которых (три девочки и мальчик) умерли еще в младенчестве. В 1918 г. Меньшиков, находясь со своей собственной семьей на грани голодной смерти, вспоминал: «Та же голодная смерть преследовала тебя по пятам в течение долгих лет детства и юности. И разве ты, сверх того, не подвергался большой опасности умереть от заразной болезни – как 5/7 твоих сестер и братьев, не доживая до зрелости? Милые бедняжки – твоя плоть и кровь – Катя, Ипполит, Липочка, Саша умерли младенцами…»[102]. Все эти смерти происходили на глазах маленького Миши Меньшикова, который наверняка нянчился с младшими братом и сестренками и не мог равнодушно воспринять их смерть. Эти впечатления детства, безусловно, оставили свой след в психике будущего публициста и философа. К оставшимся в живых братьям Леониду и Володе Меньшиков всегда питал нежную привязанность, о чем мы скажем ниже.

Отец Михаила Меньшикова Осип Семенович был канцелярским служащим. Однако, как свидетельствует замечание публициста на страницах своего дневника, прослужил он «не долго»[103]. О дальнейшем роде деятельности отца точных данных нет. Однако из того же дневника можно заключить, что Осип Семенович служил сельским школьным учителем, так как Михаил Меньшиков упоминает учеников отца, а также есть записи о приобретении Меньшиковым для отца учебных книг и тетрадей для начальной школы по различным предметам[104]. Один из фрагментов дневника, указывающий на работу отца учителем, частично проливает свет и на его характер: «Отец мой к старости, как мне кажется, сделался добрее. Когда он умер, один из его учеников, деревенских мальчишек, мальчик лет 10, приютился у амбара и горько плакал (мне передавали потом

[101] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 3. Л. 130 об.
[102] Меньшиков М. О. Материалы к биографии. Указ. изд. С. 214.
[103] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 20. Л. 67.
[104] Там же. Д. 2. Л. 23 об. – 26.

гриховские бабы). Эти слезы перед богом, конечно, смыли все грехи и ошибки несчастного отца»[105].

Незадолго до своей смерти Михаил Осипович с сожалением отмечал, что «ни портрета отца, ни матери не сохранилось, ибо их не было», виной тому он полагал «темное варварство, из которого вышел»[106]. Однако еще в 1889 г. он писал, что довольно хорошо помнил отца, и отмечал, что унаследовал от него «темные волосы, форму лба…, брови (густые) и глаза (единственная черта в лице, которой делали комплименты), характерный подбородок с луковидной складкой, форма губ и до некоторой степени очертания носа – столь же изящные у отца, сколько грубо – расплывчатые у меня». Далее он вспоминал: «У отца был нос узкий с довольно толстою переносицей и большими красивыми ноздрями, спускавшимися от довольно острого кончика. У меня нос почти лепешкой. Сверх того, волосатость на нижних оконечностях тоже отцовская». Продолжая искать у себя фамильные черты, по линии отца, не только внешние, но и внутренние, публицист отмечал: «Из нравственных качеств – взбалмошность, жестокость…, религиозность, лень, трусость, музыкальность, готовность помогать бедным»[107].

Мать Меньшикова Ольга Андреевна (урожденная Шишкина) происходила из обедневшего старинного дворянского рода. Она была на семь лет старше отца, и фактически именно на ней держалась вся семья. Она сама дала первоначальное образование сыну. В дневниковых записях Меньшиков отмечал, что мать пыталась воспитывать своих детей по правилам благочестивой жизни: «… и глубоко верившая и любившая правила благочестивой жизни. Но она видела, что в этом мрачном мире борьбы, греха и лишений только тот имеет сносную жизнь, кто не стесняется нравственным долгом и требованиями совести. Любя нас горячо, желая нам всего хорошего – счастья, довольства, покоя (чего сама, бедная, во всю жизнь не имела), она старалась согласить выводы совести и сердца,

---

[105] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 20. Л. 44 об.
[106] Меньшиков М. О. Материалы к биографии. Указ. изд. С. 14.
[107] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 20. Л. 66 об.

требования веры с молодым и беспощадным опытом обыденной жизни. Отсюда уступки туда и сюда»[108].

Меньшиков вспоминал, что мать «все считали в семье и среди знакомых отменной умницей: она была любимицей отца-варвара и отличалась трудолюбием, степенностью и серьезностью». Но жизнь ее была трудна, и – она «принадлежала именно к разряду таких, обиженных Богом и судьбою людей. Вся жизнь ее прошла в страданиях и борьбе, и злая насмешка рока лишь изредка показывала ей возможность лучшего, но никогда не тешила ее, бедную, ни одним дешевеньким подарком…»[109].

Уже через четыре года после смерти матери 19-летний Меньшиков вспоминал обстоятельства ее непростого замужества: «Мать была очень не дурна, когда была девушкой. Среднего роста, довольно полная, свежая, с роскошными каштановыми волосами, умными голубыми очами – она не могла не производить известного впечатления в молодых мужчинах. Я помню как-то в тумане, как она рассказывала, что в нее влюбился какой-то землемер, человек солидный и дельный, и только какие-то домашние обстоятельства помешали их брачному союзу». Однако мать сохранила подаренный несостоявшимся женихом двухтомник Священной Истории [здесь и далее все названия даются по оригиналу дневника Меньшикова – прим. авт.], по которым позднее учились читать ее дети. Хранила она и его письма. «Однажды в детстве, – вспоминал Меньшиков, – когда мне было лет восемь – десять, я подметил у матери в сундуке какое-то письмо с красивым бордюром. Я хотел было его прочитать, но мать поспешно спрятала, дав мне только рассмотреть бордюр. Я успел прочитать только "Многоуважаемая и дорогая Ольга Андреевна" или что-то в этом роде. Письмо было писано к пасхе, как можно было догадаться по бордюру. Конечно, тут было что-нибудь такое, чего нельзя показывать всякому, даже ребенку-сыну»[110].

Далее Меньшиков описывает историю сближения его матери с отцом, но отмечает, что знает только отрывочные моменты этой истории: «Я знаю, что брак

---

[108] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1 Д. 3. Л. 97 об.
[109] Там же. Л. 54.
[110] Там же. Д. 5. Л. 4 об.

был по любви, особенно со стороны матери, так как у отца не было ни копейки за душой, и к тому же он был семинарист. Мать рассказывала, что однажды, еще гораздо раньше замужества, она гадала о своем суженом, как это делалось в то время всеми барышнями средней руки. Жуковский передал нам этот обычай. Ставилось два зеркала, одно против другого, и две свечи около них. Между зеркалами садилась пациентка, вопрошающая судьбу, и начинала смотреть в одно из них, долго и пристально, не сводя глаз. Через больший или меньший промежуток времени в зеркале появлялся образ будущего жениха. Мамаша говорила, что она действительно видела отца, но только, вероятно, часть лица. Остального она не в состоянии была досмотреть, так как была взволнована. Мотивами брака, как я уже сказал, была, пожалуй, исключительно любовь. Отец был очень красив и умен, и все несчастные качества, так ярко загоревшие потом, скрывались под маскою смиренномудрия, преданности и благонравия. Поженились… Отец сразу показал свои когти. Пошла тяжелая жизнь, полная огорчений, полная боли и муки, и яда обманутых надежд, и полного сознания безнадежности… Не того ожидала мечтательная девушка, любимая дочурка старого поручика, гордость семьи и зависть всего уезда… Потянулись жалкие годы, о которых и вспоминать-то страшно, да и трудно представить, как такая натура, как мамаша, ужилась с такою несогласною, противною ей средою… »[111].

Однако публицист замечал, что был «не совсем доволен матерью: не было в ней силы характера, инициативы, способности ковать свое счастье»[112]. Полагая, что внешностью и характером он больше походил на мать, чем на отца, Меньшиков отмечал, что унаследовал от нее такие черты, как «трезвость, серьёзность, тяжеловесность и замкнутость, чувствительность, гордость (неистребимую сословную: из воспитания неоткуда было ей взяться)». Из физических данных ему передались от матери «хронический насморк, золотуха, хорошая (сравнительно) грудь, белая кожа, румянец и безбородость (у отца хорошая борода)»[113].

---

[111] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1 Д. 5. Л. 4 об. – 5.
[112] Там же. Д. 20. Л. 65 об.
[113] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 20. Л. 66 об.

В целом воспоминания о матери встречаются только в ранних дневниках Меньшикова. Но образ этой рано умершей женщины публицист все же хранил в своем сердце. В последние месяцы своей жизни Меньшиков обращался к образу матери как к своеобразному символу духовной поддержки, которая ему так была нужна в тот момент. «12 февраля 1918 г., 3 ч. ночи. День и, может быть, час смерти моей матери, – запишет он незадолго до собственной гибели в дневнике. – 44 года! И все еще я помню ее наружность, быстро узнаю черты ее у похожих на нее женщин… Молю тебя, родная тень, помоги нам в самые ужасные дни нашей жизни»[114].

Незнатность происхождения, по всей видимости, несколько тяготила в дальнейшем молодого Меньшикова, о чем свидетельствует хранящаяся в его личном архиве среди тетрадей с дневниковыми записями, конспектами занятий и литературных набросков родословная, в которой он пытался проследить, «куда хватают» его «антропологические корни».

Бабушка Меньшикова по материнский линии, Пелагея Григорьевна, была из купеческого рода Боткиных, живших в г. Опочке. Публицист полагал, что «очень возможно» эти Боткины были родственниками семейству Боткиных, из которого происходил известный врач Сергей Петрович Боткин, так как тоже торговали чаем. «Такая родня, – признавался он, – очень меня польстила бы, возможно, значит, что и в моих жилах течет немного талантливой крови Боткиных». Убеждая себя в этом родстве, Меньшиков отмечал, что «и по наружности, сколько помню бабушку, она очень похожа на Боткина: характерный курносый и толстый нос, перешедший по наследству к моей матери и испортивший мой собственный орган обоняния»[115].

Как видно из этих рассуждений, Меньшиков, выстраивая свою родословную, параллельно занимался собственной «физиогномикой» и даже самоанализом, ища истоки тех или иных черт своего характера и даже своих

---

[114] Меньшиков М. О. Материалы к биографии. Указ. изд. С. 14.
[115] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 20. Л. 65 об.

способностей в генах предков. Меньшиков вообще был очень склонен к рефлексии, о чем мы скажем отдельно в следующем параграфе.

Продолжая выстраивать свою родословную, Михаил Осипович не без удовлетворения отмечал наличие еще одной «талантливой струйки крови» в себе. Его дедушка по материнской линии принадлежал к захудалому, вырождающемуся дворянскому роду Шишкиных, и начинающий публицист убеждал себя, что к «одной из боковых ветвей» этого рода принадлежал известный художник-пейзажист Иван Иванович Шишкин. Однако одним этим родством Меньшиков не удовлетворился и выяснил, что род Шишкиных ведет свою родословную с XV века и происходит «от татарского мурзы и дочери великого князя Олега Рязанского». По этому поводу он замечал, что «если не капля, то хотя запах крови в моих жилах может быть даже Рюриковский»[116].

В то же время Меньшиков вынужден был констатировать, что в родне отца талантов не было и по этой линии он «плебей, хотя тоже "потомственный"». Его дед, прадед и прапрадед были священниками, но «никто не вышел ни в архиереи, ни в большие чиновники, ни в ученые, только прадед дотянулся до благочинного». Братья отца и того хуже – «только один был священником и кончил семинарию; прочие не дотянули: один дьяконом, другой даже дьячком и по сие время»[117].

С сожалением Меньшиков отмечал еще одну негативную черту семьи отца: «Все – даже бабка по отцу – пьяницы – вот приятное обстоятельство для потомка, которому наука раскрыла все влияние алкоголизма на наследственные свойства». За собой Меньшиков такой черты не замечал, полагая, что «это Боткинская черта, так как Шишкины тоже были пьяницы».

Обращал внимание Меньшиков и на пестрый социальный состав своих предков. Одна из его прабабушек даже была крепостной собственного мужа – владельца деревни Стрельцово. «И так, – заключал Меньшиков, – из всего, что мне известно, в составе моего существа сливаются всевозможные сословные и

[116] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 20. Л. 66.
[117] Там же.

общественные элементы: среди моих предков можно найти целый ряд попов, целый ряд дворян, целый ряд купцов (мещан тоже), ряд крестьян; были офицеры, был и чиновник (отец, хотя и недолго); были и владетельные государи, были и бесправные рабы»[118].

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что Меньшиков касается и вопроса об инородческой примеси в его крови: «Из инородцев, если не считать Рюрика за норманна, были только татары; впрочем, князья рязанские женились на поляках, и на малороссках, на молдаванках, гречанках...».

Заключал эти размышления о предках Меньшиков неутешительным для себя выводом о том, что его тип является «смешанным», без ярко выраженных черт одной из линий, а это являлось «дурным предсказанием», так как «по Руссо, ребенок, не похожий ни на мать, ни на отца, во всяком случае урод, продукт вырождения породы»[119]. Заметим, что уже в этой своеобразной родословной, составляемой Меньшиковым, просматривается биологизаторский подход к личности человека и объяснению его морально-этических качеств, на который обращали внимание ряд исследователей в связи с его националистическими взглядами[120]. Этот биологизаторский подход в дальнейшем станет усиливаться и сохранится до конца жизни. Уже в записных книжках конца 70-х гг. встречаются размышления об «инстинктах людей и животных» [121].

Семья Меньшиковых из-за бедности несколько раз меняла место жительства. Небольшой доход матери Меньшикова Ольге Андреевне приносила сдача в аренду пустоши Лубяница, которая находилась в ее собственности[122]. Как в 1918 г. вспоминал Меньшиков: «Вместо Новоржева, где я родился, я попал в Юшково, Заборье, Полубеево, Опочку, Кронштадт, Петербург, Ц. Село и наконец очутился в Валдае. Из кулька в рогожку…»[123]. Примерно в трехлетнем возрасте

---

[118] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 20. Л. 67.
[119] Там же. Л. 66.
[120] Рейтблат А. «Котел фельетонных объедков». Случай с М. О. Меньшиковым // Неприкосновенный запас. 1999. № 2(4). С. 8; Соловей Т., Соловей В. Несостоявшаяся революция. Исторические смыслы русского национализма. М., 2009. С. 100; Размолодин М. Л. Отношение черной сотни к этническому национализму // Научный журнал КубГАУ 2011. № 03(67). С. 315. URL: http://ej.kubagro.ru/ 2011/03/ pdf/21.pdf.
[121] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 3. Л. 132 – 134.
[122] Там же. Д. 23. Л. 112.
[123] Меньшиков М. О. Материалы к биографии. Указ. изд. С. 118.

Меньшиков с матерью и братом Леней переезжают жить в Юшково[124] – «родовое сельцо», которое досталось бабушке Меньшикова по материнской линии Пелагее Григорьевне от своего брата, купца Боткина, в виде приданого[125]. Затем семья переехала на пять верст южнее Юшкова в Заборье. И наконец, они обосновались в Полубеево. «Помните ли, как мы с Вами в первый раз пришли в Полубеево, – писал Меньшиков отцу после смерти матери, – и стали расчищать место для избы? Жгли вереск, строили избу, перевозились? И зачем это? Все пошло прахом – кончились наши веселые деньки! Хоть бедно жили, часто ссорились, а все бывало, в тесном семейном кружке как-то отрадно было…»[126].

Михаил Осипович отнюдь не идеализировал тот сельский быт, который его окружал. «Первый дворянин, какого ты видел, – вспоминал он впоследствии, – и первый священник были деревенские ростовщики. Второй дворянин продал свою жену и дочь кабатчику, тем и жил. Второй священник в пьяном виде потерял на дороге св. Дары»[127].

Внук Меньшикова Б. М. Поспелов, при помощи Н. Лисового воссоздавая кратко биографию публициста, так описывал обстановку в семье Меньшиковых: «Невзгоды не покидали семью, Ольга Андреевна с трудом справлялась со всеми домашними хлопотами. Но были и добрые длинные вечера, когда за окном стонала осенняя непогода или бушевала снежная вьюга, дети забирались на теплую печку, тушили лампу, чтобы не тратить дорогой керосин, и все вместе с отцом и матерью долго пели любимые песни. Кончались эти вечера пением молитвы "Слава в вышних Богу". Оба родителя были религиозны… Воспитание детей Меньшиковых было проникнуто глубочайшей духовностью, религиозностью»[128]. Сам Меньшиков описывал эти семейные вечера несколько иначе, размышляя о том воспитании, которое он получил в семье: «Если вы будете шесть дней в неделю работать и изворачиваться всеми путями, хитрить, буянить, двуличничать, обманывать, тиранить своих домашних, издеваться над

---

[124] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 23. Л. 112 об.
[125] Там же. Д. 20. Л. 66 об.
[126] Там же. Д. 81. Л. 1.
[127] Меньшиков М. О. Материалы к биографии. Указ. изд. С. 18.
[128] Поспелов М. Б., Лисовой Н. Н. Указ. соч. С. 415.

самыми невинными и сокровенными чувствами, смеяться над справедливостью, любовью… в день же седьмой вечерком, залегши на полатях, экзаменовать ваших детей в знании молитв и заповедей, внушать им голословный девиз "повинной головы меч не сечет", "ласковый теленок двух маток сосет", "слушайся начальников и старших" и пр., то будьте уверены, что ваши дети, слезши с полатей, почувствуют только головную боль и сильное желание выбежать на улицу, авось там попадутся соседские ребята, Степка и Микула… Ваша мораль исчезла». И после этих размышлений Меньшиков признавался: «Вот такою-то системою воспитания возрасталось мое дерево ума и совести, – дерево, дикие плоды которого так не по вкусу моему невзыскательному желудку. Разве это счастье? Обстоятельства моей жизни, обстановка, окружающие люди – все, все давало лишь печать обыденности, предрассудков, грязи и порочности» [129]. Справедливости ради следует отметить, что здесь же Меньшиков признавал, в этой детской жизни и «хорошие стороны», но эти стороны не давали «пищи ни уму, ни сердцу».

Бедность семьи, из которой происходил Меньшиков, не позволила ему с самого начала самостоятельно выбрать свою дорогу в жизни. Начальное образование он получил от матери. Затем он поступил в Опочецкое уездное училище, пребывание в котором впоследствии тоже рисовал в весьма мрачных красках: «В числе первых учителей, каких ты видел, были пьяницы, взяточники, педерасты, совращавшие мальчишек в разврат... Первые интеллигентные юноши, каких ты видел, были или изнеженные юноши, или глубоко развращенные подростки»[130]. Данная атмосфера не могла не повлиять на формирование личности Меньшикова, о чем он признавался на страницах своего дневника: «Когда-то обитал Бог в душе моей, теперь забрался туда искуситель. Ну конечно, не в буквальном смысле, но факт остается фактом. Вместо возвышенного, благородного настроения раннего юношеского возраста (лет 8-10) водворилось мало – помалу животное, сладострастное, жестокое настроение…»[131]. Об этих

[129] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 3. Л. 98 об.
[130] Меньшиков М. О. Материалы к биографии. Указ. изд. С. 18.
[131] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 20. Л. 45 об.

проблемах негативного влияния современного ему общества на подрастающее поколение Меньшиков позднее будет беседовать с читателями на страницах «Недели», что мы покажем в дальнейшем.

Позже Меньшиков очень сожалел, что не получил хорошего систематического начального и среднего образования: «…совсем иная у меня сложилась бы жизнь, если бы хоть немножко побольше было средств у родителей, и нас с Леней отдали бы на квартиру не к о. Ивану, не к дьякону Нечаеву, не к подлецу Б., а, напр., к Эккерману. Хорошая немецкая семья. Выучился бы за три года немецкому языку. Или даже в менее культурную, но все же немецкую семью - в Опочке они были. Господи, какое раскаяние берет за прошлое. Надо было именно тогда, в начале жизни, 50 лет тому назад, трагически взглянуть на жизнь и сразу становиться на наилучшие пути. С какой бы жадностью я теперь поучился, если бы тогдашняя свежесть мозга и бесконечная жизнь впереди»[132].

Меньшиков был выпущен из Опочецкого уездного училища в 1873 г.[133]. С легкой руки Б. М. Поспелова во все биографии Меньшикова попало утверждение о том, что он поступил в Кронштадтское морское техническое училище «с помощью дальнего родственника»[134]. Нам удалось выяснить как имя этого родственника, так и обстоятельства поступления Меньшикова.

Техническое училище Морского Ведомства, расположенное в Кронштадте, в качестве места обучения выбрал для своего племянника дядя Меньшикова по материнской линии Василий Андреевич Шишкин. В письме к дяде Меньшиков даже отослал копию приказа о зачислении в училище: «Также посылаю приказ училища (спросите у Лени, у которого в книгах), из которого вы узнаете что следует»[135]. Однако поступил он не благодаря протекции, а потому, что сумел хорошо выдержать экзамены. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что брату Меньшикова Леониду, поступавшему год спустя в это же училище и провалившему экзамены, никакая протекция не помогла.

---

[132] Меньшиков М. О. Материалы к биографии. Указ. изд. С. 20.
[133] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об.
[134] Поспелов М., Лисовой Н. Указ. соч. С. 415.
[135] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 87. Л. 1

С первого дня пребывания в морском техническом училище Меньшиков ведет список своих расходов (эта привычка останется у него на протяжении всей жизни). Подобные записи говорят не столько о педантичности Меньшикова или о его прижимистости, сколько о его весьма стесненном материальном положении. О стесненном материальном положении Меньшикова говорит и тот факт, что он пытался зарабатывать продажей переписанных лекций[136].

Расходы Меньшикова весьма скромны, он тратил деньги на самое необходимое для учебы, изредка позволял себе покупать продукты и покупал лекарства, так как часто болел[137]. Здесь лишь отметим, что в 16 лет Меньшиков весил около 46 кг при росте около 155 см, объем груди 75,5 см, что значительно ниже принятых норм[138]. Видимо, подобная дистрофия не могла не сказываться на общем самочувствии Меньшикова, что побуждало его искать различные способы поправить свое здоровье доступными способами. Об этом свидетельствуют различные выписки, как мы сейчас сказали бы, «полезных советов» в области медицины[139].

На первом курсе Кронштадтского училища Меньшиков потерял мать. Ольге Андреевне было 48 лет, когда она ушла из жизни. «Как жаль, что мамаша умерла! – писал Меньшиков в ноябре 1874 г. отцу. – Все пошло вверх дном»[140]. В 1878 г. Меньшиков писал в дневнике: «4 года тому назад, в 1874 году 12 февраля, рано утром скончалась моя добрая кормилица-мать»[141].

После смерти матери остались младший из трех выживших из семи детей семилетний Володя и окончивший Опочецкое училище Леонид. Отец в силу своего пьянства и отсутствия постоянной работы не мог, да и не хотел содержать сыновей, тем более, что вскоре он женился. Первоначально после смерти матери Володя и Леонид жили в доме упоминавшегося нами дяди Василия Андреевича Шишкина. Характер последнего был деспотический, что сказывалось на всех домочадцах, в том числе и на Володе Меньшикове. «Он варварским образом

[136] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 2. Л. 4 об.
[137] Там же. Д. 1. Л. 8 об. – 9, 19 об., 76 об. – 77.
[138] Там же. Л. 81 об.
[139] Там же. Д. 1. Л. 74 – 74 об.
[140] Там же. Д. 81. Л. 1.
[141] Там же. Д. 3. Л. 53 об.

мучил своего родного племянника, моего брата Володю, – писал Меньшиков, – сек его ременным кнутом, морил голодом по 3 дня»[142]. Учась в Кронштадте, Меньшиков не забывал о своем младшем брате и, готовясь к поездке на каникулы домой, всегда планировал для него какой-нибудь «сюрприз»[143]. В письмах отцу и брату Лене Меньшиков всегда писал о том, чтобы они заботились о Володе. «Поцелуй за меня бедняжку Володеньку, – просил он Леонида в одном из писем, – ходи с ним гулять, береги его»[144].

Меньшиков вспоминал, что, будучи ребенком, обижал свою мать, и чувствовал вину перед ней. Он считал, что только одним добрым делом может загладить свой долг перед матерью: «это – исполнить ее предсмертную волю – вывести Володю в люди. Положим, это и без того мой нравственный долг, но все – таки, думаю, если есть за гробом что-нибудь… то дух моей матери благословит меня»[145]. Для того, чтобы иметь возможность материально поддерживать младшего брата, Меньшиков, уже учась в Кронштадте, начинает искать учеников для репетиторства[146]. Именно ответственность за обучение брата убеждала Меньшикова в том, что он не может себе позволить сменить военную службу на публицистический ненадежный заработок. Но при этом Меньшиков полагал, что он должен заниматься самообразованием и развитием, не теряя надежды на то, что в будущем может сменить род деятельности[147]. Планы Меньшиков строил самые разнообразные, вплоть до занятия предпринимательством, однако последнему мешало полное отсутствие начального капитала. «Что, не поступить ли мне на путь промышленности или торговли? Во – первых, великая отечеству польза, и можно действительно натворить кучу добра. Во – вторых, в перспективе – богатство, без которого, будь хоть семи пядей во лбу, ничего путного не сделаешь. Право, следует подумать. Надо лишь хоть бы небольшой основной

[142] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Л. 94.
[143] Там же. Д. 1. Л. 76 об.
[144] Там же. Д. 87. Л. 2 об.
[145] Там же. Д. 3. Л. 54.
[146] Там же. Д. 1. Л. 76 об.
[147] Там же. Д. 2. Л. 26.

капиталец – хоть тысяч в десять, да энергии, да знание местных нужд в России»[148].

Хотя второй брат Меньшикова Леонид и был на год его старше, но имел такой несерьезный характер, что о нем тоже приходилось заботиться, почти как о младшем Володе. Видимо, чтобы выйти из-под опеки дяди, Леонид решил также поступить в Кронштадтское училище. Судя по письмам Меньшикова, он высылал брату учебники и писал наставления в приготовлениях к экзаменам: «Потрудись, братец, чтобы выдержать экзамен. Знай, что как трудно попасть сюда, так же трудно отсюда выйти, недавно исключили здесь двоих за кражу яиц, четырех за то, что три года сидели в классе и не перешли в следующий… Через четыре года будем офицерами… Конкурентов-то сюда очень много»[149]. «Милый мой брат Ленюшка! – писал Меньшиков в другом письме. – Ведь ты, я думаю, получил мое письмо. Пиши почаще, пожалуйста. Я здоров, меня обокрали немного. Прощай, милый братец. Папаша пишет, что ты не бережешь Володю. Не обижай его. Желаю тебе всякого счастья. Напиши дяде о письме к нашему командиру»[150]. Однако, как мы уже писали выше, Леонид экзамены провалил[151].

По всей видимости, Леонид вел достаточно безответственный образ жизни и рано начал пить. Меньшиков тем не менее с большим участием относился к судьбе брата, о чем свидетельствует их переписка. Так, в одном из писем Михаил укорял Леонида: «Что же ты мне не отвечаешь? Неужели между нами могут быть только шутки? Неужели ты думаешь, что мне приятно быть в дураках, бросать последние деньги на письма, не получая на них ответа? Неужели ты думаешь, что терпение мое не имеет границ и ты можешь оскорблять меня безнаказанно? В таком случае – довольно!.. На мою искренность ты отвечаешь ложью, на мое участие – равнодушием, обманом. Довольно, брат, мне унижаться перед тобою! Довольно уроков и опыта! Мы знаем теперь слишком хорошо друг друга…»[152].

---

[148] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Л. 54.
[149] Там же. Д. 87. Л. 2.
[150] Там же. Д. 81. Л. 1 об.
[151] Там же. Д. 1. Л. 81.
[152] Там же. Д. 2. Л. 46 об. – 47.

Леонид, действительно, отвечал неисправно, что вынуждало Меньшикова угрожать ему, что они «разойдутся врагами»[153]. То, что Леонид злоупотреблял любовью брата, явствует из следующей записи Меньшикова: «И что всего сквернее – на конверте подпись: взял у твоего товарища три рубля, – отдай ему поскорее, если можешь»[154].

Отец Меньшикова после смерти жены жил у другого ее двоюродного брата, Петра Андреевича Шишкина. Василий Андреевич Шишкин, по всей видимости, хотел отобрать дом в Полубеево, где жила ранее семья Меньшикова, и в этом доме поселился его сын. В письме отцу Меньшиков писал: «Это большая пакость, что Платон Васильевич живет в наших хоромах… Очень жалко Вас, – много терпите понапрасну. Папашенька! Вы знаете Василия Андреевича – напрасно связались с ним. Не знаю, как у Вас история вышла, а все ж таки история – грустная. Прошу Вас, бросьте все, пускай ему достаются наши крохи, если он этого желает. Потушите как-нибудь это дело и не имейте с ним никакого дела. Если он Вас прибил – это показывает, что он имеет самый дурной характер и что с людьми такого рода не надо даже говорить. – Презирать только». Василий Андреевич, у которого жил маленький Володя, видимо, не позволял отцу видеться с ним, так как в письме Меньшиков обещает отцу написать дяде и попросить, чтобы он разрешил Володе видеться с отцом. Видимо, отец, действительно, находился в очень сложном положении, лишенный средств к существованию, не имеющий работы по причине пьянства и живущий, по сути, в приживалах у родственников покойной жены, так как Меньшиков просил его в случае встреч с Володей не рассказывать ему о своих «неприятностях», так как он еще мал «и ему будет еще хуже». Меньшиков и сам находился, по всей видимости, под опекой дяди, так как мог покинуть училище и приехать в отпуск только с его разрешения.

Меньшиков уговаривал отца в письмах бросить пить, собрать немного денег и отправиться «куда-нибудь подальше – в Великие Луки или еще дальше», найти

---

[153] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Л. 47 об. – 48.
[154] Там же. Л. 53 об.

место «сельского учителя или какое-нибудь другое» и начать налаживать свою жизнь[155].

Стремясь сохранить семейную собственность или предполагая возможность судебной тяжбы, Меньшиков даже выписал положения об имуществе жены и правах детей из Свода законов Российской империи[156]. По всей вероятности, Меньшикову удалось получить в собственность имущество матери после ее смерти[157]. Отец же в это время женился вторично[158] и забрал Володю к себе. При этом деньги на его содержание он брал с Михаила. «Вчера получил от отца письмо, – записал Меньшиков в дневнике, – с надписью «последний раз». Плачется на то, что отослал ему деньги. Требует прибавки содержания за Володю. Все это, очевидно, вздорная Фенька [вторая жена отца - прим. авт.] его мучит… Я отвечал, что вздор: не будет прибавки. Трех рублей довольно»[159].

Меньшиков, размышляя о своих отношениях с отцом, в том числе и материальных, принимает решение отдать ему часть наследованной от Матери пустоши Лубяницы. Отдать человеку, которого «любила моя мать, которого она всегда прощала, несмотря на все его тяжкие обиды и проступки перед нею». Меньшиков решается простить отца, ссылаясь и на христианские заветы, и «уверенность в том, что это дело не будет оскорблением памяти умершей». Меньшиков надеялся, что отец поселится на пустоши и будет сам воспитывать младшего сына. Поэтому полагал, что нужно «стараться водворить папашу на пустошь». «Дадим ему ему [так в тексте – пим. авт.] принадлежащие 10 десятин, – рассуждал он, – поможем ему сколько можем, и пусть он попробует на закате дней своих вступить на чистую дорогу труда, независимости и сколько-нибудь сносного благосостояния»[160].

В Кронштадте Меньшикову, по всей видимости, пришлось не раз столкнуться с различными проявлениями пороков общества и системы, как – то «систематический обман», «фальсификация баллов студентами и самими

[155] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 81. Л. 1 – 2 об.
[156] Там же. Д. 2. Л. 19.
[157] Там же. Л. 56.
[158] Там же. Л. 46 об., 47 об. – 48.
[159] Там же. Д. 3. Л. 96.
[160] Там же. Д. 3. Л. 20.

профессорами», «деревянное равнодушие к государству адмиралов, генералов и явные хищения под предлогом государственных нужд»[161]. В результате, как позднее признавался Меньшиков, в этот период он был «до страсти» охвачен «революционной заразой», не исключая возможности, что стал бы настоящим революционером, если бы не ушел в свое первое плавание[162]. (Еще учась в училище, Меньшиков плавал в 1874 г. (корвет «Воевода», 1876 и 1877 гг. в Финском заливе и Балтийском море). Впечатлениями о первом плавании он делился в письмах к брату Лене, описывая увиденные достопримечательности. «К счастию, на корвет из училища назначен чрезвычайно добрый офицер, капитан Дьяков. Бросили якорь в Ревельском рейде. Нас раза 4 спускали на берег для прогулки. Я посетил там развалины одного монастыря. Ревель – город в средневековом вкусе, высокие дома с высочайшими черепичными крышами, кривые улицы. Там одна чрезвычайно высокая арка. Впрочем, город сам по себе дрянь. Из Ревеля пошли в Ригу. Была сильная качка. Пришли в Ригу и бросили якорь… Павел Алексеевич (Дьячков) нанял нам пароходик и повез в Ригу. Весело ехали: пели песни и пр. Здесь в 7 часов собрались в большой общественный парк в один ресторан. Павел Алексеевич велел подать нам всем кофе с различными штуками. На другой день поехали в Динаминд. Рига – город славный, очень богатый. В Динаминде мало хорошего. В Риге стояли дней около 5. Еще ездили гулять к «Белой кирке», где Павел Алексеевич напоил нас молоком, каждому по 4 кружки…»[163].

Первое впечатление от морской службы не испугало Меньшикова. «Вот моя ежедневная жизнь в море, – писал он брату. – Встаем в 7 часов, связываем койки, пьем чай, конечно, кроме вахтенных, занимаемся чем-нибудь. Требуют на авральную работу, работа не трудная – тяни снасти. Бегать по реям и шагать не требуется. Обед в 12 часов – очень вкусный обыкновенно, гораздо лучше корпусного. После обеда позволяется спать часа 4. Если бы ты пришел в каюту в первом часу, то увидел бы столы, заставленные чайниками, кружками, стаканами

[161] Меньшиков М. О. Материалы к биографии. Указ. изд. С. 18.
[162] Репников А. В., Санькова С. М. Меньшиков Михаил Осипович // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2010. С. 289.
[163] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 87. Л. 3 об.

и пр., – все пьют чай, только не казенный, а собственный. Бывает гребное и парусное ученье, и я уже знаю, как снастить шлюпки и гресть. Купаемся, работаем немножко. Бывают тревоги, пожарные, вызов абордажных, партий и др. Поем на палубе общую молитву и спать, конечно, прежде поужинав и напившись чаю. Спать-то не очень хорошо – на висячих койках, да и тесно. На вахте стоять иногда по 6 часов, больше же по 4 часа. На якоре стоять лучше гораздо. Во-первых, не бывает качки, хотя я не боюсь морской болезни, а все ж таки неприятно. Во-вторых, на вахте стоят только по 2 человека. Вечером катаемся, поем песни. Ездим на берег гулять»[164]. Примечательно, что к непривычному поначалу гамаку Меньшиков так пристрастится, что в будущем при каждой возможности писать летом на открытом воздухе будет делать это непременно в гамаке, о чем свидетельствуют пометки в записных книжках.

В целом Меньшиков, по всей вероятности, не был примерным учеником. Так, в начале третьего курса училища он отмечал в дневнике: «Этот день для меня замечателен тем, что мне не сбавили из поведения балла, хотя я этого ожидал»[165].

Современный исследователь политических взглядов Меньшикова П. Б. Стукалов отмечал, ссылаясь на письмо публициста своему «покровителю», написанное по выпуску из Кронштадтского училища, что он «отличался значительными успехами в учебе»[166]. Выпускные баллы у Меньшикова, действительно, были довольно высокими, о чем мы скажем ниже. Однако на протяжении обучения Меньшиков не всегда показывал хорошие результаты. Учеба его не увлекала, в мысленном обращении к брату Лене он признавался: «Мне скука смертная, учиться неохота. Какая цель ломать себе голову несколько часов для того, чтобы раскусить премудрое изложение стереографической проекции…»[167]. В 1874 г. Меньшиков даже остался на второй год, признаваясь в письме к Лене, что «алгебра все сгубила»[168].

---

[164] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Л. 4 об.
[165] Там же. Д. 1. Л. 81 об.
[166] Стукалов П. Б. Указ. соч. С. 35.
[167] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 1. Л. 84.
[168] Там же. Д. 87. Л. 1 об.

В дневниках Меньшикова периода обучения в Кронштадте не раз встречаются записи, показывающее довольно печальное состояние духа и неуверенность в своих силах и способностях. В частности, на Пасху 1877 г. он записал:

Бесхарактерность заела
Долю горькую мою…
Зноем жарким иссушила
Жизни чистую струю.
***
Нет мне счастья, нет таланта,
Жизнь с сомненьем и тоской…
Делом кажется гиганта
Мне, что делает другой…
***
Горе мое горькое, горе неизбывное,
Сокрушило, горюшко, мою жизнь[169].

И вскоре еще одна запись: «И вот… перспектива… Все угасло, в сердце пустота, в голове пошлые думы… Не будет лучше впереди? Чего ждать? К чему? Зачем… »[170].

На последнем курсе училища Меньшиков уже планирует свои будущие заработки, так как, напомним, на нем лежит не только задача содержать себя, но и обещание выучить младшего брата. Примечательно, что помимо зарплаты кондуктора он рассчитывает на платные уроки (которые уже ведет) и «работу в журнале»[171].

Перед окончанием Кронштадтского училища в дневниковых записях Меньшиков все больше рассуждает о планах на будущее, но пока так и не может определиться в них. Так, в начале 1878 года он запишет: «Теперь, кажется, у меня начинает созревать цель впереди, цель, оправдывающая и бессмысленную

[169] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 1. Л. 88 об.
[170] Там же. Л. 89.
[171] Там же. Д. 2. Л. 2.

службу, и мою беспредметность настоящей жизни»[172]. Он планирует честными путями заработать тысяч пять денег и отправиться в деревню, на свою пустошь, «и если от родни станет плохо», то куда-нибудь на юг. Завести хозяйство, семью, поработать «и телом и духом» и «помереть спокойно на чистом воздухе»[173]. А в феврале этого же года Меньшиков уже рассуждает над вопросом о поступлении в офицерские классы и в академию. Но этот план начинает находить у него «серьезные возражения». Он считает, что те знания, которые он получит в академии, будут ему непригодны, и он не хочет терять столько «золотого времени». «Во-первых, – рассуждал он сам с собой, – я не хочу же оставаться на службе больше необходимого, а академия имеет еще некоторый смысл только тогда, если я решусь учить на службе. Во-вторых, я не имею ни малейшей охоты и массу способностей для такого дела. Да, действительно мало способностей»[174]. Таким образом, он пришел к выводу о бессмысленности обучения в академии.

Весной 1878 года в связи с ситуацией, которая сложилась после русско-турецкой войны, Меньшиков продолжает рассуждать о своем будущем: «Так что планы мои, весьма вероятно, рушатся. Один пат свинцу способен уничтожить my kingdom – my mind, все мое богатство, всю мою фантазию, замыслы, идеи… Будь я один, мне кажется, я не очень бы печалился в случае неизбежной смерти: мог бы приучить себя взглянуть на это дело с известной точки зрения. Но ведь останется бедный Володя и погибнет…»[175].

В дальнейшем Меньшиков продолжает сомневаться, оставаться ли ему на военной службе или нет. Так после выпуска из технического училища у него возникают мысли об уходе с военной службы: «Совесть и ум говорят мне, что я – тунеядец и труд мой – вредный, избыточный для народа труд. Кроме того, я знаю, что если я выйду из военной службы, то зло нисколько не уменьшится, а может еще увеличиться, так как вместо меня, все-таки человека довольно честного, может поступить подлец»[176]. Однако он убеждает себя в том, что, оставаясь на

[172] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 3. Л. 29 об.
[173] Там же. Л. 29 об.
[174] Там же. Д. 3. Л. 57 – 57 об.
[175] Там же. Л. 96.
[176] Там же. Л. 113 об.

службе, он «сохраняет народный интерес» и намерен служить до тех пор, «пока не выработаю себе средства приносить народу такую пользу, обусловленную моим присутствием в военной службе»[177]. Но через небольшое время он снова начинает сомневаться службе и как будто уже решает оставить ее: «Выйти в отставку – это для меня почти уже решено. Все больше и больше становится мне противною служба, вся как есть – бессмысленная ложь»[178]. После отставки он планирует «опуститься в народ», если нельзя будет остаться в среднем классе. «Что нужно? Во-первых, как можно скорее воротиться в Кронштадт, осмотреться, и если не погонят в резерв, то готовиться в Академию и поступить во что бы то ни стало. Академия даст мне диплом, диплом даст мне место учителя, если не гимназии, то во всяком случае городского училища. В крайнем случае я иду в народные учителя, – там хоть немного можно сделать для общества, но все- таки больше чем в личной службе… Если же мне удастся поступить учителем, то у меня будут лишние средства, чтобы помогать Володе в университете»[179]. Далее он делает привычный ему расчет средств на жизнь с Володей, рассчитывает на частную работу и посторонние доходы[180]. Через год он записывает в дневнике: «Володя меня связывает: для него нужен известный и очень порядочный расход, и рисковать я совсем не могу»[181].

Именно в условиях материальной стесненности периода обучения в Кронштадте сформировались такие черты характера Меньшикова, которые, как отмечалось в исследованиях Е. С. Бычковой и А. С. Мелковой, дали основания близко его знавшему впоследствии А. П. Чехову создать образ «человека в футляре»[182]. Меньшикову приходилось проявлять не свойственную его юному возрасту рачительность и рассудительность и при этом убеждать себя самого в том, что такое отношение к жизни является правильным: «Пусть говорят и ратуют моралисты против бережливости, то бишь скупости, – записывает он в дневнике.

---

[177] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Л. 113 об.
[178] Там же. Л. 123.
[179] Там же.Д. 3. Л. 123.
[180] Там же. Л. 125 об.
[181] Там же. Л. 164.
[182] Бычкова Е. С. Указ. соч. С. 91 – 92; Мелкова А. С. От «Сестры» до «Человека в футляре». Указ. изд. С. 372 – 393.

– Скупость, – вещь смешная, это правда, но бережливость – вещь, по-моему, очень почтенная. От бережливости до скупости, положим, один шаг – но ведь и от великого до смешного такой же шаг».

По выпуску из училища 16 апреля 1878 г. Меньшиков был произведен в кондукторы корпуса флотских штурманов, а 27 апреля зачислен во 2-й флотский экипаж Ее Величества Королевы Эллинов и на фрегате «Князь Пожарский» отправился в заграничное плавание. Уже находясь в плавании, Меньшиков пишет своему дяде Василию Андреевичу Шишкину своеобразный отчет об окончании училища: «Считаю долгом сообщить Вам, что закончил курс в Техническом училище… Экзамены я выдержал порядочно: по 10 предметам я получил 12 баллов. 30 числа я был назначен на броненосный фрегат «Князь Пожарский», а 2 мая фрегат распрощался с Кронштадтом и ушел неизвестно куда и неизвестно на сколько времени. Секрет. Мы были в Дании, в Норвегии и теперь во Франции. Я получаю 108 рублей 50 коп. золотом в месяц. Это дает мне возможность кроме своих прямых обязательств тратить несколько денег на осмотр чужих городов и примечательностей. Таким образом, я теперь в Париже, осматриваю всемирную выставку. Итак, я, видимо, вступил на новую дорогу…»[183].

Дорога эта была новой не только в плане службы. В этом плавании Меньшиков написал свою первую серьезную публицистическую работу «По портам Европы», отдельные очерки которой публиковались в «Кронштадтском вестнике», «Голосе» и даже «Санкт-Петербургских ведомостях», а в 1879 г. вышли отдельной книжкой, что говорит об определенном читательском успехе. Подробнее на этой работе мы остановимся в разделе, посвященном становлению Меньшикова как публициста. С "Кронштадтским вестником" Меньшиков продолжает свое сотрудничество и после очерков, параллельно пишет материалы в «Морскую газету».

31 декабря 1879 года Меньшиков в своем дневнике подводит итоги года, негативно отзываясь о своем плавании на «Князе Пожарском», осознавая, что морская офицерская среда не помогает его внутреннему развитию: «Прошлый

[183] Поспелов М., Лисовой Н. Указ. соч. С. 415.

Новый год я провел в Пирсе. До июня месяца (20 ч) провел в Греции, потом до августа почти в Неаполе, и в двадцатых числах октября возвратился в Кронштадт. За этот год я немножко вырос и развился физически. Моральных успехов не сделано никаких. Глупое товарищество и начальство на фрегате – и с ними был в постоянной оппозиции – среда совсем не выгодная для развития»[184].

23 сентября 1879 г. года Меньшикову исполнилось 20 лет. «Мне двадцать лет… – пишет он в дневнике. – Мне страстно хочется жить. Мне хочется жить как следует. Мне хочется быть порядочным… Начну в Кронштадте, если только начну. Есть надежда: кругом не будет глупого общества, будет умственная работа. Как она освежает!.. Двадцать лет! Прибавилась новая функция жизни окончательная – размножать свой вид»[185].

1 октября 1879 г. Меньшиков «за выслугу лет и по экзамену» был произведен в прапорщики[186], через год прикомандирован к 8-му флотскому экипажу. Очевидно, в этом же 1879 г. Меньшиков забрал к себе младшего брата, так как в дневнике он отмечает, что в этом году «начал лично заботиться о воспитании Володи»[187], однако был собою недоволен: «Володино воспитание я веду крайне дурно, и сознаю это…, но что же мне делать! Все дурное от моей нравственной слабости, я себе делаю вреда в сто раз больше, чем Володе. Отношения мои к товарищам и ближним были бы образцовы, если б я был снисходителен сколько-нибудь. Я никого не надул, не обманул и вреда никому не сделал умышленно, обидел же многих»[188].

Меньшиков обдумывает будущее Володи, решает, куда определить его в обучение: «Для Володи же безразлично, где учиться: в Кронштадтской гимназии или в Николаевской, Севастопольской, Бакинской»[189]. В конце 1879 г. Меньшиков надеется, что «Володя, быть может, поступит в классическую гимназию на казенный счет. Это зависит от директора, – а он человек добрый… Вот было бы хорошо. Само собой, классическая гимназия, если Володя окончит в ней курс,

[184] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 3. Л. 168.
[185] Там же. Л. 134 об.
[186] Там же. Д.128. Л. 1.
[187] Там же. Д. 3. Л. 169.
[188] Там же. Л. 169.
[189] Там же. Л. 87.

даст ему не меньшее образование, чем реальная. Оттуда он может выйти на медицинскую, юридическую, ученую деятельность, да и в технику дорога ему не будет закрыта. А в материальном отношении за то будет хорошее обеспечение. Если бы случилось что-нибудь со мной такое – выйди я в отставку и т.п., Володя нисколько бы от этого не потупел»[190]

В конце 1879 года (22 декабря) Меньшиков опять задумывается о своем будущем и о возможном изменении профессии: «Да! Меня очень озабочивает будущее. Оставаясь на службе так, как обыкновенно остаются, мне не хочется. Мне все кажется, что мне придется переменить род деятельности. Подождем еще немножко, – может быть, дело и выяснится»[191]. Меньшиков осознает, что ему «следует взяться систематически за науку», однако он окончательно отказывается от мысли об академии: «В академию я не поступлю и готовиться не буду, так как все равно не поступлю. Прием слишком затруднителен. А учиться буду потихонечку и в том направлении, как мне понравится»[192].

В новогоднюю ночь с 1879 на 1880 г. Меньшиков записал:

Полночь надвигается немая…Новый год.
Сейчас начнется… В ожиданье
Мы все слышим в одном желанье:
Чтобы весело жилось, чтобы не было забот,
Ни горя, ни болезней, ни нужды,
Ни брани, ни обиды, ни вражды
И чтоб любовь царила бы на свете…
Через пять минут полночь. Дай…молчу.

Братство, равенство, свобода! Ум, честь, истина! Любовь, труд и наслаждение! Приветствую вас! 31.12.1879 г. 11 ч. 59 мин.»[193]

В начале 1881 г. Меньшиков переезжает из Кронштадта в Петербург на Васильевский остров (ул. Казанская, д. 6, кв. 74). По-видимому, данный переезд был обусловлен необходимостью определить в обучение брата Володю. В

[190] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 3. Л. 165.
[191] Там же. Л. 164.
[192] Там же. Л. 170 об.
[193] Там же. Л. 168–170 об.

конечном счете он определяет его в реальное училище на платное место, о чем свидетельствует его письмо к младшему брату: «Сегодня получил твои письма и завтра посылаю 25 рублей в канцелярию реального училища в уплату за ученье. Сходи в канцелярию и сообщи т. казначею, что деньги посланы. За несвоевременное сообщение мне о последнем сроке уплаты пеняй на себя»[194].

Усиленный надзор полиции в связи с трагической гибелью императора Александра II отразился и на Меньшикове. В апреле 1881 г. он, по его собственному определению, был «посажен под арест по подозрению и за грубости полиции»[195], и в его квартире был произведен обыск[196].

Можно предположить, что Меньшиков вновь переехал в Кронштадт, так как в письме Володе за 1884 г. встречается фраза: «Как бы хорошо было мне жить не здесь, а в Питере! Мне сдается, я нашел бы свое место там»[197].

Несмотря на все свои сомнения Меньшиков продолжает служить. 1 января 1885 г. он «произведен по линии в подпоручики». С 1880 по 1885 г. он трижды был в плавании в Финском заливе и Балтийском море. 25 января 1887 г. Меньшиков приказом по морскому ведомству назначен младшим производителем работ Картографической части Главного Гидрографического управления. В январе 1889 г. Высочайшим приказом по флоту произведен в поручики.

16 апреля 1882 г. Меньшиков потерял и отца[198]. В примечаниях к изданию дневников публициста за 1918 г. ошибочно указано, что Осип Семенович Меньшиков умер в 1886 г.[199]. Однако письмо Леонида к брату, в котором он сообщает день и месяц смерти отца, хотя и не содержит указание года, но могло быть написано только в 1882 г., так как в нем упоминается обучение Михаила в университете, а вольным слушателем он был только один учебный год – с 1881-го по 1882-й. По всей видимости, к отцу на похороны Михаил (так же как и его брат Леонид) не смог приехать, потому что позднее обращался с письмом к местному

---

[194] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 78. Л. 2 об.
[195] Там же. Д. 78. Л. 1.
[196] Там же. Д. 25. Л. 77 об.
[197] Там же. Д. 78. Л. 4.
[198] Там же. Д. 79. Л. 16.
[199] Меньшиков М. О. Материалы к биографии. Указ. изд. С. 262.

священнику Александру Архангельскому при погосте Кудевер, прося его указать, где находится могила отца[200]. К сожалению, выяснить он этого так и не смог.

Как мы уже сказали ранее, после смерти матери осталась в наследство пустошь Лубянница. Долгое время наследники не могли оформить законные права на наследство. В письме к брату Володе Меньшиков пишет о необходимости «привести пустошь к одному знаменателю» и утвердиться в правах наследников, однако он не смог окончательно узнать о дне смерти отца и отмечает, что дядя заниматься эти не будет и что «дела в провинции движутся по-медвежьи». Здесь же он сообщает: «… и вообще за нею я слишком не гонюсь. Если бы нашелся выгодный покупатель на всю пустошь, то я не прочь – бы и со своею частью развязаться, но так как тут замешаны интересы Манечки, то придется по утверждении в правах и вводя во владения просить о назначении опеки, подавать в Сенат о разрешении продать землю якобы для воспитания Манечки и т.д.»[201].

В марте 1890 г. Меньшикову было «назначено в награду» 160 рублей. Вообще, следует отметить, что Меньшиков и не гнался за большим богатством, но хотел иметь достаточно средств на все свои нужды, желая при этом и скопить небольшой капитал, что называется, «на черный день».

С ростом доходов росли и запросы Меньшикова, поэтому в дневниковых записях периодически встречаются противоречивые суждения о его доходах, то он полагает, что достаточно обеспечен, то вновь пишет о нехватке средств.

В ноябре 1889 г. Меньшиков записал в своем дневнике: «Чего же мне гнаться за призраком буржуазного счастья? Пусть я беден и бедняком останусь, пусть и семья моя будет бедною: лишь бы не нищенствовать, чего пока я трезвый и не сошел с ума ожидать трудно. Хорошо бы, конечно, иметь щитом от грозы голода хоть небольшой капитальчик, хоть пять тыщёнок… Хорошо бы их сколотить, пока еще силы не совсем надломлены… Ну, пусть так: не будем

[200] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 91. Л. 1 – 2.
[201] Там же. Д.78. Л. 5.

упускать и этой цели, но постараемся, чтобы, трудясь для денег, трудился и для интереса духовной жизни»[202].

Несмотря на то, что службу Меньшиков нес исправно, данная деятельность не удовлетворяла его внутренних амбиций. Но решиться что-либо изменить ему долгое время мешала неуверенность в собственных способностях и, что немаловажно, отсутствие как материальной, так и духовной поддержки близких. Очень характерной иллюстрацией к его внутреннему состоянию данного периода является следующая дневниковая запись: «Скверное состояние духа: переживаешь время как-то, вытерпливаешь его. Причина тайная – неудовлетворенность своим общественным положением. Мое место не выгодно в смысле карьеры мне всю службу придется довольно много работать довольно глупой работы, затем выйти в отставку с маленькой, почти нищенской пенсией – и без сбережений, за невозможностью что-нибудь сберечь от небольшого жалованья. Эти мысленки меня не то чтобы мучили, но дают знать себя. Доказательство, что я не «гений» – тот бы не думал о карьере, о выгоде – ему некогда было бы об этом подумать. Ушедший с головою и сердцем в свою страсть, гений пробил бы себе совершенно новую, им созданную только для себя карьеру. Я не знаю, что думает о себе заведомо глупый человек. Сознает ли он себя глупым, и если да – страдает ли от этого? Я не глуп вообще. Я иногда чувствую свой ум, но… к несчастью, случилось чувствовать и глупость свою. Больно это»[203].

Не удовлетворен был Меньшиков и своими внешними данными. В феврале 1886 г. Меньшиков так описывал свое состояние и положение: «Я, совершенно всеми заброшенный сирота на свете, обиженный обществом, отнявшим у меня, некрасивого, больше половины шансов любить и быть любимым»[204]. Утверждения о том, что важна только красота духовная, Меньшиков называл вздором: «Физическая красота в своем месте ничем не заменима, и это такое же основное условие счастья, как здоровье, как разум, общественное положение.

---

[202] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 20. Л. 58 об.
[203] Там же. Л. 59.
[204] Там же. Л. 4.

Если вы красавец – вы невольно притягиваете к себе людей, тогда как в случае уродства – невольно отталкиваете их от себя»[205].

Любовные успехи не прибавляли Меньшикову уверенности в себе. После встречи Нового года с одной из своих любовниц в «пьяном и сладострастном счастье» Меньшиков запишет в дневнике: «Я чувствую, что во всех отношениях из меня вышел полный неудачник – не во всех, а в наиболее существенных… мне кажется, что я немало проиграл, работая совсем в чуждой для меня области. И на службе, и в печати я брался всегда не за свое дело. Например, эти неудачные литературные попытки (т.е. скорее желание их сделать, так как решительных попыток не было сделано)»[206].

Однако сотрудничество в «Неделе» понемногу начинает приносить свои плоды, Меньшиков приобретает определенную известность как публицист, у него складывается круг поклонников среди читателей. Его публицистика получает одобрение маститых литераторов. В 1892 г. Меньшиков решается выйти в отставку. В 1896 г. он уже смог позволить себе переехать на жительство в Царское Село. Именно здесь Меньшикову предстояло превратиться в ведущего публициста «Нового времени» и идеолога национализма.

1.2 Личная жизнь Меньшикова

Еще учась в Кронштадтском училище 18-летний Меньшиков записал в своем дневнике, что мечтает иметь «постоянный честный труд – защиту от нужды» и «счастливую семью»[207]. И через год он остался верен этим мечтам: «Мне кажется, я был бы счастлив, умирая посреди своего семейства, в теплом и светлом углу, окруженный здоровыми и любящими детьми, в которых бы я был уверен, что они будут порядочными людьми. Значит, вот мой идеал жизни: доброе ласковое семейство, некоторый комфорт, мир и покой…»[208].

В конечном счете мечта его сбылась, но путь к ней был очень непростым. Об обретении Меньшиковым уверенности в своих публицистических

[205] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 20. Л. 4.
[206] Там же. Л. 35 – 35 об.
[207] Там же. Д. 3. Л. 10 об.
[208] Там же. Д. 5. Л. 87.

способностях и получении признания читателей, а следовательно, постоянной работы в повременных изданиях мы скажем отдельно в следующей главе. Здесь же мы опишем основные вехи личной жизни публициста, чтобы показать неслучайность того обстоятельства, что первые серьезные циклы статей Меньшикова, принесшие ему популярность, были так или иначе связаны с проблемами семьи.

Как каждый юноша, Меньшиков мечтал любить и быть любимым. И подобно многим своим сверстникам, первые свидания Меньшиков совершал не наяву, а во сне. Один из таких снов был им описан: «Княжна Голицына соединила в себе все волшебные качества, которыми мужчина безвозвратно уловляется в женские сети – молодость, красоту, образование… В ту минуту, когда, казалось, нет в мире для меня существа, которое бы не было для меня чуждо, когда мне грозила большая опасность от отца, в ту минуту я услышал ее чудные слова… Если бы соединить в одну симфонию весь громадный гений Бетховена, Гайдна, Моцарта, Паганини – то и тогда бы эта музыка была бы бесцветною трелью тех чарующих звуков, которые сходят с чистых уст молодой девушки в единственную минуту жизни… "Я вас люблю более всего на свете"… Божественные слова! Это говорит дух Божий»[209]. Заметим, что уже в этом описании еще эфемерного идеала Меньшиков обращает внимание не только на ее внешние данные, но и на интеллект как немаловажную составляющую женской привлекательности. Показателен в этой связи записанный Меньшиковым его спор со своим товарищем по училищу, в котором будущий публицист доказывал, что «деревенская девушка не может тебе сделаться настоящей женой, другом, помогающим тебе жить. Неразвита. Жить будете в разных мирах»[210].

При этом собственные внешние данные Меньшиков оценивал с беспощадной пристрастностью, будучи уверен, что такого человека искренне полюбить невозможно. Осознание собственной некрасивости лейтмотивом проходят через ранние записные книжки Меньшикова: «Красота. И в этом, вполне

[209] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 2. Л. 51.
[210] Там же. Л. 27 об.

законном требовании отказала мне природа»[211]. «Безобразный человек, конечно, живет на свете, но и живет безобразно, тогда как красивый человек – живет красиво, конечно, при выполнении других основных условий счастья. Отнять у человека красоту – это решительно то же самое, что отнять, ум или здоровье, или общественное положение: во всех случаях получается хорошая жизнь, ковыляющая на трех ножках…». Думается, что аналогии Меньшиков выбрал не случайно, так как в этот период он не мог похвастать ни здоровьем, ни положением. «Я некрасив, – сокрушался будущий публицист, – и хотя не безобразен, но достаточно некрасив, чтобы чувствовать на себе этот порок. Я не нравлюсь очень многим женщинам и мужчинам, и половой подбор для меня сравнительно очень затруднителен. Я это чувствую и знаю, что это обида природы непоправимая, но я не прощаю этой обиды. Не к природе, этой слепой и немой старухе, я чувствую протест. Виновато общество, устроившееся так, что может рожать подобных мне уродов»[212].

Меньшиков, как мы увидим в дальнейшем, был крайне не уверен в своей привлекательности, истоки этой неуверенности, возможно, коренятся в его отношениях с матерью. По его собственным воспоминаниям, единственная женщина, близко стоявшая к нему – его мать, хотя и любила его, «но заметно не тою любовью, какою она награждала другого брата – Лёню. Она его любила со страстью, хронически, болезненно. В его отсутствие она постоянно думала о нем и говорила, что у нее постоянно сердце болит за Леню, тогда как за Мишу она не беспокоилась, сама не знает почему» [213]. При этом Меньшиков признавал, что предчувствия матери были не беспочвенны, и его старший брат действительно начал «неудержимо катиться по скользкой дороге». В то же время, отмечая недостаточную любовь со стороны матери, будущий публицист признавался в дневниках, что в детстве он был любим всей женской родней, что его несколько удивляло, так как он был убежден, что даже для любви к ребенку недостаточно

[211] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 3. Л. 99.
[212] Там же. Д. 20. Л. 44 об.
[213] Там же. Д. 5. Л. 42 – 43.

одних нравственных качеств последнего, важно, чтобы он был красив. А вот красивым-то, по мнению Меньшикова, он не был даже в детстве.

В 19 лет Михаил Меньшиков думал, что никогда не сможет создать свою семью: «Я осужден вечно бродить одиноким, нелюбимым и всеми презираемым, я осужден весь век роптать, роптать и роптать, и ни одно женское око не бросит бедняку ни луча сострадания и утехи…»[214].

Несмотря на столь непривлекательные, по мнению самого Меньшикова, внешние данные, он не был философом-затворником, чуравшимся женского общества. Он любил женщин, и те отвечали ему взаимностью, хотя Меньшиков и сомневался постоянно в искренности этих взаимных чувств. По его собственным воспоминаниям, которыми он делился в конце жизни в письмах к подруге Ольге Александровне Фрибес, первую серьезную влюбленность он испытал в 13 лет к своей девятилетней кузине Анюте.

Сложно сказать, как развивались их отношения. Но, по всей вероятности, между ними сохранилась нежная привязанность. В 1879г. а страницах дневника Меньшиков, по-эпикурейски рассуждая о том, что мир – «брачная кровать», вновь обращается именно к образу Анюты: «Теология – это дрянь, и мир – это не что иное, как брачная кровать, правда, довольно постаревшая, но – ба! – все равно. Будем пользоваться тем, что дает нам брачная кровать. Зачем мне философия, когда я могу прижать к сердцу сперва Анюту, а потом бутылочку Шампаньи или сперва бутылочку, а потом Анюту…»[215]. Однако совершенно очевидно, что отношения Меньшикова с кузиной носили вполне невинный характер, так как в этом же 1879 г. Меньшиков так определил свою будущую избранницу, которую он полюбит: «это будет именно та девушка, которая первая встретится мне в жизни»[216].

После продолжительной разлуки весной 1891 г. 32-летний Меньшиков вновь встретил Анюту. В письме к Фрибес Меньшиков вспоминал, что «оба были

---

[214] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 3. Л. 99 об.
[215] Там же. Л. 125.
[216] Там же. Л. 128.

совершенно свободны»[217]. Но их роману не суждено было продлиться, в декабре 1891 г. девушка скоропостижно умерла от тифа[218].

Летом (август) 1879 г., будучи в Санкт-Петербурге и гуляя на бульваре со своим товарищем Ювачевым, Меньшиков увидел Екатерину Ивановну Исакову, но познакомиться с ней в этот раз ему не удалось[219]. Ювачев предложил познакомиться не с ней, а с ее сестрой и обещал принести фотографию. Увидев фотографии Екатерины Ивановны и ее сестры, Меньшиков утвердился в мысли, что ему нравится именно Екатерина Ивановна. «Глаза, действительно, замечательные, – описывал он ее фото в дневнике. – Большие, открытые, как горизонт морской, глубокие, как небо… красавица не идеальная, не божественного эллинского типа, а скорее римского. Но зато как хорошо скрываются эти строгие черты под мягким покровом молодости, каким добрым, просто семейным, родственным смотрит это лицо! Голова большая, и бюст большой, да и вся она большая, – выше меня… А ей 15 – 16 лет. Да ведь она еще девочка! А как развилась… Серые, большие глаза. Как жаль, что мне не удалось взглянуть на них на самом деле, лицом к лицу…».[220] Меньшиков еще некоторое время пробыл в Петербурге и несколько раз пытался встретить ее на бульваре, но ничего не вышло, и 26 сентября 1879 года он возвратился в Кронштадт.

Примерно в это же время Меньшиков знакомится с Еленой Андреевной Фальк[221], ее имя впервые появляется на страницах дневника в 1878 г. Но самое начало романа было прервано плаванием Меньшикова на фрегате «Князь Пожарский». Сначала роман развивался неспешно, чувства то угасали, то разгорались с новой силой. «Елена Андреевна…, – обращался к ней мысленно Меньшиков в своем дневнике, – я больше об Вас не думаю совсем. Совершенно равнодушен, хоть все-таки Вы очень милая девушка. Все-таки из Вас вышла бы славная женка, хоть остановиться на Вас в выборе – я еще подумал бы»[222].

---

[217] Меньшиков М. О. Материалы к биографии. Указ. изд. С. 256 – 257.
[218] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 23. Л. 25.
[219] Там же. Д. 3. Л. 128 об.
[220] Там же. Л. 129
[221] Там же. Д. 5. Л. 6 об.
[222] Там же. Д. 3. Л. 135.

Находясь в плавании, Меньшиков все время мысленно обращается к образу Фальк. 1 октября 1879 года он записал увиденный накануне сон: «Видел сон сегодня: будто я влюблен в Елену Андреевну и хожу к ним каждый день, но никогда не застаю дома. Неужели этой девушке суждено играть в моей жизни роль более важную, чем простой знакомой?»[223].

В плавании Меньшиков продолжает мучиться страхами, что ему не суждено быть любимым. «Хоть бы увидеть кого-нибудь, какую-нибудь женщину, мне нужно это очень…, – пишет он в дневнике. – Зачем нужно? Для известного дела? Нет – для этого есть публичные женщины. Но – публичные женщины! Господи, какое несчастье, если меня не полюбит никакая девушка! А ведь это надо, этого мне хочется органически. Любви, а не только тела»[224]. Эти записи показывают, что Меньшиков осознавал важность духовного общения между мужчиной и женщиной и мечтал о таком общении. Он убеждал себя в том, что и влюбленность в Фальк вызвана именно потребностью в идеальных отношениях с женщиной и влюблен он, в конечном счете, не в нее, а в идеальный образ, который она олицетворяет: «Елена Андреевна, милая девушка. Я к ней теперь равнодушен, но еще немножко – и я опять начну бредить ею, т.е. не ею, а идеальною женщиной, которую зовут Еленой Андреевной. Надо же назвать как-нибудь! Я так беден… так беден»[225]. И в то же время он не может поверить в то, что Фальк отвечает ему взаимностью. Эти сомнения будут преследовать Меньшикова на всем протяжении их отношений. «Друг мой, дорогой друг! – обращается он мысленно к ней. – Если бы ты меня немножко любила? Если б ты действительно желала меня немножко? Если б я дорог был тебе на самом деле хоть сколько-нибудь? Я не знаю: мне кажется, я любил бы тебя так, как нельзя больше любить, как я никого не любил на свете…»[226].

Эти свои сомнения он высказывает и самой Фальк в ходе их переписки: «Елена Андреевна, как же быть-то нам с вами? Или все это глупость? Фальшь? …

---

[223] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 3. Л. 135.
[224] Там же. Л. 135 об.
[225] Там же. Л. 135 об.
[226] Там же. Л. 151 об.

Ты ведь если напишешь, то напишешь правду?..»[227]. И в другом письме о том же: «…Любви серьезной между нами быть не может: для этого половины условий не существует. Уродливо было бы, если одна половина жила без другой. Но пока этот огонек не потух – я позволю себе погреться на нем. Святой огонь! Его поддерживали все порочные веточки… Вы – веточка для меня. Вы не поддерживаете огонек моего сердца – и он потухнет… Конечно, не навеки. Природа найдет другую веточку, которая зажжет снова этот огонь во славу Вечного, и огонь будет гореть, он должен гореть, как проявление Животворящей силы…»[228].

Вернувшись в Кронштадт, Меньшиков признается себе: «Я правда, кажется, немножко занят Еленой. Я думаю об ней больше, чем о чем-нибудь, я засыпаю – думаю, во сне ее вижу, просыпаюсь – она же меня встречает… Поеду на Рождество в Петербург повидаться с нею»[229].

В это же время Меньшикову, по его собственному определению, «навертывался» и другой друг – Александра Ивановна. «Ей 28 лет, ей скучно, – описывает он новую знакомую. – Она рада всякому и удобному, и неудобному случаю. Я нечаянно очень грубо высказал ей свое мнение: "Вы молодая, и вам нужно друга – вот почему вам скучно". Обиделась, но, ей-богу, же ей ничего не хочется, кроме этого. Я не могу к ней чувствовать решительно ничего. Она не дурна, но мне все равно. Очень может случиться, что она сыграет роль добродетельной жены Пентефрия[230]…». И здесь же вновь вспоминает о Фальк: «Ах, Елена, милая моя, голубушка! Какая ты хорошенькая, милая, родная!...»[231].

С Еленой же отношения складывались непросто. «Что она мне напишет? – вопрошал себя Меньшиков в ожидании очередного письма. – Она осторожна… Как честная девушка, ей неудобно притворяться, что она что-нибудь ко мне чувствует, а как добрая девушка, ей неудобно напрямик высказать: не любила, не

---

[227] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 3.
[228] Там же. Л. 156 об.
[229] Там же.
[230] Жена Пентефрия – библейский персонаж, ставший нарицательным, символизировавший женщину, искушающую невинных юношей. В контексте рассуждений Меньшикова выступает отнюдь не как отрицательный образ, скорее как женщина, передающая свой опыт.
[231] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 3. Л. 156 об. – 157.

люблю и полюбить не могу. Вот она и лавирует между pro и contra. К тому же, как и всякой девушке, ей свойственно пококетничать: отсюда вечная пряжа нитки. Хоть и туго прядется, да оборвать не хочется»[232]. И данные размышления повторяются на протяжении всего декабря. 21 декабря 1879 г.: «Я не думаю почти целый день об Елене. А теперь есть минутка: можно подумать. И думать, собственно, нечего опять-таки. Она такая девушка, которую можно любить и нужно любить, когда думаешь… Она теперь спит на своем белом парусинном диване. Само собой, обо мне не думает. Дурно. Хоть бы разлюбить – да не разлюбишь. А нужно разлюбить, и нельзя разлюбить. Да и люблю ли я ее еще, вот вопрос?»[233]. 22 декабря 1879 г.: «Единственное сокровище для меня недоступно – Елена. Мне кажется, что лучше ее девушки нет. Вот как смеется чувство над логикой, ощущение над рассудком! За что я люблю ее, за что? Хоть бы разрешилось все это поскорее. Очевидно, ничего не будет для меня, карты не скажут правды… Да хоть бы скорее! Какое хорошее впечатление на мою нравственность она производит! Да хоть бы скорее – ведь это же смешно…»[234].

По-видимому, мысли о Елене занимали в это время все свободное время Меньшикова: «Друг мой, что ты теперь делаешь? Конечно, спишь. Спи. Ах, поскорей бы письмецо прислала! Поскорей бы сама приехала! Поскорей бы мне видеть твои серые глазки, твой румянец спелый лица, само личико милое, родное… Ей-богу. Много ли мне надо? Пока и этого довольно. Посмотрю, да и ладно. Само собой, лучше бы все взять… т.е. что же все? Да всю тебя, друг мой желанный, всю тебя, как есть, взять тебя в свои женки, в свои хозяйки, няньки… во что хочешь. Но, черт возьми, ведь ты меня не любишь. Дурно. И что бы такое сделать, чтобы ты меня полюбила? А? Хоть бы немножко? – Не знаю. Научи. Сделаю. Молчишь и не хочешь». При этом Меньшиков подходит к Фальк с очень строгой меркой со стороны умственных и моральных качеств. «Вчера я думал о тебе: ты красива и очень мила – раз, но умна ли ты? – риторически вопрошал Меньшиков. – Добра ли ты? Не слишком ли ты поверхностная женщина? Я еще

[232] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 3. Л. 159.
[233] Там же. Л. 163 об.
[234] Там же. Л. 164.

мало знаком с тобою с этой стороны. Ты умна в мелочах, а на больше мы не заходили». Меньшиков придирчив и в мелочах, о которых не забывал даже в лирических письмах: «Целую тебя, Елена, в твои губки, в обе щечки, целую твои милые глазки, лоб твой ясный. Целую тебя всю, от головы до мизинчика на левой ноге. И даже руки, хоть они у тебя и грязные. Мыла бы. Целую тебя, Елена, как брат, который любит тебя, как лучший из братьев! Целую тебя, Елена, как влюбленный, который любит тебя, как бескорыстнейший из влюбленных! Целую тебя и обнимаю, жизнь моя!»[235].

Меньшиков и желал развития их отношений с Фальк, и боялся несбыточности этих желаний. Так, 25 декабря 1879 г. он записывает: «От Елены письма нет. Черт с нею. Мне ужасно хочется с ней рассориться. Так рассориться, чтобы не было возможности снова сойтись: окончательно. И так, что- бы я о ней не думал совсем, не любил бы, был бы равнодушен совершенно. А она приехать обещалась на праздниках…»[236]. А уже через два дня: «Послал письмо Елене с указаниями насчет дороги. Бессовестно будет, если она не придет. Видел ее во сне, хоть и в очень дурном сне. Черт знает, ведь этак втянешься в эту привязанность – не разорвешь потом. Ах, ей-богу, как она мне нравится! Нет человека в мире – и это я говорю, порядочно подумав, – который бы был мне дороже этой девочки. Не любовь физическая: она страстна, а что-то среднее между любовью и родственным, тесным»[237]. Уже здесь мы видим наметившееся у Меньшикова негативное отношение к любви как страсти, которое он сохранит на всю жизнь, и противопоставление ей любви-дружбы, которую он будет выдвигать в качестве наилучшего образца семейных отношений в своих циклах статей «Думы о счастье» и «О любви». Во многом подобное отношение к вопросам любви и брака сделает Меньшикова на некоторое время сторонником учения Л. Н. Толстого. О том, что подобное отношение Меньшикова к любви – не случайность, свидетельствует следующий фрагмент дневника, в котором

[235] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 3. Л. 164 об.
[236] Там же. Л. 165.
[237] Там же. Л. 165 об.

Меньшиков с горестью для себя признает, Фальк «никогда не полюбит меня, никогда не будет моим другом, моим милым братом, моей женой»[238].

И вновь начинаются бесконечные сомнения в возможности быть счастливым с любимой женщиной, наводящие даже на мысль о самоубийстве: «А я опять раздумываюсь об Елене. Господи, да что же это изо всего выйдет? Я ее люблю. Что из этого должно выйти? Если бы говорить просто, что должно – вот оно: я должен жениться на Елене, и мы должны жить с ней вместе. Я был бы счастлив. Но что должно, то не можно… Елена меня не любит и замуж за меня не выйдет. Но странно… или я ошибаюсь? Или меня обманывает наука, рассудок? Неужели неверно то, что любовь без взаимности существовать не может? Значит, неверно. Значит, это аномалия, например в природе. Хоть бы приехала она поскорее, голубушка! Посмотреть на нее – вот и довольно. Нужно обдумать мое обращение с ней: я слишком откровенен. Я давно замечаю это. Я не стесняюсь намекать, что я люблю ее. К чему? Этого нельзя отнюдь допускать. Ведь решено же и подписано навсегда, что мы – чужие, посторонние с ней люди… Значит, нечего и говорить пустяки. Я позволю говорить с ней о дружбе. Зачем? Будем лучше болтать что-нибудь – пустяков хватит на нас! Пустяками набит весь мир! Да и не пустяков много. Но ведь это мученье. Все равно. В этом мученье есть и приятное. Можно пулю себе при случае пустить в сердце…»[239].

Постепенно по мере общения и переписки Меньшиков начинает осознавать, что его избранница не имеет необходимого, с его точки зрения, глубокого внутреннего содержания. «В письме решительно ничего… – отмечает он не без досады после прочтения очередного письма Фальк. – Ей-богу, ее письма несколько меня не удовлетворяют. Мне как-то приятно даже. Написать четыре страницы и ничего не написать! Боже мой, что же это за девушка! Неужели и это «барышня»…? Она была в церкви, расчувствовалась, подарила собачке подвязку, хандрила, стряпала…Беда просто. Мне неприятно, мне неприятно…Черт возьми, Елена, я самолюбив, это правда, но у меня и другое есть что-нибудь! Вы

[238] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 3. Л. 166.
[239] Там же. Л. 166.

красавица, Елена, я люблю вас, вы для меня очень дороги, но ведь это же ни на что не похоже – писать такие письма! Ведь надо же, говоря, сказать что-нибудь. Скажите же, пожалуйста, хоть что-нибудь! Nichts! Хорошо. Подождем еще немножко. Мне неприятно, неприятно… А Елена? Грустно. Одно чувство. Не буду ей писать целую неделю: крепиться буду. И думать не буду… Если бы мог не думать…Прощай, мой друг Елена. Когда ты мыслишь – ты очень умная девочка. И очень милая»[240].

Описывая прошедший 1879 г., Меньшиков так определил свое отношение к Фальк: «Чувствовал потребность в любви и любил Елену Андреевну Фальк. Или воображал, по крайней мере, что любил ее… Привязанность моя к Елене Андреевне объясняется просто. Мне пора любить, и она такая девушка, которая приближается к моему родовому типу». Последнее замечание лишний раз показывает, что биологизаторский подход проявляется у будущего публициста даже в вопросах выбора спутницы жизни. При этом он признается сам себе, что не может разорвать данные отношения в силу недостаточно сильной воли: «Я не спрошу себя, должен или не должен я любить ее: я дышу, и ем, и пью, и никогда не спрашивал себя, имею ли я на это право. Но если б я был нравственно силен, я б раззнакомился с Еленой. И я попробую. "Никогда не будешь каяться, если поступил разумно и честно". Разумно я так должен рассуждать: Елена меня не любит и замуж за меня не выйдет. Значит, и мне любить ее не следует, так как это и мучительно и бесплодно. Да и любовь эта какая-то странная, родственная, тихая». Меньшиков вновь отмечает, что для счастливой семейной жизни необходима общность взглядов и интересов, которой он не находит у Фальк: «Нравственного общения или духовного между нами нет. К великому моему горю, я должен сказать, что как мне не нравится Елена, уважать я ее не могу. Она мне кажется мелочною, поверхностною, даже пошлою. Она как дитя – у нее осталось еще много детского – мне страшно нравится, но жизнь сухая кладет уже на нее свое черствое клеймо… Мне нечего говорить с Еленой. У меня интересы научные, философские – свои родные интересы, а она к ним безучастна. Я так не

[240] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 3. Л. 167 об.

могу быть… "барышня", которая высказывается в первые полчаса и потом беспрерывно повторяется. Это скучно. Кажется, что вся привязанность эта – вздор один. Еще немножко – и я позабуду об Елене, – стоит лишь себя немножко принажать. Мне, по честности, следует высказать Елене следующее: "Я люблю Вас, Елена Андреевна, хотя и не знаю почему. Нравственной и умственной между нами связи нет. Если бы Вы меня любили – явилась бы, может быть, и нравственная, и умственная связь, или, по крайней мере, мы не заметили бы ее отсутствия. Вы меня не любите. Моя привязанность бесплодна: я жениться на Вас не могу, так как Вы меня не любите. Моя привлекательность к Вам для меня мучительна, так как бесплодна: Вы меня не любите. Я нахожу нужным подавить эту привязанность, если смогу. Мы не должны видеться больше, пока я не разлюблю Вас. Тогда мы снова сойдемся, как обыкновенные знакомые". И я, кажется, сделаю так»[241]. Но обещание свое самому себе Меньшиков не сдержал, и роман продолжался.

В январе 1880 г. Елена приезжала к Меньшикову с братом. Вот как он описал этот визит: «В руке у Елены была какая-то бумажка… Улучив минутку, она "подарила" мне ее, чтобы никогда не получить. Оказалось мое письмо к ней: "многоуважаемая Елена Андреевна" и пр. Разорвали. Выпросила мое письмо, что я начал писать ей в новый год. Прочитала письмо, осталась недовольна. Я не понимаю. Она совсем не такая, чтобы смеяться и пр. над моим чувством. Ничего унизительного нет для меня: ей-богу, ей некогда было писать письмо, и она не виновата, что не приехала в воскресенье. А в письме доказывалось, что она не понимает моей искренности. С теми людьми, с которыми мне нужно быть скромным, я гораздо откровеннее, чем с нею, а с нею мне сердечно хочется быть совершенно откровенным. Мои к ней чувства нельзя выразить точнее, чем Лермонтовскими стихами:

Вижу ль голос твой, чудный и ласковый,

Сердце, как птичка, в клетке запрыгает…

---

[241] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 3. Л. 170 – 170 об.

и пр…то эти чувства причиняют мне только неприятность, обиду, эти чувства не могут быть выражены: Елена примет это за скандал. Письмо разорвали. Она мне дала понять, что не будет очень удивлена, если буду я немножко откровеннее… Вот что я за собою заметил: с каждым новым свиданием я, кажется, все более и более привязываюсь в Елене. Она, ей-богу, такая милая: нужно огромное усилие, что бы я не бросился целовать ее в иные минуты…»[242].

Одна из записей, посвященных отношениям с Фальк, проливает свет и на одну из особенностей Меньшикова – замкнутость, привычку держаться на расстоянии от людей и не заводить близких друзей. «Я ее понимаю немножко, – пишет Меньшиков. – У нее тоже нет искренних друзей. Ей тоже иногда хочется поболтать с посторонним человеком…»[243]. Об этой черте характера Меньшикова мы подробнее скажем в дальнейшем.

Между тем роман начинал наконец развиваться, преодолевая неопределенность в отношениях. «Я счастлив, – пишет Меньшиков. – 11 числа я поехал в Петербург. Вечером мы сидели у меня, я и Елена…Она мне позволила называть ее просто Еленой. 12 числа мы сидели у меня вечером. Она мне позволила поцеловать себя. 13 числа вечером мы сидели у меня. Она позволила говорить ей "ты". Итак, все возможное свершилось! Мы друзья! Мечтал ли я об этом? Не мечтал! Вчера я едва расстался с нею. Целовал много, много! Как сладко! Друг мой, желанный друг! Сегодня пришла со своею подругой проводить меня на вокзале… Напишет скоро. Друг мой, голубчик! Я знаю, что ты меня не любишь, но ты желаешь меня немножко…»[244].

Сложно сказать, как развивались бы отношения Меньшикова с Фальк, но судьба внесла в них свои коррективы. В 1882 г. Елена Андреевна умирает. Вспоминая о ней уже в 1888 г., Меньшиков пишет в дневнике: «Я был влюблен в Елену, и она казалась мне олицетворением всего прекрасного в мире, но огромное большинство ее знакомых находило ее обыкновенной девушкой, а иным она

---

[242] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 3. Л. 171 – 171 об.
[243] Там же. Л. 171 об.
[244] Там же. Л. 172.

казалась, может быть, некрасивой. Пусть так, но для меня, несомненно, существовала красота Елены как истина»[245].

Вспоминал он о Фальк и за месяц до своей трагической гибели на Валдае: «18 авг. 1918 г. Сегодня 35 лет с того памятного дня, как я полюбил Е. А. Не ссудил Господь мне сегодня вместе с нею вспомнить этот безумно счастливый день. Почти 3 1/2 г. влюбленности, то разгоравшейся, то гасшей, осложняемой другими приключениями, доказали, что это чувство вовсе не так уж могуче и свято, как казалось первое время». Однако вечером того же дня Меньшиков добавляет в дневнике: «Все-таки поцеловал три раза с тихим и сладким чувством вечно мне милое личико Е. А. на ее портрете, что висит у меня над кроватью. Точно отдаленный рокот каких-то нежных струн. Все же ты и те, которых я любил, но ты по преимуществу показала мне, хоть и горькою ценой, блаженство сердца на заре жизни. Спасибо тебе за это»[246].

В 1886 году Меньшиков знакомится с Евгенией Александровной Шапиро. По его собственному описанию, это была «роскошная женщина – красавица, с великолепным ростом…, стройная, античная: знаток лошадей сравнил бы ее с кровною, породистою арабскою кобылою, у которой мускулы сталь, а нервы – огонь…»[247]. История их отношений вкратце описывается А. С. Мелковой в связи с тем, что она, по мнению исследовательницы, послужила основой для сюжета повести А. П. Чехова «Рассказ неизвестного человека». Однако данное описание строилось по преимуществу на внешних фактах, известных окружению Меньшикова, и создало упрощенную картину происходивших событий. По ошибочной версии А. С. Мелковой, этот роман начался только в конце 1887 г. Е. А. Шапиро, познакомившись с Меньшиковым на заседании Литературного общества, «решительно отправляется к нему домой, а затем приносит и свои вещи», а вскоре из-за «несходства во мнениях» она уезжает от Меньшикова навсегда, оставив ему их общего полуторагодовалого ребенка [248]. Однако, если

---

[245] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 21. Л. 22 – 22 об.
[246] Меньшиков М. О. Материалы к биографии. Указ. изд. С. 205, 208.
[247] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 20. Л. 8 об.
[248] Мелкова А. С. Чехов и Меньшиков: история личных взаимоотношений и творческих взаимосвязей // Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: переписка, дневники, воспоминания, статьи. Указ. изд. С. 25.

посмотреть на происходившее через призму дневниковых записей самого Меньшикова, то ситуация предстает не столь однозначной. Позволим себе более подробно остановиться на истории личных взаимоотношений Меньшикова и Шапиро, тем более что в кругу современных почитателей националистических взглядов Меньшикова этот неудачный роман с еврейкой, от которой публицист всю жизнь воспитывал сына, может быть расценен как дополнительное личное основание неприязни к еврейской нации.

Этот «маленький роман», как определил его сам Меньшиков в начале их отношений (февраль 1886 г.), развивался непросто и неспешно. Она приходила к нему по средам и воскресеньям, проводя у него 3 – 4 часа. Дальше поцелуев дело не шло. Характерный диалог, показывающий состояние их отношений на данный момент, Меньшиков описал в дневнике:

«– Не верю Вам, нисколько не верю, - говорила Женечка, сидя на диване за чаем, – вот нисколько не верю (что я ее люблю).

– И хорошо делаете, что не верите.

– Вы меня нисколько не любите, это все Вы обманываете.

– Люблю и не обманываю!

– Не верю!

– И прекрасно делаете. Если б Вы поверили – Вы стали бы иначе относиться ко мне. И я уже совершенно сошел бы с ума. Я наделал бы тогда больших глупостей.

– Нет, Вы хитры!.. Уж и рассердился! Вам слова нельзя сказать! Ну какой!

– Вовсе не рассердился. Правда, мне обидно, мне досадно, но я сейчас же подумал – имею ли я право сердиться. Ведь никто не виноват в том, что я некрасив, что я Вам не нравлюсь.

– Ах, бросьте… Кто Вам сказал! Любят не только за красоту. Я никогда бы не полюбила за красоту…

– Вы человек, как все, – Вам нравится, как всем, – красивое, изящное; я безобразен и я Вам противен – это так естественно…

– Ну… Я люблю Вас! Я ведь говорила же Вам это! Очень, очень люблю! Я не могу признаваться, я скрываю, но…

- Но все-таки я Вам противен. Ведь это видно, когда любят, из манеры держать себя, из улыбки глаз и губок, из порыва сидеть поближе, касаться друг друга… Вы отворачиваете мордочку, когда я ее целую, Вы обтираете губки…

– Потому что мокро!.. Что Вы вздор говорите… Ну чего Вам хочется? Ну скажите, как любить? Ну что я должна сделать, чтобы Вы верили? Научите меня, как это доказать? Я на все, на все согласна… Ах, если бы я знала, что Вы мой, уверилась в том, что Вы не обманываете, я бы не то… Вы бы тогда увидели… Я для мужа своего не знаю, что бы сделала, все! Я не могу любить, когда меня обманывают…

– Милая птичка, кто же тебя обманывает? Ведь ты знаешь, хитрая, что тебя любят! Знаешь, ой, не хитри! Иначе зачем же ты ко мне ходила бы? Ты сомневаешься – это правда, и хорошо делаешь, но, когда я захочу, чтобы ты поверила, ты поверишь. Ну дай же милую мордочку!» [249]

Комментируя этот диалог, Меньшиков замечает в дневнике: «Действительно, я хитер. Действительно, я ее не люблю и, стало быть, обманываю ее. Но, мне кажется, я не обманываю ее уже потому, что она мне верит. Если бы мне захотелось действительно обмануть ее – убедить в том, что я люблю ее, мне ничего бы не стоило. Хорошенькие женщины убеждаются в этом очень легко, иногда вопреки глазам своим и ушам. Притворитесь влюбленным, предположите, что вы влюблены, и женщина сейчас же поверит этому, или у Вас нет ни капли артистического таланта – притвориться»[250]. Таким образом, несмотря на невысокое мнение о своей внешности и неверие в возможность искренне быть любимым, Меньшикову льстила возможность иметь любовные интрижки, которые, по его же собственным признаниям, вряд ли имели шанс закончиться браком.

---

[249] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 20. Л. 3 об. – 4.
[250] Там же.

Подобные описанному выше диалоги повторялись неоднократно. Евгения Шапиро признается Меньшикову в любви и даже обещает принять православие, если он согласится обвенчаться с ней. Однако Меньшиков не собирался жениться на ней и не скрывал этого. Размышляя сам с собой, он объяснял этот отказ своим состоянием духа и ее качествами:

«Я, правда, не влюблен в нее, но ведь я уже покончил с мыслью жениться непременно по любви: где же мне влюбиться теперь, и главное – где же, какого черта влюбить в себя? Достаточно, если не противны будем друг другу да она будет подходить ко мне, остальное поживем – привыкнем. Правда, она очень высока сравнительно со мной ростом, мои глаза приходятся ей в подбородок… Конечно, она принадлежит к типу благородной человеческой расы, и если брак есть половая связь, то разве не заманчива связь с самой Венерой, вышедшей из морской пены? Разве не обновил бы, не обогатил бы мою истощенную, омертвелую кровь союз с этой трезвою, горячею и сильною кровью? И все-таки я не женюсь на ней: не женюсь именно потому, что она… я хотел сказать: мещанка, но предположим в уме, что она образованная и развитая, и ее мещанство исчезло в этом, – не женюсь потому, что она совершенно необразованная, неразвитая и недалекая девочка. Правда, она добренькая, трезвая, трудолюбивая, честная. Ей страшно хочется замуж за офицера, и хотя я ей как будто чуть-чуть нравлюсь, но о любви не может быть и речи. Действительно, есть натуры, которые никогда не любят»[251]. Заметим, что здесь в качестве основного аргумента против женитьбы на Шапиро вновь выступает ее умственная и духовная неразвитость. А вот ее принадлежность к еврейской нации как раз представляется Меньшиковым как генетическое достоинство.

Меньшиков, судя по его дневниковым записям, как бы приручает свою «милую евреечку», которая была «необыкновенно строга, неприступна и недоступна», постоянно напоминавшая, что отдастся только мужу, чтобы не принести «ребеночка в передничке», как выражалась ее мама. Однако Меньшиков не терял надежду, замечая, что «нет того замка, к которому нельзя было

[251] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 20. Л. 8 об.

подобрать ключа, и всякие крепости на свете сдаются»[252]. При этом наедине с собой Меньшиков признавался в том, что он циник и «решительно дурно» ведет себя с женщинами и вообще «дурной человек»[253]. Возможно, именно по причине внутренней неуверенности ему хотелось самоутвердиться в роли своеобразного ловеласа.

Уже в марте Меньшиков не был столь категоричен в определении своего отношения к Е. Шапиро, записав в дневнике, что начинает «немножко влюбляться уже» в нее[254]. Их отношения переходят границы платонических. Но точно можно сказать, что на Рождество 1887 г. Шапиро все еще не живет у Меньшикова, а лишь приходит «причаститься его тела»[255]. Новый год Меньшиков рассчитывал встретить «чисто по-язычески – на ложе наслаждений с вином в одной руке и гроздью винограда в другой…», и его ожидания оправдались. «Новый год встречен в пьяном и сладострастном счастье»[256].

А уже в феврале 1888 г. Меньшиков записывает, что месяц назад от него ушла Шапиро, и замечает, что одиночество начинает его тяготить и при этом он впадает в апатию. Причину разрыва Меньшиков объяснял тем, что на его «птичку» дурно подействовал «великий соблазн ее развратничающих подруг, ничего не делающих и живущих на богатом содержании». Она готова была остаться только на условии брака, но Меньшиков на это не пошел[257].

Однако Шапиро вновь возвращается к Меньшикову, и в этом же 1888 г. у них рождается сын Яша. В современной историографии закрепилось мнение о том, что у Меньшикова был лишь один внебрачный ребенок. Однако в сентябре 1889 г., подводя своеобразный итог своей 30-летней жизни, Меньшиков записал в дневнике: «В 30 лет я не женат, хотя у меня двое детей от двух любовниц»[258].

1 января 1890 г. сразу после встречи Нового года Меньшиков записал в дневнике: «Сейчас встретил Новый год – у себя дома (Гулярная 9.9.), в кругу

---

[252] ЦХДЛСМ. Ф.202. Оп.1. д. 20. Л. 11 об.
[253] Там же. Л. 11 об.
[254] Там же. Л. 19.
[255] Там же. Л. 35.
[256] Там же.
[257] Там же. Л. 35 об. – 36.
[258] Там же. Л. 46.

ребятишек (Яша, Манечка, Наташа), – в обществе болезненной раздражительной Ж. (Е. А. Шапиро – прим. мое) и здоровой, невинной Поли. По рюмочке киевской наливки, по стакану шоколада, по ломтю хлеба с сыром – вот и весь праздник (в сравнении с роскошным ужином прошлого Нового года)»[259]. (Заметим, что улица, упоминаемая в дневнике, теперь носит название Лизы Калитиной и дом, где жил Меньшиков, сохранился до настоящего времени.)

В апреле 1890 г. в письме брату Володе Меньшиков сообщал: «…мать Е. А. на мой новый запрос ответила, что она не знает, куда уехала Е. А., что будто бы она говорила, что едет в Петербург, но, по слухам, направилась в Варшаву с отцом, и что она, мать, собирается сама в Варшаву разузнать об этом и по возвращении сообщить об результатах. Все это очень подозрительно»[260].

18 мая 1890 г. Меньшиков записал в дневнике: «Недель пять тому назад уехала в Вильно Ж. к своей матери, которая настойчиво требовала ее письмами, уверяя, что лежит при смерти. Ж. снарядилась со всем своим имуществом, забрала все свои "кунды-мунды", по ее выражению (кроме моего сундука в багаж сдана корзина, узлы и прочее). Обещала быть непременно назад и письмо в этом духе прислала»[261]. Но назад она уже не вернулась, и ее дальнейшую судьбу проследить не удалось.

Несложившиеся отношения с Шапиро никоим образом не отразились на отношении Меньшикова к их общему сыну Яше, которого он растил сам, о чем свидетельствуют дневниковые записи[262].

В это время он знакомится с Лизой (личность выяснить не удалось, однако с высокой долей вероятности можно сказать, что она, как и Шапиро, была иудейкой, о чем косвенно свидетельствуют ее упоминания «шаббат-дня» вместо субботы). У них начинается роман, продлившийся около трех лет. В дневниковых записях находим: «После обеда пришла Лиза – хорошенькая, кокетливая, видимо, желающая быть ласковой со мной… Придет в четверг»[263]. Со временем и этим романом Меньшиков начинает тяготиться. В июне 1892 г. он убеждает себя:

---

[259] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 23. Л. 1.
[260] Там же. Д. 78. Л. 6 об.
[261] Там же. Д. 23. Л. 7 об.
[262] Там же. Л. 46 об., 47.
[263] Там же. Д. 23. Л. 25.

«Конец, конец! Пора порвать позорную глупую связь. Пора! Пора! Всему бывает конец»[264]. Однако связь эту он будет продолжать еще несколько лет, о чем свидетельствуют периодические пометки в записной книжке, подобные следующей: «Сегодня Л. Пятиминутная оргия»[265]. Хотя отношения эти временами и тяготили Меньшикова. Так, в январе 1893 г. он запишет: «Втянулся в формальную связь с Л. И чем она окончится – даже и представить не могу»[266].

Важную и не до конца выясненную роль в жизни Меньшикова сыграла Лидия Ивановна Веселитская, с которой Меньшиков знакомится у Николая Семеновича Лескова в 1893 г. Именно Веселитская, не имевшая своих детей, заменила мать первому сыну Меньшикова Яше. По признанию Меньшикова у них был «короткий роман»[267], жениться он не захотел, но Яша так привязался к Лидии Ивановне, что она стала своеобразным другом семьи до конца своей жизни. Как убедительно показала в своем исследовании литературовед А.С. Мелкова, именно Веселитская послужила прототипом для рассказа А.П. Чехова «Душечка»[268].

Особой популярностью у женщин Меньшиков начал пользоваться, став сотрудником «Нового времени». Многие дамы зачитывались «письмами к ближним» и мечтали познакомиться с их автором, иногда даже приходили для этого в редакцию. Именно там в 1905 г. Меньшиков познакомился со своей женой Марией Владимировной (урожденной Поль, в первом браке Афанасьевой), которая была моложе его на 17 лет. Яша уже вырос и не нуждался в сильной опеке, однако Меньшиков, видимо, искренне был привязан к Веселитской, продолжал поддерживать с ней дружеские отношения и даже обсуждал в письмах свою будущую жену, о которой Лидия Ивановна, по всей видимости, отзывалась хорошо. «То, что Вы пишете про Марью Владимировну, – замечал Меньшиков, – сущая правда. Она и мне нравится больше всех так называемых моих дам, и вообще в ней много достоинств…»[269]. Меньшиков и М.В. Афанасьева поженились в 1907 г., и вскоре у них родилась дочь, которую назвали Лидией в честь Веселитской, которая стала ее крестной матерью. Во втором браке у

---

[264] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 23. Л. 36.
[265] Там же. Л. 38.
[266] Там же. Л. 47.
[267] Меньшиков М. О. Материалы к биографии. Указ. изд. С. 174.
[268] Мелкова А. С. Кто был прав: Толстой или Чехов? // Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: переписка, дневники, воспоминания, статьи. Указ. изд. С. 414 – 415.
[269] Цит. по: Мелкова А. С. Кто был прав: Толстой или Чехов? Указ. изд. С. 422.

Меньшикова родилось шестеро детей, но семейное счастье было недолгим, вскоре пришли первая мировая война и революция. В 1918 г. Меньшиков был расстрелян, а его семья осталась без средств к существованию. Вдове Меньшикова пришлось временно отдать детей к друзьям и родственникам. Подруга Меньшикова писательница О.А. Фрибес взяла на воспитание его старшую дочь Лиду. Веселитская из-за большой нужды не смогла приютить у себя детей Меньшикова, но для материальной поддержки передала его вдове «для продажи» письма Н.С. Лескова[270].

Таким образом, можно констатировать, что неустроенная личная жизнь Меньшикова, с одной стороны, была связана с высокими интеллектуальными и духовными требованиями, предъявляемыми им к своей будущей жене, с другой стороны, усиливала негативное впечатление от современного брака, вынесенное им еще из своего детства.

1.3 Становление Меньшикова как публициста

Первые литературные опыты Меньшикова относятся еще ко времени его учебы в морском училище. Уже на первом курсе в его дневниках встречаются стихи, а также запись сюжетов, которые могли бы стать основой рассказа. Пробует он себя и в художественном описании природы. Вот один из таких примеров: «Ночь лунная глядит в окно, и море спит. Выйдешь, моя милая, на берег подышать вечерним, свежим воздухом, посмотреть на море и на небо в голубом сиянии, под луною. Сколько звездочек мелькает в этом небе. И далеки, как они от нас далеки! А этот месяц, будто дремлющий на небе, а это море, на челе с серебряным сиянием, эта зелень, горная, душистая, и огоньки на рейде…».

Описания товарищей, преподавателей и начальства училища также показывают, что Меньшиков стремится создать некие художественные образы[271]. Вот, к примеру, каким предстает в дневнике Меньшикова начальник училища: «Начальник училища, генерал-лейтенант Александр Ильич Зеленый, человек

[270] Меньшиков М. О. Материалы к биографии. Указ. изд. С. 7.
[271] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 2. Л. 6 – 8.

среднего роста, не толстый, с старческим лицом русского типа, с лысиною до затылка. Ходит несколько сгорбившись, костюмом и орденами не щеголяет: в петличке старого вице-мундира с потертыми погонами одиноко качается Георгий за 25 лет беспорочной службы. Остатки растительности на голове и нижней части лица носят печать 84 пробы, глаза синие, не строгие. Говорит несколько старческим, крикливым голосом. Характер мягкий, хоть и склонный к самообожанию: с подчиненными он держит себя полным начальником. Религиозен и в обрядах церковных исполнителен. Разговоры его с воспитанниками ограничиваются одним приветствием, да вопросом у больных о здоровье, да в нескольких стереотипных поощрительных фразах. Никаких возражений не допускает и терпеть не может, если воспитанник выражает неудовольствие на содержание или на административную часть училища. Считает себя благодетелем, в отношении воспитания держится рутинных начал, – на развитие, например, воспитанников не обращает внимания и главным достоинством их считает хорошие баллы и непреклонное изучение специальных предметов…»[272].

Меньшиков ощущал потребность следить за тем, что происходит в российских повременных изданиях, причем его интересовали не столько журналы, сколько более оперативная пресса. На последнем курсе Кронштадтского училища Меньшикову очень хотелось иметь постоянную подписку на несколько газет, но за недостатком средств он планировал организовать коллективную подписку и открыть специальную газетную «конторку». Он так- же мечтал, что дело самообразования станет делом не только его личным, но коллективным, «чтобы создать, таким образом, умственную связь между всеми»[273]. Однако Меньшиков с сожалением констатировал, что многие его товарищи по роте охотнее тратят деньги на «вино и женщин»[274].

[272] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.
[273] Там же. Л. 18.
[274] Там же. Л. 18 об.

Первое критическое замечание о литературном произведении встречается в дневниках 18-летнего Меньшикова. Относительно романа Тургенева «Отцы и дети» он записал: «книжонка немудрящая»[275].

Еще на четвертом курсе морского училища Меньшиков делится с дневником свои желанием написать статью об организации народной помощи ввиду Балканской войны: «Статью хочется написать, да боюсь»[276].

Даже делясь со своим дневником мечтами о будущем, в 1877 г. Меньшиков пишет, что «хотел бы сделаться маленьким писателем». При этом самым важным для него является возможность писать на свободные темы, никем и ничем не ограничиваясь, такое творчество он рассматривает как вид отдыха. Меньшиков оценивает свои способности более чем строго: «Выдающегося таланта во мне нет и не будет». Но, рассуждая далее, он замечает, что «ведь есть и такие сферы литературы, где не нужно особенного таланта: довольно писать сколько-нибудь порядочно…». Такой сферой Меньшиков считал газетный фельетон, мечтая о возможности публикаций не только в российских, но и в заграничных изданиях. Меньшиков мечтал стать общеславянским публицистом, для чего планировал выучить славянские языки. «Изучить эти языки вовсе не трудно, – убеждал он себя, – пять лет труда, немного практики, и я буду с ними достаточно знаком, – настолько, чтобы не только объясниться, но немножко и писать на них»[277]. Меньшиков мечтал быть полезным не только для русского, но и общеславянского общества: «Я буду в состоянии внести хоть маленькую каплю пользы Славянству». Как мы увидим в дальнейшем, в этом своеобразном славянофильстве зарождались его националистические идеи. В его планы входило стать «корреспондентом славянских стран» и в то же время «фельетонистом, знакомящим русскую публику с текущею жизнью славянства». Он сам понимал, что это «задача увесистая», но и «пользы нельзя будет не ожидать хоть сколько-нибудь»[278]. Увлекаясь, Меньшиков рисует себе такое будущее: «Мои корреспонденции читаются в Варшаве, Праге, Белграде, Агрише, Триаве,

[275] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.
[276] Там же. Л. 3 об.
[277] Там же. Д. 3. Л. 10 об.
[278] Там же. Л. 10 об. – 11.

Цетинье, Львове. Все они проникнуты деловитостью, горячею любовью к славянству, духом единения и примирения… Корреспонденции «Из русского царства» читаются всей славянской интеллигентной массой, цитируются газетами, распространяются…»[279]. И хотя перед глазами Меньшикова уже был пример не только Каткова, но и газеты Суворина, которая на глазах Меньшикова набирала популярность благодаря своим корреспонденциям с театра военных действий, публицист, оставаясь верен своему характеру, подытоживал свои мечтания: «Славная картина, но вряд ли мне придется любоваться ею»[280]. Впрочем, в примечании к этой записи, сделанной Меньшиковым в 1918 г., он признает, что, хотя и частично, эти мечты сбылись «в наиболее доступной части»[281].

Мечта об изучении и описании культуры и быта всех «всеславянских народностей Европы» еще будет встречаться на страницах дневника Меньшикова[282].

На последнем курсе училища Меньшиков становится инициатором издания в Кронштадтском морском техническом училище ученической газеты «Неделя» и фактически является ее автором и редактором. Первое упоминание об издании Меньшиковым в Кронштадтском училище газеты «Неделя» встречается 21 марта 1877 г. «Сейчас окончил издание «Недели», выпустил шестнадцатый номер, сдав его Ликандеру. Чихачев извинялся, что он не написал критики… Ну, теперь руки развязаны, кажется, садись и пиши свое сочинение… отговорки нет. Так нет же, кажется, что даже жалко, что нет отговорки…»[283]. Здесь мы видим, что Меньшиков планирует заняться чисто литературной работой, но все не решается к ней приступить.

Подводя итог прошедшему 1877 г., Меньшиков отмечает, что вся его деятельность в прошедшем году «была поглощена изданием "Недели"». Он сам признавал, что эта газета «не носит на себе отпечатка серьезности и полного

---

[279] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 3. Л. 11.
[280] Там же.
[281] Там же.
[282] Там же. Д. 2. Л. 17 – 17 об.
[283] Там же. Д. 1. Л. 84.

сознания». Однако относился к своей работе со всею ответственностью и полагал, что, несмотря на некоторые «промахи», он может быть доволен собой «за это дело - за издание "Недели"». В духе описанных выше планов всеславянской деятельности Меньшиков в своих статьях этого периода, по его словам, проводил идеи любви «к славянству и народу русскому», необходимости «славянского единения», а также писал о необходимости для народа «свободы и просвещения», а для воспитанников – «сознательного взгляда на себя самих, на государство, на свою службу, на народ и на человечество»[284].

Во время плавания на «Князе Пожарском» Меньшиков начинает писать путевые заметки в виде очерков и решается предложить их для печати под названием «По портам Европы». Для этого он направляет первые из этой серии очерки знакомому сотруднику «Кронштадтского вестника» Л. О. Дейтеру.

Меньшиков так объяснял для себя причину его желания окончательно вступить на публицистическое поприще: «Мне хочется писать затем, чтобы служить русскому прогрессу, чтобы вдвинуть в маленький кружок людей, двигающих Россию к свету. Я хотел бы, чтобы мой голос гремел как призывный колокол, гремел бы над всею Русью и созывал бы всех к служению добру и правде. Что таиться? У меня есть какое-то неискоренимое желание правды – недаром я хожу иногда в беспристрастном волнении, с жаждою проповеди, деятельности… Есть ли у меня талант? Есть небольшой, конечно, но для скромной мысли – указывать правду – его достаточно. Я верю в величие и могущество науки, я надеюсь, что знание возвысит, разовьет и упрочит мой ум. Ведь я чувствую, что я не развит, я чувствую, что мне еще осталось неразработанной почвы. И мне кажется, я во что бы ни стало добьюсь печати и займу в ней прочное место»[285].

3 марта 1879 года Меньшиков получил очень важное для его дальнейшей судьбы письмо от Л. Дейтера (секретарь газеты «Неделя»), в котором его первые публицистические опыты нашли поддержку и одобрение: «Милостивый государь!

---

[284] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 3. Л. 16.
[285] Там же. Д. 6. Л. 1 об.

Михаил Осипович! Благодарю за то, что откликнулись, – писал ему Дейтер. – Первое, что скажу Вам, это – продолжайте, продолжайте и продолжайте. Присылайте все, ни одной строчки не пропадет… Будьте покойны: они (записки) во всяком случае будут напечатаны… Тот путь и сущность, каким Вы держитесь в Ваших интересных очерках, – самый удачный, импульсный и занимательный. Лучше ничего и не требуется. Способ изложения, стиль и слог – прекрасны. Легкая наклонность к одним прекрасно смягчает бесцветные стороны описываемого предмета. И так пока все хорошо. Присылайте и присылайте продолжения… Держитесь в статьях направления, Вами взятого…». Для Меньшикова, испытывавшего крайнюю неуверенность в своих литературно-публицистических способностях, такой положительный отзыв был настолько значим, что он переписал его в свою записную книжку с припиской: «Вот какими комплементами увенчалась моя попытка проникнуть в заповедное поле печати. Можно сказать, что судьба посылает мне маленький шанс за мои прошлые негодные попытки»[286]. Эта неуверенность в своих способностях подобно неуверенности в своих внешних данных будет преследовать Меньшикова еще долго, и, уже работая в «Неделе», он так же будет выписывать в записные книжки положительные отзывы о своих статьях, как бы желая лишний раз удостовериться, что эти похвалы адресованы ему.

Но это будет в будущем, а пока, находясь в кругосветном плавании, Меньшиков ждет очередных вестей о судьбе своих очерков и уже ставит перед собой задачи, как перед будущим журналистом: «Если мне удастся хоть сколько-нибудь сносно начать литературное поприще, если удастся настолько сделаться заметным, чтобы без затруднения войти в любую редакцию, тогда что мне остается делать? Учиться. Учиться беспощадно, неотступно, всеми силами. Невежество – это самый лютый враг мой. Чтобы быть действительно человеком дела, чтобы быть честным, умным, добрым человеком, я должен учиться. Я теперь ничего не знаю. Я ничего не могу сказать своего, оригинального, потому что ничего не знаю. Какие у меня могут быть взгляды? Разве я проверил свои

[286] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 6. Л. 4 об.

убеждения путем точных доказательств? Конечно, нет. Этих доказательств я не знаю, я не учен. И во всех отраслях деятельности будет сказываться моя бедность, мое убожество знания. Трудно сказать, какой будет действительный способ моего обучения. Будущее неизвестно, но вопрос самый – учиться или нет – слишком назрел и определился»[287]. Таким образом, Меньшиков вновь более чем скромно оценивает свой интеллектуальный багаж, но верит в возможность исправить дело и реализовать свой потенциал. Впрочем, и потенциал этот Меньшиков тоже в своих глазах явно преуменьшает. Так, в ожидании очередных вестей от Дейтера он записывает: «В последние дни меня особенно беспокоит судьба моих записок, отосланных Дейтеру. Все как-то не верится, что они напечатаются. Ведь плохо, и говорить нечего. А все-таки как бы хотелось! Это теперь почти необходимо, все уже узнали, что я писал, и потом, в случае неуспеха, сколько придется вытерпеть». Последнее замечание показывает помимо прочего, что у Меньшикова сложились непростые отношения с товарищами в ходе плавания, по всей вероятности, его литературные занятия не вызывали сочувствия у них, поэтому он не исключал возможности насмешек над ним в случае литературной неудачи. Однако, зная замкнутость Меньшикова и внутреннюю неуверенность в себе, можно предположить и то, что эти страхи стать посмешищем были во многом надуманными.

Наедине с собой Меньшиков признается, что публицистический успех его волнует не столько сам по себе как возможность самовыражения, сколько как средство получить более достойное место в общественной жизни и признание окружающих, включая женщин: «Если же будет по моему желанию – я приобрету значительный вес. Конечно, все это очень дурно, все это будет фальшиво, я буду вором, по выражению Карлейля, крадущим внимание общества. Но вес этот может быть необходим для того, чтобы приобрести возможность добыть себе вес настоящий, не воровской. И при том я всегда могу остановиться, тогда как начать не всегда удастся. Может быть, это и дурно, конечно – дурно, но будет приятно и в Россию возвратиться с некоторой заслугой, с именем в печати. И родные, и

[287] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 6. Л. 6 об. – 7.

знакомые взглянут на меня другими глазами…ведь я в душе-то все-таки очень не против, чтобы меня похвалили… И Елена Андреевна посмотрит… опять-таки все это и глупо, и нечестно, но мне как-то не хочется доказать эту уверенность полным анализом, не мечтаю проникнуться мыслью, что все это несостоятельно. Итак, еще неделя – и я узнаю. Решится мое "быть или не быть"»[288].

Страхам Меньшикова не суждено было оправдаться, очерки стали печатать в «Кронштадтском вестнике» и «Голосе». И они действительно получили определенное признание среди читающей публики, что нашло свое подтверждение в издании их в 1884 г. отдельной книгой под тем же названием – «По портам Европы».

Так как эти очерки уже получили достаточно подробный анализ в работе Н. И. Крижановского, отметим лишь основные моменты. Меньшиков с большим вниманием описывает каждую встречающуюся ему деталь западной жизни и западной культуры, часто прибегая к сравнениям не в пользу России. Показательны размышления начинающего публициста после посещения русского павильона на Всемирной выставке 1877 г. в Париже. Замечая с сожалением, что в отечественных живописных работах, представленных на выставке, преобладают «купцы и купчихи с их нечесаными "овчинами", потными расплывчатыми лицами», Меньшиков признается, что, безусловно, отдал бы предпочтение «художественной Венере» перед изображением «какого-нибудь трезвого или пьяного бурлака»[289]. Как справедливо, на наш взгляд, отмечает Н. И. Крижановский, таким образом Меньшиков «формирует свою позицию по вопросу присутствия идеала в искусстве», вступая «с еще не совсем четко выраженными мыслями» в полемику сторонников чистого искусства и «последователей концепции искусства социально значимого, обличительного» явно на стороне первых[290].

Картины направления критического реализма, жанр которых Меньшиков определяет «a’la Репин, Соколов и К°», характеризуются им как «больная черта в

[288] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 6. Л. 36 об. – 37.
[289] Меньшиков М. О. По портам Европы. 1878 – 1879. Очерки заграничного плавания на фрегате «Князь Пожарский». Ч. 1. Кронштадт, 1884. С. 64.
[290] Крижановский Н. И. Указ. соч. С. 21.

русской художественности». Меньшиков недоволен их манерой изображения, в частности, крестьянского быта. «Мы знаем, – пишет он, - что крестьянин не всегда бывает в соседстве с полуштофом, баба русская не всегда ревет и хнычет и что крестьянские дети не вечно ковыряют в носу»[291]. (Заметим, что здесь мы встречаем типичное для всей последующей публицистики Меньшикова утрирование отдельных деталей, хотя и правдивых по сути, до такой степени, что в целом картина получается искаженной, к примеру, в работах передвижников вряд ли можно найти достаточное количество полотен, на которых крестьяне были изображенны именно такими, как это описал Меньшиков.) Подобным, по его собственному определению, «перлам безобразия» начинающий критик противопоставляет работы либо исторического содержания, либо пейзажи.

Особое внимание Меньшиков уделил картине Семирадского «Светочи христианства» (более известной в настоящее время под названием «Факелы Нерона»), как имеющей «правильную фабулу и правильную кисть»[292]. Заметим, что уже в этом на первый взгляд эстетическом вопросе проявляется склонность Меньшикова к морализаторству, которая будет характерна для его статей уже в «Неделе».

Еще одна особенность публицистической манеры Меньшикова – превозносить одно за счет уничижительной критики другого, также проявившаяся уже в данных «Очерках», была отмечена Крижановским, обратившим внимание на «удивительное сочетание» в приведенных выше оценках Меньшикова «признания богатого духовного мира русского крестьянина и уничижительного отношения к отечественной школе живописи, которая в 1870–80-е годы. переживала очередной наплыв талантов мировой величины, среди которых были и названные Меньшиковым»[293].

В описании картины Семирадского присутствует и признаваемая самим Меньшиковым на страницах записных книжек неискренность в суждениях. Он благосклонно одобряет избранную Семирадским тематику для картины,

---

[291] Меньшиков М. О. По портам Европы. Указ. изд. С. 67.
[292] Там же. С. 65.
[293] Крижановский Н. И. Указ. соч. С. 22.

изображающей жертвенность первых христиан, утверждает, что она вселяет надежду на то, что «все-таки заговорит в человеке Христос»[294], и в то же время сам уже отнюдь не считал себя приверженцем христианской религии и не воспринимал Христа как Бога.

После плавания на фрегате «Князь Пожарский» и публикации серии очерков «По портам Европы» Меньшиков, подводя итог 1879 г., вновь пребывает в неуверенности, правильно ли он поступил, начав печататься: «Начал работать в печати… Хорошо ли я сделал, что начал работать в печати? Собственно говоря, дурно. Надо очень много учиться, развиться, обдумать, чтобы говорить правду. Другое же что-нибудь, кроме правды, нельзя говорить. Положим, я не могу упрекнуть себя, что я говорил неискренно (кроме пустяков, например…), и все-таки мне кажется, что то, что говорится мною, в сравнении с тем, что обыкновенно пишется, – не бесполезно. Теперь же писательство для меня – источник средств, необходимый для жизни»[295].

Эти размышления Меньшикова, с одной стороны, могут показывать, что он стремится быть честным не только с самим собой, но и с читателем и страшится того, что недостаток образованности помешает ему в этом. С другой стороны, как мы отмечали выше, Меньшиков мог лукавить и перед самим собой, говоря, что наврал только по пустякам. В этой связи обращает на себя внимание одна из немногочисленных характеристик личности Меньшикова, относящаяся к освещаемому нам периоду, принадлежащая лично знавшему его литератору, публицисту и критику П. П. Перцову: «Он был очень умен, а главное, обладал редким в литературной среде качеством – сильной волей, которая и проложила ему дорогу. В то же время он был малокультурен, и у него не было особого влечения к культуре. Искусство, например, он понимал очень плохо и в этом отношении был, в сущности, на уровне обывателя. Философия была ему известна тоже больше понаслышке. Но ум и бойкое перо помогали ему завуалировать все эти минусы, тем более что он никогда не писал для настоящих умственных

[294] Меньшиков М. О. По портам Европы. Указ. изд. С. 66.
[295] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 3. Л. 169.

«верхов» общества… Можно допустить, что временами (особенно в толстовский свой период) Меньшиков имел даже благие намерения, но все тонуло в конце концов в какой-то непреодолимой жажде денег, влияния и всего, что они дают. Чувствовалась в нем не то что прямая и грубая «продажность», в которой столько его обвиняли, а вот эта тонкая «порча души», которая делала из него лицемера в жизни и в литературе»[296].

Неуверенность в своих силах и своем таланте, которую Меньшиков как публицист испытывал довольно длительный период, помимо описанных нами выше субъективных причин, коренящихся в особенностях его характера (связанных с обстоятельствами его детства и юности), была вызвана и объективными причинами: с одной стороны, военной службой (на которой он, по сути, состоял с 14 лет) и, как следствие, неискушенностью в светской жизни, с другой – отсутствием университетского образования. Однако сам Меньшиков склонен был искать объяснения этому в своей изначальной природе. В частности, в апреле 1890 г. Меньшиков признавался сам себе: «Трусость меня губит – какая-то непонятная, прирожденная робость, стесняющая мне каждое движение, мешающая мне развернуться и взлететь с тою легкостью и изящностью, которая дает уверенность в своих силах. Эта трусость связывает мне язык и пудовыми гирями отягощает перо: владей я им свободно, я мог бы много и полезно работать и много зарабатывать. Это прирожденная, воспитанная целыми поколениями приниженных, забитых предков, дышавших в страхе и трепете пред начальством, пред бедностью своею, пред загадками природы»[297].

По возвращении из кругосветного плавания Меньшиков получил предложение о сотрудничестве с «Морской газетой» и «Молвой». По отзывам об этой работе мы можем судить, что Меньшиков берется за нее более по материальным соображениям, из-за стесненности в средствах, а не из внутренней потребности: «Вчера Рыкачев предложил заняться отчетами лекций, которые будут читаться в Морском клубе. Значит, увеличение дохода. Ладно. А делать

---

[296] Перцов П.П. Литературные воспоминания. 1890 – 1902 гг. М., 2002. С. 86.
[297] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 23. Л. 5.

ничего не делается: такая лень напала, что Бог знает… Вчера Дейтер снабдил материалами для «Морской газеты» и для «Молвы». В «Молву» советовал послать как можно скорее, сегодня же до 8 утра. Написал и, понятно, наврал там: корреспонденция ухнула… А «Морская газета» сама скоро ухнет, так что взятки, кажется, гладки. Хорошо было бы эти вот лекции заполучить: говорит, раза по 3 в неделю, значит, рублей на 40 в месяц. Тогда бы обжился»[298].

Более вдохновлял Меньшикова как в творческом, так и в материальном плане проект Дейтера о принятии на себя издания «Кронштадтского вестника»: «Говорил, что возьмем мы втроем: я, он и еще какой-то господин. Рыкачев долго не останется, Неделькович[299] тоже: их скоро в контр-адмиралы производят. А одному Дейтеру взять тяжело: как бы ни было, к каждому номеру пиши да пиши… А предприятие все-таки не безвыгодное. Рыкачев[300] за одно редакторство получает 1800 рублей. Субсидии от правительства, кажется, 3000 или 4000 рублей. Значит, на мою долю пришлось бы около 1000 –1500 рублей, а если прибавить сюда другие посторонние работы, то и до 2000 можно нагнать. Эта же сумма при таком труде для меня очень заманчива. Времени осталось бы много и учиться, и лениться»[301].

Вступив на публицистическое поприще, Меньшиков вновь и вновь ставил перед собой вопрос о нравственной ответственности перед читателем: «Вот о чем следует подумать: по нужде я берусь за труд печатный и имею возможность и даже обязанность высказывать вслух какие-нибудь взгляды. Нужно беречься, чтобы не выскочило чего-нибудь необдуманного, дурного. Честный человек везде должен быть честным».

Работая над фельетонами, Меньшиков мечтал о более серьезной литературе и надеялся найти время для того, чтобы попробовать себя в рассказе «для большого журнала»[302]. Таким образом, мы видим, что Меньшиков все же имел определенные амбиции и мечтал о более серьезных изданиях. И этим амбициям

---

[298] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 3. Л. 157.
[299] Неделькович Спиридон Ильич – помощник редактора газеты «Кронштадтский вестник».
[300] Рыкачев Николай Александрович (1832-1891) – контр-адмирал, основатель и первый редактор газеты «Кронштадтский Вестник».
[301] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 3. Л. 158 об. – 159.
[302] Там же. Л. 166.

во многом было суждено осуществиться. С 1884 г. Меньшиков начинает активно сотрудничать с «Неделей». «Пока моя работа у Гайдебурова[303], – пишет он в письме брату Володе, – идет успешно; судя по всему, – я ему понравился, т.е. он предполагает во мне некоторые задатки. Приглашет к себе по воскресеньям запросто, когда к нему собираются его литературные знакомые и сотрудники, дабы познакомиться с ними»[304].

Параллельно с "Неделей" Меньшиков продолжает сотрудничать в «Кронштадтском вестнике», совмещая публицистическую деятельность со службой. «Я живу, что называется, опрометью, – пишет он Володе, – «Неделя» и «Кронштадтский вестник» отнимают у меня лучшее время – и это чрезвычайно невыгодно. Вот теперь, например, суббота, а к понедельнику вечеру нужно написать три листа кругом мелко-мелко, да так, чтобы интересно вышло, не то хер поставят на всю страницу. Отославши рукопись в «Неделю», сейчас же принимаюсь за фельетон в «Кронштадтский вестник» – целый роман пишу в фельетоне: опять три листа, кругом мелко-мелко. Да еще корреспонденция просит в «Неделю», да еще, чувствуется, уместно попробовать свои силы на рассказе… А и почитать хочется, да и сходить кой-куда»[305].

Мысль о том, что он много берет работы из-за денег и это не дает ему полноценно развиваться, посещает Меньшикова постоянно. И он часто сетовал на себя из-за этого: «Я набрал переводов (а не было их – имел другую работу), я нанялся писать фельетоны в «Кронштадтский вестник», где мне приходится приспосабливаться к письменному уровню газеты, я забрал немецкий перевод История флота якобы «для практики» (в сущности, конечно, для денег) и т.д. Но ведь это безбожно»[306].

Не будучи уверенным в своих писательских силах, Меньшиков периодически строит планы по созданию различных изданий. Так, в конце 1870-х гг. он пишет о полезности составления и издания сельскохозяйственной

---

[303] Гайдебуров Павел Александрович (1841 – 1893) – издатель и редактор еженедельного журнала «Неделя»
[304] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 78. Л. 4.
[305] Там же. Л. 3.
[306] Там же. Д. 20. Л. 57 об.

энциклопедии[307]. Планировал полезность издания журнала, посвященного истории и географии России: «Этот журнал, думаю, принес бы громадную пользу для отечествоведения, которое у нас хромает более всего»[308].

В год выпуска из училища Меньшиков составляет проект книги под названием «Социальная медицина», основанный на социологических представлениях Спенсера и Михайловского об обществе как организме.

Еще Меньшиков планировал составить хрестоматию. «Читая предсмертные разговоры о. Зосимы (бр. Карамазовы), – отмечал Меньшиков, – его отзыв о пьянстве (народ загноился в пьянстве), явилась мысль: Не извлечь ли из великих русских писателей отзывов и мнений по главнейшим вопросам народной жизни? Все читали Тургенева, Достоевского, Толстого, Гоголя и пр., но не все же помнят их мнения, брошенные иногда вскользь, по поводу вопросов в плане романа посторонних? Ручаюсь, что ни одного такого читателя не наберется». Начинающий публицист исходил из мнения, что «важно и полезно во многих случаях знать: какого мнения были великие русские люди о тех или других сторонах жизни», так как «общество, несомненно, учится по литературе». И ему казалось, что, выбрав все важные нравоучительные места из произведений выдающихся русских писателей и собрав их в отдельное издание, доступное по цене, можно было бы «ускорить процесс» этого общественного обучения. В данном случае Меньшиков исходил из мнения, что «жизнь народная направляется двумя факторами: мнением правящих классов и мнением интеллигенции», наивно полагая, что последнее «ограничивает первое невольно».

Меньшиков даже составил план действий по реализации данного проекта, считая его не только полезным «для собственного образования и для общества», но и экономически выгодным: «Книга – если не спекулировать – непременно разойдется»[309].

План Меньшикова был таков:

---

[307] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 2. Л. 16, 16 об., 121.
[308] Там же. Л. 50 об.
[309] Там же. Д. 20. Л. 42 об. – 43.

«1) перечитать внимательно (некоторое достаточно просмотреть) Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Крылова, Тургенева, Достоевского, Толстого, Щедрина, Писемского, Островского, Успенского, Гончарова;

2) выписать признанное по вопросам: a) значение религии для народа, б) вопрос о сословиях, c) вопрос о наделении земли, d) о пьянстве, e) о народном образовании, f) о влиянии городов, g) что нужно народу непосредственно и пр;

3) к работе можно пригласить сотрудников. Книгу озаглавить: «Голос великих писателей о русской жизни», или «Русская жизнь по отзывам великих писателей», или «Суд великих писателей над русскою жизнью», что-нибудь в этом роде»[310].

Уже активно сотрудничая в «Неделе», Меньшиков продолжает делать в дневниках записи о литературных планах. Так, в записных книжках за 1889 г. находим: «Мысль написать рассказик на следующую тему: солидный и благополучный человек, столоначальник рассказывает про своего приятеля и писца, отставного чиновника и пьяницу, проповедовавшего презатейливую теорию. По его мнению, видите мир не таков, каков он кажется, а совершенно наоборот. Мы думаем, что мы живы, что высочайшая степень жизни познается человеком, что наше сознание – наивысшее в природе, если не единственное. Слабые степени сознания допускаются лишь в мире животных. Но это, видите ли, неверно по его: мы не живы полною жизнью: истинная жизнь – вне нас, вид органической природы. Истиною жизнью обладает вполне свободная материя, а человек представляет связанную систему атомов, т.е. такую, где индивидуальность нейтрализуется»[311].

25 октября 1891 г. Меньшиков впервые увидел свое имя под «журнальной, серьезной, критической статьей», опубликованной в «Неделе». «"Благослови душе моя, Господи" за это! – восклицает Меньшиков в дневнике. – Гениям благодарность и привет. Ставлю моему Богу свечу в пять рублей: покупаю Шопенгауэра и Тэна»[312].

---

[310] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 20. Л. 42 об. – 43.
[311] Там же. Л. 52.
[312] Там же. Д.23. Л. 17 об.

И все же Меньшиков продолжает сомневаться в своем таланте, с вниманием относится к мнениям других о его статьях. «Статью "О литературе и писателях" подогнал, как всегда к концу, торопился, отчаивался, болел инфлюэнцей и, однако, все-таки не только кончил, но, по отзыву Гайдебурова, она вышла очень, очень интересною, отдельные места особенно хороши, и вообще она может иметь значение для читателей этакое благотворное… Слава тебе!» Отмечая свой первый успех, упоминая заказы редактора и издателя газеты «Неделя» Павла Александровича Гайдебурова на следующие статьи, Меньшиков сам себе задает вопрос: «Отчего не откочевать в толстые журналы?» [313]. И через год Меньшиков решится выйти в отставку.

Первой заметной публикацией Меньшикова стала статья «О литературе и писателях», опубликованная в ноябрьском номере литературно-критического приложения к газете «Неделя» – «Книжки недели» за 1891 г. Меньшиков старательно записывает отзывы читателей: «Утром комплименты Белова. Письмо от Славинского (сослуживец. – прим. авт.)… В редакции письмо с изъявлением сочувствия от Гудзенко (читателя "О литературе и писателях": произвела сильное впечатление, до поразительности верный взгляд и пр.). Вчера писал письма Скабичевскому[314], И. И. Горбунову[315], Гудзенко»[316].

Окрыленный успехом, Меньшиков пишет: «Итак, я теперь литератор professio, осуществился, вырос в действительности еще один «воздушный замок», о котором я мечтал как о невозможном. Я принял на себя великое пострижение, своего рода схиму «чин ангельский» – я уже не отрицательная, а положительная величина в обществе, я член великой армии небесных духов света, борющихся с духами тьмы»[317]. Но начинающий публицист решает не останавливаться на достигнутом и ставит себе новую задачу: «Мечта, воздушный замок, добиться имени – известности, если не славы, потому что безымянный деятель – трагический персонаж, и ничего благородного я не вижу в безвестности.

[313] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д.23. Л. 17 об.
[314] Скабичевский Александр Михайлович (1838 – 1911) – литературный критик, либерально – народнического направления.
[315] Горбунов Иван Иванович (1864 – 1940) – один из ближайших сподвижников Льва Толстого.
[316] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 23. Л. 24 об.
[317] Там же. Л. 35 об.

Выскакивать вперед без достаточных заслуг было бы подло, но выходить вперед, когда чувствуешь в себе силы вести за собою толпу, – это право всякого полнодуховного человека. Мне необходимо завести себе имя, фиксировать внимание только на Слове, которое я понесу. Новое слово? Нет, быть может, я сам не знаю»[318].

Меньшиков определяет для себя круг новых необходимых знакомств: «отыскать Павла Светлова. Поближе стать к Рубашкиным и Каменской[319]. Сблизиться с Хирьяковым[320]»[321].

Особо окрыляет Меньшикова похвала Лескова в июне 1892 г. в письме к Гайдебурову, в котором тот отмечает его «превосходно настроенный ум и сердце». Меньшиков констатирует: «Итак, я мало-помалу, видимо, становлюсь известным после долгих лет анонимной, хотя и хорошей по совести работы, после мелкой известности в Кронштадте… стоило мне назвать себя даже в захолустных приложениях «Недели», и многие заметили, многие в восторг пришли». Меньшиков продолжает с жадностью собирать положительные отзывы о своих статьях, перечисляя на страницах дневника похвалы от «Ге[322] (восторг), Щеглова[323] (восторг), Скобичевского (восторг), Сиповского[324], Величко[325], Потапенко[326], Лескова, Страхова[327], Суворина[328], Яковлевой[329], Поссе[330], Раппопорта, Абрамыча, Накрохина[331], Гайдебурова, «Саратовского листка», «Южанина», «Одесского листка» и еще каких-то». На полях дополнительная пометка от декабря того же года с перечислением фамилий Чехова,

---

[318] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 23. Л. 35 об.
[319] Каменская Мария Федоровна (урожденная Толстая) (1817 – 1898) – русская писательница.
[320] Хирьяков Александр Модестович (1863 – 1940) – публицист, последователь учения Л.Н. Толстого.
[321] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 23. Л. 38.
[322] Ге Николай Николаевич (1831 – 1894) – художник, разделявший взгляды Л.Н. Толстого.
[323] Щеглов Владимир Георгиевич (1854 – 1927) – юрист и публицист.
[324] Сиповский Василий Васильевич (1872 – 1930) – русский филолог.
[325] Величко Василий Львович (1860 – 1904) – публицист и общественный деятель националистического направления.
[326] Потапенко Игнатий Николаевич (1856 – 1929) – прозаик и драматург, один из самых популярных писателей 90-х годов XIX века.
[327] Страхов Николай Николаевич (1828 – 1896) – русский философ, публицист, литературный критик, первый биограф Ф.М Достоевского.
[328] Алексей Сергеевич Суворин (1834 – 1912) – редактор и издатель «Нового времени».
[329] Яковлева Юлия Ивановна (1859 – 1910) – русская писательница и публицистка.
[330] Поссе Владимир Александрович (1864 – 1940) – журналист, публиковавшийся в «Неделе».
[331] Накрохин Прокофий Егорович (1850 – 1903) – беллетрист, публиковавшийся в «Неделе».

Жемчужникова[332], Яковлева, Полонского[333], Ашкенази[334], Круглова[335], Л. Тихомирова[336].

Уже в это время Меньшиков задается целью печататься в «Новом времени» как в «лучшей все-таки еженедельной газете» или большом журнале типа «Вестника Европы». Он еще до конца не определился в стилистике своей дальнейшей работы: «тянет на беллетристические опыты, и на серьезную публицистическую работу, и на научную отчасти (историческую)» [337].

Литературные успехи обеспечивали Меньшикову материальную стабильность, и он уже сомневается, надо ли больше времени посвящать публицистической работе или жить «сибаритом в духовном смысле», «весь досуг посвятить только счастью, только наслаждению»[338]. Уже в октябре 1892 г. он признается сам себе: «Чувствую отвращение к работе эти дни, и не тянет, как иногда, заработать лишних десятка два рублей, хотя материала бездна, нет настроения, скучно… Я окружен хаосом, и он меня душит… Скучная это вещь – работа». Одну из причин нерабочего настроения Меньшиков усматривал в отсутствии в его жизни порядка и организации: «У меня ничего не разобрано, нет ни малейшего порядка ни в книгах, ни в бумагах, ни в вещах, ни в мыслях. Мне необходимо хоть сколько-нибудь организоваться»[339]. Таким образом, мы вновь видим, что Меньшиков ощущает недостаток гуманитарного образования. Безусловно, и неустроенность в личной жизни также накладывала свой отпечаток на настроения публициста.

Подводя итог первому году своей публицистической деятельности в годовщину первой авторской публикации в «Неделе», Меньшиков отмечал: «Сегодня годовщина моего литературного имени – того момента, когда я увидел свое имя под первой «большою статьей». Благодарю этот истекший год, он был для меня знаменателен и счастлив. Я могу сказать, что дебютировал в литературе

---

[332] Жемчужников Алексей Михайлович (1821 – 1908) – русский поэт.
[333] Полонский Яков Петрович (1819 – 1898) – русский поэт и прозаик.
[334] Ашкенази Владимир Александрович (1873 – 1941) – русский писатель-фельетонист, театральный критик.
[335] Круглов Александр Васильевич (1852 – 1915) – известный писатель конца XIX века.
[336] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 23. Л. 36.
[337] Там же. Л. 37 об.
[338] Там же.
[339] Там же. Л. 38.

с успехом – даже выше среднего. "Удивительно, как Вы вдруг пышно расцвели, дорогой Михаэль", - пишет мне Щеглов. И в самом деле: чуть не каждый день благодарственные и комплиментные письма от читателей. Необыкновенно лестные замечания Лескова, Жемчужникова, Велички, Чехова и др. письма»[340].

Таким образом, во многом вопреки различным субъективным и объективным обстоятельствам Меньшиков пришел в большую публицистику, преодолевая свою неуверенность и недостаток систематических знаний. Признание многих известных литераторов и критиков свидетельствовало о наличии у Меньшикова публицистического таланта, в котором он сам долго сомневался.

[340] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 23. Л. 38.

Глава 2. Формирование мировоззрения М. О. Меньшикова

2.1 Рефлексия и «программа жизни» М. О. Меньшикова

Разные исторические личности вели дневники с разными целями. Как правило, дневники, которые начинают вести в зрелом возрасте, по достижении определенного социально-общественного статуса, явно ведут уже не для себя, а для потомков, желая составить и передать им заранее сформированный определенный образ. Однако в юном возрасте дневник начинают вести не для потомков, а именно для себя. Чаще всего это происходит, когда рядом не оказывается родственной души, способной стать внимательным собеседником и добрым другом. Именно в таком положении оказался в свое время оторванный от семьи и не нашедший себя в кругу школьных товарищей Михаил Меньшиков. Дневниковые записи он вел с 13-летнего возраста. Именно дневник он считал своим лучшим собеседником и другом. «И все-таки чувствую потребность возвратиться к самому себе, к дневникам, где я говорю с единственным понимающим меня человеком – самим собою… это будет, пожалуй, лучшее общество, которое я могу себе составить»[341], – признается в одной из своих многочисленных записных книжек почти 30-летний Меньшиков.

В историографии сохранилось множество нелестных отзывов о Меньшикове, причем больше как о человеке, нежели как о публицисте. Но одним из самых придирчивых и самых беспристрастных критиков Меньшикова оказался он сам на страницах своих дневников, где постоянно подвергал нелицеприятному анализу свои как внешние, так и внутренние качества.

Много внимания юный Меньшиков уделял своей наследственности и физиологии, полагая, что они оказывают заметное влияние на нравственное развитие человека. К примеру, в 1878 году он на страницах своего дневника рассуждает о чертах своего характера, которые достались ему от матери и отца. «Порода обоих родителей, действительно, отразилась на мне весьма заметно. Соображение, способность речи, веселость, уменье подделаться под всякий тон общества, неуживчивость и некоторый юмор, впечатлительность и ядовитость,

[341] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 20. Л. 25.

когда нужно, гордость и неустойчивость, простодушие, щедрость, наклонность к чувственности и прочие мелкие детали – все это взято от отца. Честность и отвращение ко злу, мечтательность и твердость характера, способность делать добро для добра, способность любить бескорыстно, скрытность и гордость – это заимствованно от матери». Здесь же Меньшиков уже находит в себе и «тяжкие пороки», которые были уже «навеяны воспитанием» и изменили его «образ» [342].

Меньшиков очень опасался, что ему передалась дурная наследственность его родни, в частности лень. Он начинает заниматься самоанализом. «Скоро ль же я приду к какой-нибудь цели? – пишет он в дневнике в 17 лет. – Все без цели, – ведь наскучит, наконец. Если уж это в крови, так – шататься весь век, подобно отцу? Я болен, и ужасно болен нравственно. Не знаю, где найти место»[343].

Накануне своего 19-летия Меньшиков не изменил своего критического взгляда на собственный характер, полагая, что ему не удалось ничего сделать самовоспитанием: «Характер. Что сказать про это? Я ли не печаловался, я ли не бранил себя за отсутствие воли и жизненной руководящей силы, за свою бесхарактерную, беспринципную немощь? Меня ли не заедают пороки, от которых я не могу отделаться и которые прямо зависят от сильной воли? Все, что я думаю, – все не осуществимо, так как у меня не хватит энергии и на тысячную долю моих умственных предначертаний»[344].

Меньшиков ощущает себя на перепутье, осознавая, что ответственность за его будущую жизнь лежит полностью только на нем самом: «Ты царь своего положения, – пишет он. – У тебя есть свои обязанности и права в отношении себя, есть своя маленькая история – радостная или позорная, своя ответственность перед потомством. Посмотрим, как ты устроишься. Вероятно, дурно устроишься, как обыкновенно дурно цари отыгрывают свою роль. Итак, твое царство на земле в сознании: что добро, что зло»[345].

В конце 1887 г. на страницах одной из записных книжек Меньшикова вновь появляется нелицеприятный разбор его внутренних качеств: «Я нахожусь от

[342] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 5. Л. 7.
[343] Там же. Д. 1. Л. 84.
[344] Там же. Д. 3. Л. 99.
[345] Там же. Д. 20. Л. 32 об. – 33.

рождения под весьма дурными внушениями. Как загипнотизированный, я поступаю дурно вопреки воле, вопреки ясному сознанию, что это дурно. Мне следовало бы полечить себя гипнотизмом». Таким образом, мы видим, что основной проблемой Меньшикова было отсутствие достаточной воли для отказа от действий, несовместимых с его же собственными моральными убеждениями. Но именно в недостатке воли он, видимо, или боялся, или не желал сам себе признаваться. Он досадовал, что не может получить какой-либо внешней помощи. Когда в похожей ситуации оказался Аврелий Августин, он обратился за помощью к Богу и, по преданию получил, знамение, которое помогло ему преодолеть свои порочные влечения. Однако Меньшиков склонен больше надеяться на помощь науки, нежели веры или Церкви. «Мне следовало бы прийти к умному врачу, – рассуждает он, – и сказать: вот, доктор, мои болезни: я болезненно неуступчив, раздражителен и жесток, моя нравственность бледна, бездеятельна, моя совесть потеряла чувствительность, стыд тоже теряет надо мной власть. Я циничен. Я признаю и люблю добродетель, но и пороки меня недостаточно возмущают. Я могу жестоко оскорбить человека и не чувствовать особого угрызения. Я и теперь пришел к Вам с исповедью не ради облегчения души, а из практической необходимости: мой дурной характер не только людям, но и мне самому надоел, да не только надоел, а просто разорил меня: я не могу приобрести ни друзей, ни выгодных знакомых, я не нахожу ни труда, ни сотрудничества между людьми, я сижу в одиночестве и боюсь завести даже семью: небольшой опыт убедил меня, что я отравляю и себе, и семье моей существование своим характером. Доктор! Лечите меня! Болезнь прежде всего роскошь, которую я не могу себе позволить: она мне не по средствам. Вот тип исповеди будущего времени. Вместо того, чтобы ходить к попам, еще более грешным, чем сами кающиеся, следует ходить лечиться»[346]. Последнее замечание помимо прочего показывает, что Меньшиков совершенно не осознавал необходимости раскаяния, т.е. сожаления о своих неприглядных поступках, для того, чтобы в дальнейшем находить в себе силы их не совершать. Вместо раскаяния на страницах дневника мы все время находим

[346] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 20. Л. 33 – 33 об.

попытки оправдать себя различными обстоятельствами, и чаще всего, подобно королю из пьесы Е. Шварца, он оправдывает себя дурной наследственностью. При таком подходе не удивительно, что никакого нравственного роста, по признаниям самого же Меньшикова, в нем не происходит.

На страницах ранних записных книжек Меньшикова 1878 г. много встречается размышлений о смерти, главным образом в поэтической форме:

О человек, как жалок ты с своей печалью,
Ничтожен в радости, смешон с своей борьбой.
Взгляни вокруг: стоят за синей далью
Цепь гор, касаясь небес главой.
Века стоят недвижимо, могуче,
Смеясь над временем, усилиями бурь,
Ничто не страшно им. Бесследно мчатся тучи
По их челу, смотрящему в лазурь.
А ты умрешь, сын праха и страданья,
Исчезнешь без следа, как утром пар ночной,
Отвержен без любви, без слова состраданья,
И все покроется могильною плитой…[347]

Плохо живется

Прощайте, друзья!.. мое сердце разбито,
И дух изнеможен, и сил уже нет,
Как черная пропасть, пред мною открыта
Жестокая жизнь и безжалостный свет…
Мне душно, мне больно… погибший, несчастный,
Один я меж всеми с страданьем своим…
С насмешкой любуется мир безучастный
И холодно-злобно стоит недвижим.
Затягивай петлю!.. Смотри, как потемнело,

[347] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 1. Л. 34.

Он корчится в пытках с предсмертной тоской…
Ей-богу, чудак, никогда так успешно
Не делал он сделки с своею судьбой…[348]

Связано это те только со спецификой возраста, но и с серьезными проблемами со здоровьем. Как мы уже отмечали, Меньшиков страдал дистрофией. К тому же у него были слабые легкие, и он часто болел. В 18 лет он записал в дневнике: «Здоровье. Если чахотка, золотуха, половое расстройство, притупленность чувств, бессилие членов, апатия – если все это здоровье, то я здоров. Я здоров… Боже! Неотступный призрак могилы беспокоит меня давно, а мне всего еще 18 лет – цветущая пора жизни»[349]. В другом месте встречаем схожие невеселые мысли: «Я должен же наконец подумать и решиться, как мне быть с собою. Впрочем… стоит ли? Кашель и боль в спине, затем чахотка… Смерть… Я теперь спать хочу, и смерть мне кажется вполне нормальною. Я желал бы умереть во сне»[350].

Еще в первой главе мы отмечали, что Меньшиков был не очень доволен своим происхождением, которое не давало ему возможности для быстрого социального роста и самореализации. Хотя военная служба и открывала перед ним некоторые перспективы, но перспективы эти также не удовлетворяли его притязаний и его стремлений к жизни в иной социальной среде и культурному развитию: «Больной и усталый, ты не будешь знать отдыха и покоя, ты будешь работать и работать, беспрестанно, мучительно долго работать…, – размышляет он сам с собой. – И день и ночь на ногах, и день и ночь под дождем и ветром, не зная сна и отдыха, ты будешь делать свое маленькое дело, ты скромно во славу других будешь подставлять свою никому не нужную фигуру под упор английской картечи, ты будешь всегда в черном теле, твои заслуги – не заслуги, твои подвиги, твое дело – маленькое…дело…Тебя не видят, тебе не посочувствуют, не заметят, не признают…Тебя осмеют и придавят – ты черт… Твоим трудом и самоотвержением будут подниматься твои враги, и тебе же в лицо они бросят

[348] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 2. Л. 47
[349] Там же. Д. 3. Л. 99.
[350] Там же. Л. 87.

наглую усмешку, презрение и свою гнусную волю… Проклятая служба! Неужели мир слишком тесен, неужели в мире не осталось более лучшего уголка для меня?.. Боже мой, оглянемся вокруг – где я? Что это такое? Мелочность, уродливость, дикость… и все натурально!! Все как будто так и надо! Все чувствуют себя в своей тарелке!! Фу, как мерзко? Фу, как глупо!»[351]

Видимо, в душе Меньшиков все же мечтал достичь успехов и добиться признания. Записывая в тетради стихи любимого им Лермонтова, он следом выписывает имена Михаилов, оставивших значительный след в истории, – Лермонтов, Микеланджело, Черняев, Скобелев[352].

В 19 лет Меньшиков пришел к выводу, повторяющему знаменитое высказывание Руссо: «Человек! Не ищи иного виновника зла, этот виновник ты сам». Хотя он по-прежнему ищет причины своих недостатков и своих бед во- вне, но теперь он признает и собственную вину. «Недавно я дошел до той мысли, что никто мне не сделал столько вреда, сколько я сам, тесно рассуждая, – признавался он сам себе. – Конечно, можно сказать, что я делал вред себе единственно потому, что окружающие меня люди воспитали меня именно во вредном для меня отношении. Но в таком случае можно сказать, что и общество воспитывало меня так потому, что само общество воспитывалось в таком направлении, которое определило и мое воспитание. Итак, виновного нет в строгом смысле. Но, попросту говоря, в обыденном смысле виновно и общество, виновен и я. И так как я больше всех себе вреда принес, то я больше всех и виновен в отношении себя» [353]. Здесь же Меньшиков пишет о своем одиночестве: «Теперь я уж окончательно убедился, что я совершенно одинок в Божьем мире и что я всеми предоставлен самому себе… Скверная вещь! Оставить себя во власти того человека, который делает тебе больше всего вреда!.. Предоставить человека самому себе, т. е. злейшему врагу его… Для слабого человека – это погибель, для сильного – источник страданий»[354]. Однако не ясно, к слабым или сильным причисляет себя сам Меньшиков. В другом месте будущий публицист вновь сетует на недостатки

[351] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 3. Л. 59 – 59 об.
[352] Там же. Д. 2. Л. 12 об.
[353] Там же. Д. 3. Л. 86 об. – 87.
[354] Там же. Л. 87.

своего воспитания: «Обстоятельства моей жизни, обстановка, окружающие люди – все, все давало лишь печать обыденности, предрассудков, грязи и порочности. Были и хорошие стороны, но не давали они пищи ни уму, ни сердцу. Разве это счастье?»[355]. Однако в письме к своему брату Лёне он замечает: «Я привык иметь дела с честными людьми; уважая других, я привык, чтобы и меня уважали»[356].

Находясь в очень стесненных материальных условиях, Меньшиков очень много внимания уделял размышлениям над возможными путями построения собственного будущего, убеждая себя, что он должен пользоваться для этого всеми возможными средствами: «Голодание не обеспечило мне достатка – я сам должен себе его обеспечить. Не главное ли во мне факт жизни? Не должен ли я стараться пособлять природе в развитии своего организма!»[357].

Девятнадцатилетний Меньшиков приходит к мысли, что при составлении своей «программы жизни» следует опираться не на имеющиеся налицо «факторы – способности, влечения и желания», а нужно представлять «ту законченную форму жизни, к которой желал бы прийти, тот период жизни, который бы желал иметь перед смертью. Тогда только борьба за счастье будет иметь за себя прочные шансы – то определенное и выдержанное направление, которое обеспечивает успех»[358]. И он действительно приступает к построению такой программы и в первую очередь ставит перед собой задачу добиться более высокого социального положения, нежели ему предписано обстоятельствами: «Пора же, наконец, мне вдуматься в свои действия и в вероятность возможного будущего. Я думаю, я был бы счастлив, если бы я поборол трудности, которые давят меня в своих объятиях уже с пеленок. Мне надо состояние, деньги, потому что в деньгах сила и расчет, без которого ничего не сделаешь и с самыми благими пожеланиями». Затем Меньшиков поправляется, замечая, что это не столько желание богатства, сколько нежелание жить в бедности. «Хочу быть независимым, – пишет он, – и настолько состоятельным, чтобы удовлетворить законные требования своей природы». Далее Меньшиков в духе социологии позитивизма убеждает себя, что его труд на

[355] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 3. Л. 98 об.
[356] Там же. Д. 2. Л. 47.
[357] Там же. Д. 3. Л. 125 об.
[358] Там же. Д. 5. Л. 87.

собственное благо и на достижение успеха одновременно будет способствовать и благу всего общества. «Логично ли будет не добиваться независимости, спокойствия и свободы, если вокруг вас большинство зависимо, удручено заботами и тяжестью постороннего вмешательства? – задается он вопросом и сам же на него отвечает: – По-моему, крайне нелогично, потому что в таком случае это сделалось бы общим законом и главенству грозила бы вечная всеобщая нищета, так как моментальное поднятие человечества на высокую степень достатка, конечно, немыслимо. Значит, вполне естественно каждому человеку добиваться своего личного блага позволительными путями, так как такое старание полезно не только ему, личности, но и целому обществу, следовательно, человечеству, двигая своим частичным усилием общий прогресс» [359]. Совершенно очевидно, что данные рассуждения сложились у Меньшикова под воздействием учения Спенсера, которого он самостоятельно изучал, и призваны были примирить его амбиции с моральными принципами. Заметим, что Меньшиков неоднократно в дневниках будет пытаться найти пути такого служения обществу, которые в то же время приносили бы пользу и внутреннее удовлетворение ему самому.

Вступая как бы в диалог с общественной совестью, Меньшиков далее рассуждал: «Мне скажут: вы можете трудиться и добиваться средств, только должны употреблять все эти средства на жертву общему благу большинства, т.е. на уменьшение общего великого зла. Это, на мой взгляд, тоже нелогично, хотя и высоко благородно. Если я буду трудиться исключительно для бедных, то я сам буду нищим, так как нищих бесконечно много. Если же я буду нищим, то и средства мои делать добро упадут до минимума, – я буду бессилен, бесполезен и даже вреден, так как сам потребую помощи у общества». Очевидно, что к таким рассуждениям Меньшикова подвигла жизнь в постоянной нужде, и, заботясь о собственном выживании, он уже не в состоянии был принять на себя ношу заботы об абстрактном благе человечества. Хотя стезя эта была для него, видимо, по-юношески заманчива, поэтому он и стремился всячески доказать самому себе, что

[359] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 5. Л. 37 – 39 об.

путь самопожертвования не для него. Основным аргументом для этого помимо тяжелого материального и социального положения Меньшиков выдвигал отсутствие у него сколько-нибудь выдающихся способностей: «Наконец, я уверен, что мне, как человеку обыкновенному, невозможно всеми своими природными данными принести заметную общую пользу, так как, мне кажется, только люди великие могут заимствовать у природы или судьбы столько блага, что могут поделиться и с другими, с обществом, человечеством. Обыкновенный же человек одарен такими скромными средствами, что их хватит только на его особу или на его близких, на семейство, например, и чем человек изощреннее, тем больший объем захватывают результаты его деятельности». Помещая себя в число заурядных людей, Меньшиков полагал, что, «как человек обыкновенный», он может «бороться только за одного или немногих человек». И тем самым он убеждал себя в моральном праве заботиться в первую очередь о своем личном благе и благе своей семьи: «Спрашивается, ради чего же я буду бороться и доставать средства другому, постороннему человеку, игнорируя себя, или доставать средства посторонней кучке людей, игнорируя своё семейство? Даже и для беспристрастного взгляда: чем одна кучка людей лучше другой и могут ли быть исключительны права которой-нибудь, если они одинаково бедны и немощны? Гораздо же проще и справедливее мне печься о себе, чем о другом, о своем семействе, чем о другом, так как эти вещи ближе ко мне и поставлены в наилучшие условия для моего труда». В поддержку своих рассуждений Меньшиков обращается и к «голосу инстинкта», который, по его мнению, есть «лучший, разумнейший и справедливейший наш советник, если он не извращен сначала в болезненных и уродливых условиях жизни». А голос инстинкта, по мнению Меньшикова, «говорит ясно, что чем больше у человека средств к жизни, тем лучше, счастливее, здоровее пройдет его жизнь. Голос инстинкта прежде всего обязывает человека заботиться о самом себе и потом уже о других, так как это вместе с тем полезно и себе. Семья тоже вышла из инстинктивных чувств и потому имеет полное право на исключительное внимание отца этой семьи. Это оправдывается и естественным чувством, которое есть и результат развития, и

органическая склонность, так как встречается у крайне ограниченных людей и даже животных, – это оправдывается также и более выгодною почвою семьи для приложения труда человека, так как он более знаком с условиями своей семьи, нежели с условиями другой».

Затем Меньшиков сам же выдвигал против себя возражение в духе социалистических идей: «Мне скажут: как бы ваша семья и вы сами ни были бедны, всегда найдется такая семья или человек, которые беднее вас. Поэтому беспристрастная справедливость требует, чтобы ваши усилия были принесены в жертву наименее имущему». И вновь сам себе отвечал: «Работая на беднейшую семью, я привожу в упадок свою собственную, которая опирается на мой труд, и, таким образом, благом одной приобретаю нищету другой. Разве это справедливо и логично? Конечно, нет. Не говоря уже о том, что гораздо легче поддерживать уже готовое, чем создавать новое, т. е. гораздо легче поддерживать уже существующее благо своей семьи, чем создавать несуществующее благо другой. Мне укажут тысячи богачей, которые могли бы без вреда своим законным нуждам жертвовать регулярную часть дохода на беднейших. Я с этим совершенно согласен и сам того же требую от богачей. Я не защитник беспощадного эгоизма: я защитник только полезности, частной и общей…».

Таким образом Меньшиков убеждал сам себя в необходимости «упрочить свои будущие средства и доходы», надеясь, что искренняя убежденность придаст ему воли и решимости к осуществлению намеченного. Далее Меньшиков пускался в расчеты, каким образом он может достичь поставленной цели. Как вариант Меньшиков некоторое время рассматривал возможность вести свое собственное хозяйство: «Что я имею и на что могу рассчитывать? Те двадцать десятин совершенно не возделанной земли, которые достались мне от матери, конечно, не могут служить прочным багажом моего труда. Я думаю, эти двадцать десятин не дадут мне достаточно средств, чтобы прокормить себя и свою семью, если бы такая появилась. Да и притом необходимо помнить, что для поселения на этой пустоши и на первое обзаведение потребуются весьма солидные средства (для меня, по крайней мере). Тысяча рублей нужна как минимум». Меньшиков

понимал, что таких денег в ближайшее время взять ему негде: «На службе можно приобрести такую сумму после долгих и утомительных лет, да и то сомнительно при наших дружных с Володей и папашей усилиях истощать мои карманы. Если бы я вздумал по сотне в год откладывать, то и тогда бы потребовалось 10 лет. Да ведь и это невозможно при 50-рублевом жалованье. Значит, служба не даст мне в короткий срок даже тысячи рублей». Таким образом, Меньшиков приходил к необходимости поиска дополнительных доходов, которые можно было бы при этом совмещать с основной службой: «Я могу давать небольшие уроки рублей на 10 – 15 в месяц, я могу, если захочу, что-нибудь переводить легенькое. Но все это, конечно, ничего не значит». Как вариант Меньшиков рассматривал попытку поступить в торговый флот: «Штурманских офицеров берут даже командирами и дают от 2000 до 6000 р. в год, а ведь это очень порядочно при моих средствах. Но для того, чтобы попасть на торговый флот, я должен иметь протекцию или, по крайней мере, репутацию отличного морского офицера. Из училища я вышел порядочно, значит, штурманским офицером быть могу. Если я побуду в Академии, сделаю несколько заграничных компаний – тогда меня, очень вероятно, возьмут. Поплавав года 3 – 5 в торговом флоте, я могу отправиться на Лубяницу или прикупить другое именьице и поселиться там. На все это потребуется по меньшей мере лет десять упорного труда, причем этот труд будет не любимый труд».

Меньшиков рассматривал и другие «шансы не умереть с голоду». В качестве вариантов будущей деятельности он рассматривал работу «сухопутным землемером» или на службу в железнодорожном ведомстве, однако туда тоже, по его мнению, необходима была протекция, которой у него не было. Как один из вариантов Меньшиков рассматривал даже работу сельского или уездного учителя. Резюмируя все свои размышления о возможном обустройстве своего будущего, Меньшиков заключал: «Итак, мне нужно начать трудиться. Готовиться к Академии, подучивать языки и естественные науки. Все это будет поставлено на чеку, когда мы заживем с Володей в Кронштадте. Авось и сбудется желаемое»[360].

[360] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 5. Л. 37 – 39 об.

Как мы отмечали в первой главе, планы поступить в Академию Меньшиков так и не осуществил, не решившись сдавать экзамены по причине слабой подготовки.

Мы привели здесь довольно обширные цитаты, так как они в значительной степени отражают те мотивы и движущие силы, которые привели Меньшикова на публицистическое поприще и заставили неоднократно менять свои публичные взгляды: отсутствие какой бы то ни было материальной поддержки, необходимость содержать отца и братьев, а затем свою семью, боязнь вернуться к той нужде, в которой прошли его детство и юность. И конечно же, не следует забывать о хронической неуверенности Меньшикова в себе, нивелировать которую, как он надеялся, могли бы стабильный приличный доход и заметное положение в обществе.

Об этой неуверенности Меньшиков сам написал в августе 1878 года, продолжая рассуждать на страницах своего дневника о будущей жизни и строить ее своеобразную программу: «Если всматриваться беспристрастно в мое ближайшее будущее, то наряду со светлыми надеждами и утешительным сознанием, что еще не все потеряно, у меня является горькое предчувствие борьбы, жестокой и, может быть, тщетной борьбы. Меня опять охватит непроницаемый застой, и пошлость и предрассудки. Но теперь уже не та мелкая, мальчишеская испорченность, не то скудоумие и неразвитие, которые еще здесь простительны, нет. Теперь меня охватит самая соль консерватизма, самая бесчувственная, упорная, косная… Опять будет душно, опять хроническая отрава и судорожные порывы к свету, свежему воздуху, простору…Эх, устою ли? Найдется ли хоть кто-нибудь, кто бы поддержал? А на свои силы я плохо надеюсь». Как видим, Меньшиков косвенно признает отсутствие в себе должного волевого начала, некоего стержня, который позволил бы ему сохранить себя независимой и принципиальной личностью в любых условиях. Он признавался сам себе, что «уже не раз падал, и низко падал, и, может быть, будет время, когда я упаду и не поднимусь…Может быть, будет время, когда я сделаюсь самым пошлым, самым пустопорожним, самым бездельным из всех господ, которых я теперь справедливо презираю… Бывают такие несчастия, и тем более горько, что

они чувствуются искренно и сознаются как поворот к лучшему…». Меньшиков искренне желал создать «прочную стену настоящим своим убеждениям», но при этом не знал, как подойти к этой задаче: «Я не знаю, что мне делать, чем себя заставить смерить себя. Ни рассудок, ни совесть не имеют у меня силы, – одни чувства, грубые, развратные, разнузданные… Да, я чувствую свою слабость, свою неуверенность, частое недовольство, неестественность, где же лекарство?» [361]. Ситуацию осложняло решение Меньшикова в память о маме взять на себя все заботы по воспитанию и обучению младшего брата. Признаваясь в своих слабостях, Меньшиков задавался вопросом, сможет ли он справиться с воспитанием Володи и не возьмет ли он на себя «тяжкого греха, беря на себя обязанность не по силам»?

Продолжая размышлять над своим характером и его истоками, Меньшиков одной из причин «дурной стороны» своей натуры называет «отчуждение от общества людей вообще и в особенности общества женщин». Этому способствовали обстоятельства жизни Меньшикова. «До 11 лет я жил исключительно дома, – вспоминал он, – и весь круг знакомых не превышал двух-трех десятков особ, которые к тому же не обращали на меня никакого внимания. С 11 до 14 лет я жил в Опочке, учился в уездном училище, и опять-таки круг моего знакомства мало выходил за стены училища, и я был не более как школьник. С 14 до 19 лет, т. е. до настоящего времени, я провел в стенах технического училища с исключительным знакомством своих товарищей, сверстников, конечно, еще не созревших и стоявших в таком же ложном положении, как и я. Настоящею же самостоятельною жизнью я не жил и жизни такой не видал с глазу на глаз. Теоретически я знаком с этой жизнью, но что скажет практика – еще не знаю. Всеми признано благодетельное влияние женщины на организацию мужчины. Люди обыкновенные, бывшие с детства под влиянием мягкого и гуманного женского общества, имели прекрасный характер и развивались самым блестящим образом. Таковые Карамзин, Жуковский, Лермонтов. Очевидно, что, будь я поставлен в лучшие условия, будь и я хоть

[361] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 5. Л. 42 .

несколько лет в обществе порядочных женщин, это не осталось бы без самого полезного влияния на мой характер. Если я немножко знаю себя, то могу сказать, что при моей заметной способности к прогрессу это влияние могло бы значительно упрочить и облагородить мой нравственный дух. Если я немножко знаю себя, то могу сказать, что, не будь и того маленького влияния женщин, которым я пользовался, то, быть может, я был бы порядочным негодяем при моей громадной способности ко злу»[362].

И в то же время Меньшиков осознавал, что обстоятельства его жизни могли бы сложиться гораздо хуже, чем сложились. Так, 27 марта 1879 г. он записал: «Сегодня мне пришла в голову мысль, когда входил Минин, что какая-то цепь непредвиденных результатов вырождается какою-нибудь незаметною причиною. Не умри моя тетка Агафья Андреевна – и я не видал бы ничего, что теперь вижу, и был бы, может быть, простым писцом. Тетка дала средства поступить мне в уездное училище, где я встретился с Барановым. В одно утро какой-то номер какой-то газеты, чуть ли не "Петербургских ведомостей" со своим объявлением сделал то, что я поступил в училище, вышел оттуда и вот теперь плаваю в Средиземном море»[363].

Однако Меньшиков продолжает с пристрастием смотреть на собственную личность и пытается переоценивать заложенные в него с детства нравственные представления: «Боже мой, люди, вы глупы! Знаете что? Вас так много, вы такие жалкие, все такие смешные, что мне на себя совестно взглянуть: неужто и я такой? Да, и я такой. Такой же лживый, предрассудочный, рутинный, плоский. На практике я животное. Впрочем, я не знаю, в чем мой долг, – это понятие исчезло у меня из понимания. Долг, обязанность… какие слова! Почему – долг, почему – обязанность? А может быть, вовсе не долг, а дрянная выдумка, не обязанность, а ослиное самовзваливание всякого хлама… Ни в чем вам не верю, люди! Это ничего не значит, что я живу лишь вами, что я делаю то же, что вы, иногда крайние глупости. Пуст! Я делаю, пока мне нравится по привычке, но не всегда.

[362] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 5. Л. 42 – 43.
[363] Там же. Д. 6. Л. 37.

Иногда я просыпаюсь и, взглянув в зеркало собственного рассудка, хохочу до упаду: такая противная рожа у меня на лице, такой шутовской костюм… Впрочем, все равно. Дрянно то, что существуешь. К чему? Раз изверился – остается плюнуть. Нет, значит, еще плохо изверился. Наука, наука! Ведь только ты не испробована, только ты остаешься на помощь! Долой из этой жизни»[364]. Из подобных рассуждений Меньшикова явствует, что период подросткового нигилизма и отрицания, характерный для многих русских мыслителей «серебряного века», пришелся у него на более поздний период юношества. Произошло это не без влияния чтения Шопенгауэра, о чем мы скажем в следующем разделе.

Меньшикова несколько огорчала утрата им приобретенных в детстве идеалов, и он пытался и в отрицании сохранить хоть какие-то неизменные жизненные ориентиры: «Идеалы лишь изредка мне кажутся идеалами, и потом я к ним равнодушен. Научное объяснение того, что прежде имело таинственный, священный характер, уронило в моих глазах все священное. И так как остались еще клочки совести и привычки воспитания, то поворотить искренно на дорогу зла и порока я не могу и не хочу. В теории я ближе к прежнему светлому состоянию, на практике – зол и мелок, развратен. Оттого-то я ни то, ни се, оттого-то борьба, и слабость, и отвращение к жизни… Чувствовались, конечно, и хорошие минуты: порывы молодой силы, любви ко всему, всепрощения, порывы высшей радости и звучных песен… Их мало было. Честность. Я на практике довольно честен, но не могу сказать, чтобы совершенно. Если я не могу удержать себя от дурного, сознавая, что это дурно, стало быть, я не честен. Я не знаю, что будет со мной. Я почти отчаиваюсь, выйдет ли из меня что-нибудь хорошее» [365]. Показательно, что Меньшиков нигде не говорит о религии как нравственной опоре в своей жизни, но верит в возможность исправить себя посредствам изучения наук: «Единственное, что мне осталось, – наука и честность. Мне нужно моральное спокойствие – это даст мировоззрение, которое дается только наукой».

---

[364] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 2. Л. 85 об – 86.
[365] Там же. Д.3. Л. 168 об.

При этом Меньшиков был довольно сентиментален. Об этом, в частности, свидетельствует следующая запись уже 30-летнего публициста: «Дочитал «Униженных и оскорбленных» и на рассказе Нелли плакал неожиданным для себя образом, как не запомню, когда плакал. Помню, что в первый раз, когда я читал этот роман – лет 8 назад…, я не мог удержаться от слез на рассказе Нелли. Теперь тоже, но в гораздо большей степени. Нервы за эти 8 лет порасшатались… и вместе с тем мысль: не делаюсь ли я к старости чище и сострадательнее? С молодости не проходит ли яд крови, которым заражена наша порода? Отец мой к старости, как мне кажется, сделался добрее»[366]. Примечательно, что Меньшиков воспринимает себя уже стареющим в то время, когда его публицистическая карьера по-настоящему только начинается.

По всей видимости, в Меньшикове происходила постоянная внутренняя борьба между желанием оставаться верным нравственным идеалам и недостатком силы воли следовать этим идеалам. Причем это было характерно не только для юного, но и довольно зрелого Меньшикова. Он часто следовал своим страстям и желаниям, а затем корил себя за это. Так, 30-летний Меньшиков записывает в дневнике: «На душе – раскаяние, сознание скверного и глупого дела, – не дела, а болезненного, животного припадка, за который я могу сильно поплатиться. Поистине гадкое существо сидит во мне – в моей по природе все же порядочной душе. Демон – ничего умнее и вернее нельзя придумать»[367]. К этому возрасту Меньшиков уже отчетливо осознавал, что причина подобных ситуаций в недостатке воли: «Великая задача – овладеть своею собственною волею, своим поведением – задача подвижников. Она требует долгих лет и тяжелой дисциплины, но если только достижима, дает самое высокое счастье человеку. Укротить в себе зверя – единственное условие чувствовать себя человеком. Различные деятельности души борются между собою: верховное начало мозга – разум – ведет вечную борьбу с титанами тела – похотями, привычками. Разум

[366] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 20. Л. 44 об.
[367] Там же. Л. 45.

есть голос организующего начала в теле; похоти, т. н. страсти и чувства – проявления какого-нибудь расстройства в системе человека»[368].

Описанная нами в предыдущей главе неуверенность Меньшикова в себе проявлялась и в сомнениях в своих умственных способностях, однако Меньшиков постепенно открывал в себе определенные интеллектуальные задатки. «Дала ли мне природа ум? – спрашивал он сам себя в характерной для его ранних записных книжек манере. – Не знаю. Недавно я был убежден, благодаря уродливому воспитанию, что природа действительно дала мне недюжинный ум. Но чем больше расту, чем больше вглядываюсь в окружающий меня туман, чем больше я брожу в самом себе с фонарем, отыскивая хорошего человека, тем больше разочарований, сомнений и горьких выводов рождается в моей голове. Где же этот хваленый ум? Чем он высказался кому-нибудь? Что он придумал, что достойное совершил? А бесчисленные ошибки, грубейшие промахи в совсем нехитрых вещах, а мои неисчислимые недостатки? А моя пошлость, бессилие, непостоянность убеждений, слабость мысли, фальшивость? Это разве ум?»[369]. Далее он не менее критично рассуждает о своих способностях: «Способности мои далеко не блистательны, как достаточно доказали 8 лет школьной жизни. Память слаба, сметливости мало. А способности ясно указывают и на объем ума»[370].

Подводя же итог 1879 г., Меньшиков дает нелицеприятную характеристику своему внутреннему развитию: «Недостаток нравственной воли чувствуется все сильнее и сильнее: те порочные начала, которые в детстве еще не брали верх над всем, теперь становятся непреоборимы. Никаких занятий учебных не было. Даже книжек порядочных я не читал, – вообще читал очень мало книжек. А между тем они производят на меня влияние. Нравственно я остался таким же – сделался гораздо хуже, впрочем… Мне недостает силы гнушаться своими дурными качествами. Я начинаю к ним равнодушно относиться»[371].

---

[368] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 20. Л. 45 об.
[369] Там же. Д. 3. Л. 99.
[370] Там же. Л. 99.
[371] Там же. Л. 168.

Помимо неуверенности в собственных интеллектуальных способностях Меньшиков остро ощущал недостаток образования и все время стремился убедить себя продолжать обучение.

Так, в конце 1879 г. по возвращении из плавания на «Князе Пожарском» Меньшиков писал: «Пока все это улаживается, я еще не знаю, что с собой-то делать. В Академию, положим, и не буду держать – но все-таки ведь учиться надо. В самом деле, довольно праздновать. Надо учиться и запасаться знанием. Без знания нигде и ни чем не будешь»[372].

Годом ранее Меньшиков убеждал себя в необходимости изучения иностранных языков, чтобы публиковаться в «столицах всех славянских государств»[373]. По всей видимости, желание обращаться к общественности славянских народов возникло у Меньшикова под впечатлением от хода Балканской войны, за которым, как свидетельствуют дневниковые записи, он пристально следил.

Планы по изучению языков и зарубежным публикациям так и остались планами. И уже в 1918 г. незадолго до смерти Меньшиков с сожалением отмечал, что нужно было публиковаться за границей, тогда он смог бы после революции эмигрировать и продолжать свою публицистическую деятельность.

С 1879 по 1889 г. Меньшиков практически каждый год подает прошение о разрешении держать экзамен в Юридическую академию[374], разрешения ему выдаются, однако поступление по разным причинам так и не состоялось. Он признается сам себе в дневнике, что не может готовиться к экзаменами («Зубрение идет плохо»). По всей вероятности, Меньшиков так и не стал сдавать экзамены[375], и в конце концов он убеждает себя, что ему незачем поступать в Академию[376].

При этом в дневниках Меньшикова постоянно сквозит тяга к самообразованию, объясняющаяся, по-видимому, подспудным ощущением

---

[372] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 3. Л. 165.
[373] Там же. Л. 11.
[374] Там же. Д. 20. Л. 20.
[375] Там же. Д. 21. Л. 19, 21 об., 26 об.
[376] Там же. Д. 20. Л. 20, 20 об.

недостатка знаний, полученных в юности и молодости. «Всевозможных "вопросов", какими может заинтересоваться современный интеллигент, – писал он в феврале 1890 г., – поистине неисчерпаемое множество. И если верно, что совершенствование жизни сопровождается усложнением ее, то просто страшно становится за будущее: чем дальше в лес, тем больше дров»[377].

В то же время Меньшиков продолжает сожалеть о том, что он не смог получить университетского образования: «Мне 30 лет, и я жалко необразован. Правда, едва ли образование могло бы подвинуть мое теперешнее развитие – не тот возраст, – но оно дало бы пищу для умственной деятельности, оно фиксировало бы в моем душевном складе известную картину мира, как промывание в щелочи фотографического негатива фиксирует на нем отпечаток. А главное – удовольствие, потому что, в конце концов, стоит ли жизнь чего-нибудь, если она лишена удовольствия?»[378].

В мае 1892 г. Меньшиков был «уволен от службы по домашним обстоятельствам» штабс-капитаном с правом ношения мундира[379] и целиком отдался публицистике. Как сам он характеризовал это событие, «перелом судьбы давно жданный и желанный». С этого же года он работает в газете «Неделя», являясь помощником редактора. Подвоя итог этого «переломного года», Меньшиков отмечал, что он в этот год «сделался присяжным литератором», осуществив свою мечту, «казавшуюся недоступной когда-то»; «получил первые лавры» и уверился в своих силах, убедившись, что может «писать довольно сильно, искренне, красиво и умно». При этом публицист констатировал и повышение своего материального уровня: «Подвинул свое обеспечение почти вдвое и достиг высшей нормы заработка, когда-либо достигаемого». Однако осуществлено это было ценой одиночества. Сам Меньшиков признавал, что «не приобрел ни одного друга, одного симпатичного человека Накрохина потерял» [380].

Анализируя свое положение в качестве сотрудника «Недели» и размышляя, дает ли это положение ему возможность жизни, какой ему хотелось бы,

[377] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 23. Л. 5.
[378] Там же. 20. Л. 57 об. – 58.
[379] Там же. Д. 128. Л. 2.
[380] Там же. Д. 23. Л. 47.

Меньшиков писал: «Стоит ли жизнь чего-нибудь, если она лишена удовольствия? Я же по природе своей человек с ограниченным кругом удовольствий (впрочем, как и большинство людей). Я не пьяница, не картежник, не любитель светского общества, не любитель даже театров, концертов, вечеров и т.п. Театры и концерты – полное удовольствие, лишь когда первостепенные артисты. Что остается? 1) люблю общество изысканно умных мужчин и изысканно красивых, хотя и неумных женщин, 2) люблю своего Яшку, 3) люблю умные и блестяще изложенные книги, 4) люблю сам иногда на бумаге кое-что изобразить. Все. Кажется, все. Чтобы осуществить все эти потребности, я, кажется, материально достаточно обеспечен[381]». Таким образом, можно констатировать, что к этому моменту Меньшиков в целом был доволен своим положением и тем образом жизни, который это положение ему обеспечивало.

Продолжая размышлять о том, с каким внутренним багажом он пришел к своему тридцатилетию, Меньшиков уже не столь критично относится к своему интеллектуальному уровню: «Я не образован, вообще говоря, но кое-что знаю же и решительно не встречал людей, пред которыми бы я чувствовал внутренне свое умственное неравенство с ними. С людьми, которых все окружающие считали замечательно умными и которых я знал и, в разговоре с ними чувствовал себя только освеженным и приподнятым, точно взошедшим на высокую гору с широкими видами вдаль, я чувствовал себя счастливым. Мне случилось вести с такими людьми сложные споры, и я мог подметить, что и моя речь на них производит хорошее впечатление, близкое к моему, полученному от них. За глаза и в глаза мне приходилось очень много слышать комплиментов, идущих от лиц независимых и умных… Но не один здравый рассудок меня выручает: очевидно, я владею все-таки довольно широким, хотя и не глубоким образованием, некоторою начитанностью. И этого мало: хоть крупица, а есть же во мне несомненно и дарованье; я могу работать не блестяще, не 1 сорт, но довольно оригинально. Есть некоторое влечение и к умственному труду»[382]. При этом Меньшиков сам с

[381] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 20. Л. 58.
[382] Там же. Л. 47.

сожалением замечал, что комплименты эти, как правило, давали именно уму, а не его характеру. Однако, признавая, что он по натуре «жестокий и вздорный», Меньшиков полагал, что он «не злой» и «не бесчестный» человек [383]. «Совесть во мне не совсем же спит, – оправдывал себя Меньшиков, – и хотя не в состоянии руководить меня, но упрекать и корить меня в состоянии, и это не совсем бесследно остается в моей жизни. Ничем иным я не объясняю беспорядочности своей жизни, как присутствием совести. Не будь мне жаль людей, я эгоистически рассчитывался бы с неудобными связями и не делал бы себя дойной коровой для многих. Я трезв и не совсем же ленив…». И при этом осознавал, что «всего этого мало на что-нибудь заметное: результат всех столь ограниченных способностей должен быть тоже ограниченным…»[384].

На страницах записных книжек Меньшиков признается, что его слова и мнения, высказываемые в обществе, далеко не всегда в согласии с его же делами, чем в будущем будут грешить и его статьи. «Вчера был у Татарских, – записывает Меньшиков, – и проповедовал Ольге Савельевне об органической для интеллигенции необходимости бескорыстного труда в пользу народа, доказывая, что только тот может назваться общественным деятелем, кто дает народу больше, чем берет». И тут же вопрошает себя: «Но сам? Христос в 30 лет вступил на свое великое служение человечеству. А я…? Пути моя направи, молю тя!»[385].

Ища причины недостаточного, по его мнению, интеллектуального роста, Меньшиков укорял себя за то, что он нерационально расходует свое время. «Величайшее преступление мое, – писал он, – что я не дорожу достаточно временем жизни. Я трачу его не только на необходимость, но больше – черт знает на что, и сам не знаю. Ну, пусть кусок хлеба – служба – отнимает пять часов (точнее, 3 S и даже 3 часа, так как час идет на завтрак и чтение, другой час – на ходьбу на службу и ничего неделанье). Пусть пять часов.

Служба – 5 часов

Сон – 7 часов

---

[383] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 20. Л. 47.
[384] Там же. Л. 47 об.
[385] Там же.

Прогулка – 2 часа

Обеды, чаи – 1 час

Итого – 15

Остается 9 свободных часов в сутки, которые можно бы прожить ярко-сознательно, ярко-счастливо, тогда как теперь удается едва урвать часок-другой в сутки на чтение…»[386].

В новогоднюю ночь 1890 г. Меньшиков записал в своем дневнике: «Моя истинная жизнь – внутренняя, – жизнь сознания и настроений, причем больше настроений, чем сознания. В самом деле: что – важнее, настроение или мысль? Мне кажется, первое. Мысль есть предел интеллигентной жизни, продукт настроений, за которым нет ничего – если есть, то уже вне сознания… Я хотел бы в новом году вот какого нового счастья: свежего здоровья, ясной, здоровой мысли, а главное – подъема нравственной силы, управляющей настроениями. Я знаю мне доступное и, может быть, единственно ценное счастье: счастье философа. Работать 5 часов в день, чтобы остальные быть свободным для чтения (непрерывного, классического и разнообразного), для размышлений и для письма – вот мое истинное счастье»[387].

Таким образом, можно констатировать, что Меньшиков был склонен к постоянному самоанализу, не умея близко сходиться с людьми и живя фактически без друзей, он обращался к своему дневнику как к самому близкому товарищу. Изначально Меньшиков страдал более всего от неуверенности в себе, причем неуверенности в своих как внешних, так и внутренних качествах. Истоки данной неуверенности Меньшиков совершенно верно, по нашему мнению, усматривал в своем детстве, в ощущении недостатка любви и внимания со стороны родителей. Со временем дополнительным источником неуверенности стало осознание своего достаточно низкого социального статуса. Привитые Меньшикову в детстве матерью моральные ценности при столкновении с действительностью оказались

[386] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 20. Л. 57.
[387] Там же. Д. 23. Л. 1.

заметно подорванными, однако Меньшиков стремился сохранить хотя бы часть из них, о чем свидетельствует постоянная нравственная рефлексия.

2.2 Религиозно-философские искания Меньшикова

«Моя склонность к рассуждению есть признак,
как я думаю, хотя и гениального, но тупого ума».
М. О. Меньшиков[388]

Традиционно считается, что в основании «религиозно-философского ренессанса» в России на рубеже XIX – XX вв. лежат работы Владимира Сергеевича Соловьева. Большинство представителей русской философии «серебряного века» пережили «кризис богоборчества»[389] и проделали в своей духовной эволюции тот же путь, что и Соловьев, – от религиозного семейного воспитания, через юношеское отрицание, материализм и атеизм к новому обретению веры. Один из наиболее последовательных учеников Соловьева Е. Н. Трубецкой подробно описал этот путь в своих воспоминаниях, написанных незадолго перед смертью. «Переход к безверию, – вспоминал он, – совершился, внезапно и в ту минуту, казалось, необыкновенно, легко. Разумеется, эта кажущаяся легкость объясняется тем, что болезненные ощущения были испытаны гораздо раньше, и на самом деле вера была подточена уже давно!»[390]. Однако далеко не все философы, подобно Трубецкому, приходили не только к вере, но и к Церкви, принимая православие во всей его ортодоксальной полноте. Большинство стремилось найти свой путь к Богу, свое понимание веры и Церкви, что вылилось в философское течение «богоискательства», которое заставило своих представителей достаточно далеко отойти от традиционного понимания христианских догматов, вплоть до критики существующей Православной Церкви. К этому направлению в первую очередь традиционно относят Д. С. Мережковского, Д. В. Философова, Н. А. Бердяева, В. В. Розанова. Свое

[388] ЦХДЛСМ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 20. Л. 4.
[389] Мень А. Мировая духовная культура. Христианство. Церковь. Лекции и беседы. Н.-Новгород, 1995. С. 532.
[390] Трубецкой Е. Н. Воспоминания. София, 1921. С. 46.

место в этом перечне, по нашему мнению, принадлежит и Меньшикову. Подобно вышеназванным философам, он сочетал в себе публицистический талант и стремление к философствованию, однако, в отличие от них, не решался представить свои философские изыскания на суд широкой публики. Михаил Осипович предпочитал обсуждать со своими читателями более житейские – социальные, политические и экономические – вопросы, доверяя свои философские взгляды только своему дневнику.

При этом публицист признавался: «Чтобы сделать что-нибудь заметное, выдающееся, нужно только отдаться самому сильному из своих влечений. Из многих способностей всего сильнее те, которые кажутся потребностями. Во мне есть несколько способностей, и все некрупные: есть влечения и к философскому размышлению, и к музыке, и к живописи и т. д. Но всего более доставляет удовольствие – первая. Ее мне и следовало бы эксплуатировать: так золотопромышленник бросает небогатые жилы и все усилия тратит на самой богатой золотом»[391].

Неопубликованные дневники публициста показывают, что Меньшиков, не имея университетского гуманитарного образования, развивался во многом самобытно, самостоятельно определяя свой круг чтения и осмысляя идеи мыслителей прошлого. В результате им была создана собственная философская онтология, включающая собственное понимание Бога.

«Когда-то обитал Бог в душе моей, – в 30 лет признавался сам себе Меньшиков, – теперь забрался туда искуситель. Ну конечно, не в буквальном смысле, но факт остается фактом. Вместо возвышенного, благородного настроения раннего юношеского возраста (лет 8–10) появилось мало-помалу животное, сладострастное, жестокое настроение… Моим идеалом было некогда подвижничество, отречение от мира. Меня очаровывала нравственная красота святых угодников – их вечно торжественное, святое настроение, строгое и возвышенное, их общение с великою первичною тайною мира, которую они сердцем постигали и на общении с которою основывали смысл жизни. Затем,

[391] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 20. Л. 45 об.

пройдя смутную школу развития и разврата, окунувшись в материализм (привлекательный своею правдой, достоверностью), я как-то отпал от Бога: сосуд, заключавший в себе эссенцию веры – церковную обрядность, – был разбит, и благородная эссенция улетучилась мало-помалу. Но то была вера наследственная, мне чуждая. Не пора ли создать свою веру, лично мне принадлежащую?»[392]. Дневниковые записи показывают, что под своей личной верой Меньшиков в первую очередь понимал собственное мировоззрение, собственное понимание мира.

В дневнике 1-го курса Кронштадтского училища 14-летний Меньшиков еще записывает «Отче Наш»[393]. В 18 лет он уже более вольно обращается с христианской догматикой: «О любви. Бог – любы есть. Превосходство христианской веры перед другими религиями – троичность, необходимость троичности – любовь и скука в одиночестве»[394].

На страницах Дневников Меньшикова неоднократно встречаются признания о том, что детская религиозность очень рано под воздействием обстоятельств стала исчезать. И произошло это еще до поступления в Опочецкое уездное училище. Дневниковые воспоминания Меньшикова не дают основания доверять описанию той семейной идиллии, которая представлена его внуком М. Поспеловым и Н. Лисовым, о чем мы писали в первом пункте первой главы.

А вот как описывает эту «идиллию» сам Меньшиков: «Отец был неизмеримо вреднее для нашей совести и чести, нежели кто другой. Это человек не злой в сущности, веселый, сообщительный, умный, но в то же время испорченный, пропитанный пороком и бушующими без удержу страстями. И он, конечно, внушал нам мораль, но практика, практика… Он давал нам скверный пример»[395].

Религиозность в семье, как отмечается и Поспеловым с Лисовым, детям прививала, мать, «глубоко верующая и любившая правила благочестивой жизни». Однако даже пример ее собственной жизни способен был посеять в детском

[392] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 20. Л. 45.
[393] Там же. Д. 1. Л. 24.
[394] Там же. Д. 2. Л. 2.
[395] Там же. Д. 3. Л. 97 об.

сердце семена сомнения. «Она видела, – писал Меньшиков о матери, - что в этом мрачном мире борьбы, греха и лишений только тот имеет сносную жизнь, кто не стесняется нравственным долгом и требованиями совести. Любя нас горячо, желая нам всего хорошего - счастья, довольства, покоя (чего сама, бедная, всю жизнь не имела), она старалась согласить выводы совести и сердца, требования веры с молодым и беспощадным опытом обыденной жизни. Отсюда уступки туда и сюда». При этом Меньшиков нисколько не упрекал в этом свою мать, полагая, что «высокочеловечная заповедь Христа: "и простится ей многое, ибо возлюбила много" – исключает всякий упрек»[396].

В то же время именно несправедливость, ощущавшаяся Меньшиковым на самом себе и наблюдаемая вокруг во многом приводила его к сомнениям не только в христианских догматах, но и в существовании самого Бога. «Не знаю, – писал он в 19 лет, – если существует высшая сила, называемая Богом, то прежде всего Она должна быть справедлива. Если же в жизни на каждом шагу встречаются бедняки, которые терпят и горе, и бедность, и тяжкие обиды и нищету, и если они терпят все это беспричинно, без всякого со своей стороны проступка – то спрашивается, где же тут справедливость? Если же допустить, что все, что происходит – вполне законно и справедливо, вполне логично, то необходимо допустить, что человек не есть какой-нибудь отдельно живущий индивидуум, не есть духовная единица, а просто-напросто бездушный атом… Значит, каждый человек в отдельности должен покоряться ходу событий. Но тогда зачем же дано ему это чувство самобытности, эгоизма, индивидуальности? Зачем человек в таком случае хлопочет всего более о себе?»[397].

Поступив в Кронштадтское морское техническое училище, 16-летний Меньшиков еще до «путешествия по портам Европы» отправился в плавание по океану европейской и отечественной философской мысли. К 18 годам он уже был знаком с философией славянофилов. В частности, в дневниках находим конспект одной из статей Ивана Сергеевича Аксакова[398].

---

[396] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 3. Л. 97 об.
[397] Там же. Л. 53 об. – 54.
[398] Там же. Д. 2. Л. 1 об. – 2.

Впрочем вскоре в споре со славянофилами и западниками Меньшиков занимает некую срединную позицию: «С одной стороны – гений Петра и всех мыслящих людей Запада, а также многих лучших русских людей, с другой стороны – такие личности, как Хомяков, Аксаков, Погодин, Самарин, Достоевский… Право, не знаешь, как быть, а если довериться собственному чувству, то почувствуешь себя как раз на золотой середине… Вот хоть бы статья "О современном человеке" К. Аксакова, я начал ее читать. Вполне согласен с автором, что не крепости мало в нашем меркантильном веке, что пустота чувства и ложь его преобладают в современном европейце. Но зачем же из этого выводить погибель всему роду человеческому? Когда же человечество было лучше теперешнего: дикарь, разбойник, деспот, развратник, глупец и выжига… Когда же человечество было больше искренно, чем теперь? Во времена Олега Вещего, что ли? В те седые времена, когда у вас без всяких церемоний отнимали кусок хлеба, жену и детей, а самого уводили в рабство? Хи-хи. Благодарим за такую искренность! До сих пор нравственный уровень человечества мало повысился, - он как бы боится повыситься над своим избитым ординаром». Не имея глубокого систематического знания истории, Меньшиков тем не менее точно определил, что неизменные человеческие пороки не исчезают и не меняются, а лишь изменяют форму своего выражения в зависимости от социально-политических и экономических условий той или иной эпохи: «Если прежде было больше простоты нравов и меньше тайного разврата, зато больше было пренебрежения к личности и явного разврата. Если прежде было больше честности и твердости духа, зато несравненно больше было грубости и жестокого насилия. Если прежде не было сильного стремления подставить ближнему ногу деликатным путем, путем торгового обмана, монополии классов, экономических спекуляций, зато было неудержимое стремление опрокинуть друга в яму путем кулака, меча или военной хитрости, путем личного и государственного деспотизма, путем разнузданного произвола. И право, если собрать все данные доброго старого

времени и сравнить их с данными нашего гнилого века, то, наверно, преимущество окажется не в пользу первого»[399].

Пожалуй, наибольшую критику Меньшикова вызывал как раз тот тезис, на котором сходились и славянофилы, и некоторые западники, в частности Герцен, – особая историческая роль России. «Меня смущает, – писал он, – голословное и бездоказательное решение мирового вопроса: Русь православная обновит мир (а главное дело – духовно обновит), Русь православная скажет свое слово гнилому Западу… Сомневаюсь, несмотря на великий авторитет Достоевского и Самарина. Что будет – Бог весть, а пока и в русском народе не блещет алмазов необделанных… Кулачество, пьянство, бродяжничество, "не пойман – не вор", снохачество… не это ли новое мировое слово, которым мы хотим одарить Европу? (Щедрин). Да полно: откуда умозаключают эти господа о свойствах и добродетелях русского народа? Право, ничего такого в народе я не заметил. И история гласит нам неутешительное. Бесконечная терпеливость может выражать собою не только задаток великой будущности, как думает Карлейль[400], но также и неподвижности народа. Статья Аксакова в своей идее мне не по вкусу. Я не согласен с ним относительно мирового значения славянского характера, значения православия и его взглядов на Европу и Петра. Было бы время, я постарался бы развить себе этот вопрос»[401]. Таким образом, Меньшикову были явно чужды идеи русского мессианства.

При этом ему был интересен и во многом нигилистический взгляд на мир Писарева. В частности, сохранился конспект Меньшикова его «Очерков из истории труда»[402]. Как мы показали в предыдущем разделе, некоторые черты нигилистического мировоззрения были присущи Меньшикову в юношеский период.

Размышляя в 16 лет над сущностью человеческого существования, Михаил Меньшиков записал монолог природы, обращенный к ее творению – человеку.

---

[399] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 3. Л. 34 об.
[400] Томас Карлейль (Карлайл) – английский философ, писатель и историк, чьи идеи сформировались под влиянием немецкого романтизма.
[401] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 3. Л. 35 – 35об.
[402] Там же. Д. 2. Л. 23.

Монолог этот во многом перекликается с монологом Бога из знаменитой «Речи о достоинстве человека» Пико делла Мирандолы. Однако показательно, что у Меньшикова творцом выступает уже не Бог, а природа, что говорит о его отходе уже в данный период от религиозного миропонимания. Приведем данный монолог без сокращений в авторской редакции: «"Довольствуйся моими благами, сын мой!" Говорит благодетельная природа сыну своему человеку: "Тебе все дано, с чем ты можешь быть счастливым: тебе дан ум, проникающий мои тайны, тебе дано сердце, сочувствующее всему прекрасному, тебе даны силы физические и духовные как средство к победе над всем дурным… чего же тебе еще надо, неблагодарный?"». А далее Меньшиков описывает, по сути, собственную неудовлетворенность человека, не имеющего веры и желающего разумом прийти к определенному познанию сути вещей: «Мать-природа! Истинны слова твои, и великие дары вручила ты своему сыну: ум, проникающий твои тайны, но никогда не могущий их проникнуть, ум, обреченный на вечное сомнение, обреченный век искать выхода из ужасного лабиринта загадок и век не находить его; ты дала ему сердце – чувствовать прекрасное… но разве это сердце не способно чувствовать и все гадкое, все гнусное, нечеловеческое?... Давши ему сердце, разве не дала ему наклонности делать зло? Ты дала ему силы духовные и физические, но дала ли ты должное направление этим силам? Дала ли ты ему волю подчинить своему разуму эти силы? И не приходится ли твоему сыну горько оплакивать свою жалкую беспомощность в борьбе не только со всем дурным, но в борьбе с самим собою, т.е. с собственными, дарованными тобой, побуждениями, силами души и тела?»[403]. Это размышление помимо прочего показывает и собственную неудовлетворенность Меньшикова самим собою, о чем мы писали выше.

Уже 18-летний Меньшиков 31 января 1878 г. описывал в дневнике свой спор с товарищами, в котором доказывал, что «современный социальный строй жизни – результат христианства (в чистом его виде), что западные философы есть лучшие выразители Христовых идей, и, следовательно, христианство нужно понимать не в узком смысле церковного обряда, а в обширнейшем мировом,

[403] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 1. Л. 87.

социальном значении, – что все христианство укладывается в одну заповедь: "люби ближнего твоего как самого себя"…»[404]. Он убеждал своих товарищей, что «христианство жило до Христа, оно живет в каждом человеке, хотя бы он и не слыхал о Христе. По сути, Меньшиков высказывает идею, схожую с появившейся более полувека спустя теорией «осевого времени» Ясперса. По мнению немецкого ученого, время, когда учили и проповедовали Будда, Конфуций, Лао-цзы, Заратустра, Моисей, греческие протофилософы, было эпохой «одухотворения», когда человек вышел «за пределы своего индивидуального существования»[405]. Как полагал Ясперс, «возникшее в осевое время духовное напряжение с той поры не переставало оказывать свое воздействие на людей, придавая их деятельности новую неопределенность и новое значение»[406]. Меньшиков основную идею этого «духовного напряжения» усматривал в завете Любви. «Будда, – записывает Меньшиков в дневнике, – начал публично проповедовать истины христианства (несмотря на то, что жил раньше Христа на 600 лет), но он проповедовал не новость, а только то, что всегда таилось в душе человеческой, что неразрывно связано с духовною природой человека. Христианство – это не религия (по существу своему) в смысле религиозного отвлеченного культа, – нет: это просто известные нравственные законы, логично вытекающие из соображений здравого смысла, это те гражданские основы, которые делают жизнь прогрессивной и действительно человечной»[407]. По мнению Меньшикова, если бы Святые Апостолы поняли искренно мысль Спасителя и явились действительными сподвижниками его идей, то они проповедовали бы исключительно главнейшую его заповедь: «любить друг друга и жертвовать собою для блага общего». Из этого святого завета, по мысли Меньшикова, сами собой развиваются все основы жизненного идеала мирских людей: «Люби своего ближнего не только потому, что это действительно может доставить тебе наслаждение, но и потому, что это для тебя выгодно»[408].

---

[404] ЦХДЛСМ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 3. Л. 35 об.
[405] Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 34.
[406] Там же. С. 37.
[407] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 3. Л. 36.
[408] Там же. Л. 35 об. – 36.

Последняя мысль Меньшикова созвучна идеям позитивизма и это не случайно, так как он был знаком с работами этого направления (особенно много он ссылался на Милля и Спенсера). Меньшиков, по сути, здесь повторяет одну из составляющих девиза провозглашенной Контом новой религии: «Любовь как принцип».

Идея неверного понимания учениками Христа своего учителя настолько захватила Меньшикова, что спустя некоторое время он вновь к ней возвращается на страницах своей записной книжки. Он пишет, что Апостолы сделали из христианства то, что «теперь так же далеко от христианства, как и язычество». Меньшиков полагал, что «народ ходил за Христом» вовсе не потому, что тот «являлся воплощением слова и любви», а только от того, что народ «видел во Христе Мессию, будущего Царя Израилева, вождя от чресел Иуды, который покорит под ноги Израиля весь мир». Когда же оказалось, что Христос не думал быть таковым вождем, то толпа обозлилась и убила воплощение любви и разума. Толпа же, с другой стороны, со знаменем Магомета победила полмира. «Отчего? – вопрошает Меньшиков, - Оттого, что это знамя расписано кровью, увенчано мечом, изукрашено рабскими цепями и грубою животностью попа…». Констатируя наличие в его время помимо «темной толпы» еще и толпы просвещенной, будущий публицист отмечал, что последняя «еще фанатичнее и неуступчивее, самолюбивее и кощунственнее: она опирается на своё образование и некоторый наружный лоск…»[409].

В это же время Меньшиков пишет наброски к большой повести или даже к роману, главный герой которого носит имя Михаил и во многом вполне может быть соотнесен с личностью самого Меньшикова. Показательно, что этот персонаж признается своей возлюбленной в том, что ненавидит Бога, «потому что эта бездушная идея сделала всего больше несчастий на земле»[410].

В 1879 году Меньшиков рассуждает о религии совершенно в духе Фридриха Ницше: «Что такое религия? Для меня это вопрос почти уже решенный.

---

[409] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 3. Л. 93 об.
[410] Там же. Д. 2. Л. 101.

Я немного об этом рассуждал, но каждый час жизни вносил в мое мнение уверенность, что религия – слабость; неестественная и немыслимая при наилучшем порядке вещей». При этом он пришел к данному заключению не столько посредством рассуждений и обращений к философам, сколько интуитивно: «Странное дело, но эта уверенность имеет что-то инстинктивное. Даже и рассуждать как-то не хочется, как об очевидной вещи, не вызывающей сомнений». Меньшиков высказывал удивление, что «такое колоссальное заблуждение, как понятие о Боге, присуще не исключительным случаям, а всей массе человечества», и объяснял это тем, что человеческая природа еще достаточно слаба и в ней еще «совсем не созрел» мыслительный анализ: «Понятия и фразы смешиваются и делаются мутными: фраза принимается за понятие, и идет за нею, пока до очевидности не покажется бессмыслица фразы». И это Меньшиков находил очень вредным «для развития духовных сил человечества». Здесь мы находим перекличку идей Меньшикова с неопозитивистами, видевшими основную проблему развития философии и науки в понимании, которое, в свою очередь, должно было обеспечиваться пристальным вниманием к словоупотреблению. Однако Меньшиков высказывал свои мысли за несколько десятилетий до неопозитивистов и применял он их не только к проблемам науки, но и к вопросам религии. «Фразы делаются все отвлеченней и заманчивей для толпы, – писал он, – и их количество страшно возрастает. Что же будет впоследствии, когда отдаленное потомство, наконец, очутится в безбрежном океане фразы, потерявшей непосредственный смысл? Уже и теперь ложь просачивается всюду, видны ее губительные следы. Что же будет потом? Упадок. Мозги людей вдруг окажутся неспособными понимать очень простой смысл великих истин, так как они не будут в состоянии сами переварить и связать, сопоставить и обобщить факты. Все философское, высокое и теперь понятное, окажется такою же путаницею отвлечений, как древнесанскритские идеи для нас кажутся лишенными всякой почвы. И тогда потребуются опять тысячи лет, чтобы приучить, приупражнять человеческий мозг к выработке самостоятельных заключений. Тогда, по истечении этого периода, вероятно, опять

придут к той же форме отвлеченных понятий, изменяя только содержания формы, как по закону Гегеля. А отчего изменится содержание? Оттого, что предварительная школа (период фразы) перед упадком совсем не то, как было прежде, до начала нашей цивилизации». Однако Меньшиков не без оптимизма оценивает современное ему состояние философской мысли, веря, что она еще не исчерпала своего творческого потенциала: «Кажется, что человечество еще не дошло до апогея отупения и фраза еще не все заполонила в области мысли. Теперь, пожалуй, еще горячее время развития и еще много непосредственного философского труда. С каждым днем разбиваются старые понятия и являются на свет новые истины. Так, например, все идеи, которые составляли истину для многих философов, например религия, брак, государство и право, душа и жизнь, – все это освещается совершенно новым светом, при котором старый в большинстве случаев потухает»[411].

Далее Меньшиков заявляет, что отвергает религию и все, что с нею связано: «Отвергаю и с совершенно спокойною совестью, не так, как прежде, придерживаясь одною рукою за ту же религию. Моя совесть чиста, так как я уверен, что все мною отрицаемое стоит ниже меня, ниже естественного порядка вещей. Определить себе совершенно ясно все слабости человеческих представлений, проверить всякий грош человеческого прогресса, убедиться, что вот это правильно, а вот это неправильно, – это, мне кажется, высочайшее наслаждение для человека»[412].

В отношении вопросов свободы человека Меньшиков придерживался принципа детерминизма, почерпнутого из работ Спинозы. Однако он не разделял мнения последнего о возможности преодоления этого детерминизма и достижения свободы через осознание господствующей необходимости, полагая, что «личного участия в жизни человека не существует». Доказывал он этот тезис через анализ жизненного пути человека, в котором он выделял «три главных момента: рождение, максимум развития и смерть». Самым важным Меньшиков

[411] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 6. Л. 42
[412] Там же. Л. 43.

считал рождение: «Нет ничего важнее 1-го момента, – писал он. – Им определяется бытие человека, его сознание, им создается индивидуум, духовная единица. Этим моментом определяется, страдать человеку или нет». Здесь мы вновь сталкиваемся с одной из центральных идей мировоззрения Меньшикова – значение происхождения (в физиологическом и социальном аспектах) для всей последующей жизни человека. Меньшиков, очевидно, не верил еще в данный период в возможность полного преодоления природных и социальных неблагоприятных предпосылок. И в этом-то самом главном, по мнению Меньшикова, моменте человек совершенно никак не участвует и не может никак на него повлиять: «До кого более всего касается этот момент? Для родившегося. А участвует ли родившийся в обсуждении этого момента? Нет. Он не может обсуждать о своем бытии и рождении, так как он не существует перед своим зачатием. Когда же он получает какую-нибудь вещественную форму – форму зародыша, молекулы, когда он получает зачатие, факт совершен. Рождение человека решено. Решено помимо воли родившегося. Итак, рождение человека – самый важный момент его жизни – происходит помимо его личной воли, посторонним влиянием». Вся последующая жизнь, как доказывал Меньшиков, также детерминирована внешними, главным образом материальными, обстоятельствами: «С момента рождения человек приковывается к материальной природе, он питается ею и существовать без нее не может. Следовательно, человек зависим и не может жить в самом себе, сам собою и из себя»[413].

Умственные способности, по мнению Меньшикова, также не зависят от самого человека, а следовательно, человек не властен над своим интеллектуальным развитием: «Развивается человек помимо своей воли. Никто не может развиться, если не будет известных обстоятельств, посторонних влияний, никто не может сам собою подняться до той умственной высоты, выше которой достичь нельзя. Кто скажет: "Я хочу сделаться гением" и уверит себя, что он действительно сделался гением? Значит, умственное развитие зависит не от человека, иначе этот человек был бы божественно умен». Смерть, заключает

[413] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 3. Л. 67

Меньшиков, так же как рождение и вся жизнь человека, никак не связана с его волей: «За максимумом развития следует смерть – третий момент бытия личности. И этот момент ни на малую долю не зависит от личного желания и воли человека». Подводя итог своему рассуждению, Меньшиков констатирует, что «человек не представляет свободной единицы, духовно-разумного существа», так как «вся его жизнь, физическая и духовная, всецело зависит от посторонних влияний, от совокупности сил, действующих систематично или нет – все равно результат тот же, – на человеческую личность». Таким образом, по мнению Меньшикова, сколько-нибудь значительного «личного участия в жизни человека не существует». А то, что может показаться проявлением непосредственной человеческой воли, зачастую «непосредственно объясняется физическою необходимостью, побуждением материальных потребностей, следовательно, и здесь под личною волею человека скрывается неведомая ему посторонняя сила, направляющая человека по своему, а не по его усмотрению»[414].

Данные представления об абсолютной детерминированности человеческой жизни Меньшиков стремится подкрепить и историческими примерами. «История народов освещает многое в области души, – пишет он, – и доказывает неопровержимо, что чистый, абстрактный, абсолютный дух не имел представителя своего в жизни человечества. Совершеннейший из людей Христос был подчинен общим законам природы, и его обширный разум был связан слепыми узами материи»[415].

Далее Меньшиков рассуждает в духе Шопенгауэра, полагая, что основное заблуждение человека состоит в том, что он не желает признавать своей полной зависимости, «своего бессилия» и «не подчиняется беспрекословно всемогущему, неотложному, необоримому порядку вещей». «Человеку свойственно думать, – пишет Меньшиков, – что от него зависит благосостояние его жизни и достижение известного идеала. Отсюда вечные страдания, разочарования, тщетность усилий и надежд. Человек бесконечное число раз обманывается. Предприятия человека

[414] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 3. Л. 67.
[415] Там же.

рушатся на каждом шагу. Если и случится, что желания и намерения человека исполняются, то это так редко, так ничтожно в сравнении с массою разочарований, что такие успехи можно отнести к области исключений и счастливых случаев. Да если случаются такие успехи, то все-таки не в полной мере того, как думалось желающему, – или большее, или меньшее того, что он предполагал». Данные размышления приводили Меньшикова к очевидному, с его точки зрения, выводу о том, что кроме «слепых сил природы» и некоего мирового объективного, «хоть и непонятного закона» на человека действует еще и третья сила – уже субъективная. Эта сила выступает тем началом, которое «борется со слепым орудием руководящей силы» и которое «заставляет думать человека о своем личном влиянии на свою судьбу». Именно это внутреннее человеческое начало и «составляет источник всех личных страданий человека». Заметим, что здесь Меньшиков наиболее близко подходит к тому, что Шопенгауэр обозначал в своей философии как проявление Слепой Воли в человеке в виде его внутренней воли, хотя в современном понимании такое явление правильнее было бы назвать не волей, а бессознательным. Но сам Меньшиков замечает: «Нам все равно пока, в каком виде, отчего и к чему существует это начало, – нам все равно даже, существует ли оно на самом деле или нет. Нам важно господствующее влияние на человека, равнодействующая совокупность всех влияний. Эта совокупность показывает, что человек совсем не зависит от личной воли, что человек не принадлежит себе, что личное начало самобытности всецело подавлено расторопною направляющею рукою судьбы»[416]. Такой фатализм, редко свойственный юному возрасту, по всей вероятности, служил для 19-летнего Меньшикова своеобразным оправданием как собственной неуверенности, так и возможной будущей неудачной карьеры.

В своеобразной форме Меньшиков ставит для себя и основной вопрос философии, который сводится для него к признанию или отрицанию наличия в человеке помимо физической иной стороны существования. Решает он этот вопрос в материалистическом духе: «В настоящее время наука самосознания

[416] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 3. Л. 59 об. – 61.

начинает занимать мало-помалу присущее ей место. Но до сих пор, как мне кажется, сделано по этому предмету так мало или, по крайней мере, так безрезультатно, что чего-нибудь определенного, ясно формулированного мы не имеем. Мы знаем пока или, по крайней мере, предполагаем, что в человеке соединены две природы: одна чисто физическая, другая – духовная. Мы знаем, что все явления в жизни человека суть результат общего действия обеих сторон, духовной и физической. Изучаем мы в большинстве случаев каждую сторону отдельно и потом уже связываем добытые выводы. Физическую сторону человека мы можем изучать наглядно и точно, без всяких сомнений, как всякую положительную науку, духовное же начало мы рассматриваем или на основании умственных заключений, гипотез и мнений, или на основании… зависимости духовной стороны от физической... Положительное, материальное начало можно изучать отдельно от отвлеченного, духовного, и результаты чисто физически получатся те же. Если же такой прием мы употребим при изучении духовного начала, то на каждом шагу будем встречать непроходимую чащу анахронизмов, такую чащу, где светит не беспристрастный луч разума, а обманчивая вспышка чувства. Нет возможности доказать известное проявление человеческого духа, если совершенно не касаться физической стороны». На основании таких умозаключений Меньшиков определяет для себя монистом (хотя и не употребляя этот термин), так как полагает, что «в природе человека нет двух начал; духовного и физического, а есть одно, единое, нераздельное – природное начало, начало материи. Невозможно, чтобы во Вселенной существовало два противоположных начала – материя и дух. Одно исключает другое».

Придя к такому однозначно материалистическому заключению, Меньшиков в традиционной для него форме выстраивает спор с предполагаемыми оппонентами (заметим, что эта форма, видимо, сложилась у Меньшикова как раз в Кронштадтском училище, когда среди его однокашников не находилось таких собеседников, которые могли бы с ним поддерживать дискуссии такого рода). Итак, Меньшиков выстраивает следующий предполагаемый диалог: «Мне говорят: в начале не было ничего, кроме Бога. Неправда, говорю. Мне говорят:

представьте себе, что было время, когда ничего видимого не было. Если его не было и оно явилось – ясно, что кто-нибудь его должен был произвести; произвести же все это могло лишь такое существо, которое… и т. д. одним словом – Бог. Я говорю: не так… вы полагаете, что начало всего – Бог, т. е. он существовал прежде всего. Когда ничего не было, существовал Бог. Но почему же вы даете предпочтение духу, существу, которого "никто не видел и видеть не может", перед материей, которая существовала с самых крайних пределов памяти человечества и до сих пор осязательно для всех существует, и в будущем нет причин полагать, чтобы она уничтожилась. Почему я не могу сказать, что не Дух есть вечное начало, не имеющее начала бытия, а материя? Что вы мне ответите, если я спрошу вас: если для существования мира должно быть, по-вашему, существо творческое, то для существования этого творческого существа разве не должно быть другое творческое существо? И так далее. Кто же Бога-то сотворил? А если Он живет сам в себе и вышел сам из себя, то почему бы мир не мог выйти сам из себя и жить сам по себе? Идея о вечности материи все-таки может помериться при некоторых натяжках со здравым смыслом, – эта идея все-таки имеет хоть какую-нибудь научную доказательность, она все-таки более других целесообразна в обстоятельствах современного природного мира. Уже одно то обстоятельство, что материя неразрывно связана с силами, что нельзя себе представить частицу материи, не управляемой известными силами, дает нам право думать, что материя и сила, а следовательно, и дух неразрывны, что дух есть признак»[417].

Пытался Меньшиков выстроить и свою философскую антропологию, основанную на материалистическом понимании человека, которая опять-таки приводила его к выводу о том, что Бога в его христианском ортодоксальном понимании не существует. «Когда создал Господь человека, – пишет он, –наделил его всеми благами природы, пустил его наслаждаться блаженством рая. Он ждал хвалы и благодарения, вечной любви и вечной хвалы… Но ни то случилось. Человек, не зная горя, не имея об нем даже смутного понятия, не видел нужды

[417] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 3. Л. 67 – 68.

благодарить кого бы то ни было за то, что ему хорошо живется. Человеку казалось, что иначе и жить нельзя. И человек отнюдь не считал себя счастливым и, не имея критерия ума, не знал вкуса познания добра и зла, человек жил животною органическою жизнью, как живет растение, бесстрастно, безразлично. Но Господь не это имел в виду. Ему хотелось создать существо мыслящее и счастливое. Но мысль всегда вызывается причиною, и сама зародиться не может из себя. А в том мире, где все текло стройно и плавно, гармонично и спокойно, где все незаметно служило человеку и его желаниям, там ничто не могло натолкнуть человека на мысль, ибо толчок обусловливает известное сопротивление, а человеку в Эдеме не было сопротивления. Человек не был счастлив, потому что все, что совершалось, было естественно и никогда не являлась перспектива изменений существующего порядка»[418]. Таким образом, пребывание Адама и Евы в раю представляется Меньшикову не наивысшим благом для человека, а наивысшей бессмыслицей с точки зрения человеческого развития.

Все эти рассуждения Меньшикова – плод исключительно личной умственной и духовной работы. Никто из преподавателей не повлиял на него, так как в Кронштадтском училище не преподавались гуманитарные дисциплины, за исключением истории и языков[419]. Более того, развитие Меньшикова происходило во многом вопреки устоям училища, так как его начальник «не был заражен духом времени»[420], по определению самого Меньшикова, и возражал против отвлечения внимания воспитанников от специальных предметов посторонним чтением.

Не имея гуманитарного образования, Меньшиков активно занимался самообразованием. В его дневниках с юности встречаются две мечты: стать литератором или философом. Меньшиков составляет себе списки литературных, публицистических и научных произведений, которые необходимо прочесть, где

---

[418] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 3. Л. 107 об – 108.
[419] Там же. Д. 1. Л. 10, 75 – 75 об.
[420] Там же. Д. 2. Л. 6 об.

рядом с русской и зарубежной литературной классикой соседствуют история России и славянских стран[421].

На 4-м курсе Меньшиков из своих скудных средств выкраивает деньги на покупку книг по различным направлениям (медицина, история, экономика), в том числе «Язык чувств» Дарвина[422]. Большое внимание Меньшиков уделяет собственно философским сочинениям. Наиболее часто встречающиеся на страницах дневников имена Декарта, Бэкона, Тейлора, Спенсера, Шопенгауэра, Спинозы.

В 19 лет Меньшиков отмечал, что ему случается встречать в книгах мысли, которые уже «навертывались» ему самому на ум. И он выражал надежду, что «…впоследствии я разовьюсь и до полного развития своих, ниоткуда не заимствованных идей»[423].

В 1878 году по выпуску из училища Меньшиков рассуждает о падении религии в современном обществе: «Весьма заметным кажется на непривычный глаз глубокое падение веры и религии в современном обществе. Где те принципы, за которые шли когда-то тысячи людей на плаху, на проклятие, на костры? Эти принципы остались в книгах, эти книги закрыты и положены на полку, и густо садится на эти книги едкая пыль… Где та вера, которая заселяла пустыни, творила чудеса, исцеляла больных, двигала полчищами людей? Эта вера осталась неясным отрывком какого-то сна, каким-то рассказом, слышанным в детстве и давно забытым. У нас есть храмы, но там никто не молится. На храм смотрят как на редкость, ходят туда взглянуть на какой-нибудь обряд, полюбоваться публикой, такой же праздной, послушать пение, в котором и тени нет религиозной. Где наша религия? Я ее не вижу. Философия гуманистов хотела было вывести ее из подземного мрака суеверия и обрядности, но наплывающий культ…свирепой борьбы бедных с богатыми опять закинул ее бог знает куда…грустная, как тень Эвридики, удалится она от современного мира. Где причина? Кажется, у Гейне я читал поэму про одного мавританского вождя, который, будучи побежден, внес в

---

[421] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 2. Л. 13 об.
[422] Там же. Л. 3 об.
[423] Там же. Д. 3. Л. 30.

неприятельский строй заразу. То же случилось и с христианством. Разлагающийся труп язычества отравил религию духа»[424].

А через год 20-летний Меньшиков, находясь в плавании, так определил свое состояние: «Вера в Бога осталась для меня преданием, и мысль не хочет ничем наполнить ту пустоту, которая осталась на месте Бога. Нет прочного мировоззрения, и нет потому, что недостает научности, знания… Мне нужно моральное спокойствие – это даст мировоззрение, которое дается только наукой»[425].

Размышляя в это время о сущности жизни человека вообще и своей в частности, Меньшиков пришел к выводу о самообмане человека. «Основа жизни – комическая, – записал он в дневнике, – всю жизнь свою человек обманывает, и не только других – это еще понятно, но больше всех он обманывает себя. Он лжет и фразирует, прислушивается к собственным хитросплетениям и… не то что верит, а удовлетворяется этими измышлениями. И вот, когда ложь проникает весь дух человека и срастается с ним органически – человек погиб. Умолкает благородный ух сомнения и протеста: все кажется благополучным, так как на все приготовлена красивая фраза, за которую можно спрятаться от совести. Раскрывать беспощадно все лохмотья богатой драпировки, скрывающей наготу, беспощадно анализировать себя, свой характер, свои мысли, мечты, задачи…»[426].

В 20 лет Меньшиков поставит себе одной из задач «развивать свое мировоззрение». Но только к своему тридцатилетию он сформулирует для себя свое понимание мира и места человека в мире. Несколько лет он будет выстраивать свое «миросозерцание», записывая с 1885 г. под этим названием философские онтологические размышления, которые составили отдельный очерк.

Эпиграфом не только к этому очерку, но и ко всей дальнейшей публицистической деятельности можно считать его мысль: «Очевидно, что и настоящая работа – выработка миросозерцания – подвержена судьбе всякого умственного процесса: уклонению в стороны, ошибкам. Поэтому заранее признаю

---

[424] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 5. Л. 8 об.
[425] Там же. Д. 3. Л.168 – 168 об., 169.
[426] Там же. Д. 2. Л. 110.

погрешность моих идей, возможность отречься от них и необходимость относиться к ним строго критически»[427].

Объясняя самому себе причины написания этого очерка, Меньшиков писал: «Нужно ли задаваться трудом выработать себе общее миросозерцание (общее объяснение мира)? Я говорю: нужно, так как: а) если вы изучаете все вещи в природе – животных, растения, камень, каплю воды и пр. – то и мир в своем целом есть вещь, и логически мы не имеем права устранять его, как вещь, из области изучения; б) составить себе миросозерцание, привести системы в свои разрозненные мысли есть потребность если не всех людей, то некоторых, и у кого эта потребность явилась, с нею явилось и право удовлетворить ее; в) кроме того, выработка наиболее совершенных форм миросозерцания имеет большое практическое значение в том смысле, что в сильной степени влияет на поведение людей… Если нынешний человек не чувствует потребностей собрать свои мысли, поработать над уяснением мира, считаете его ограниченным, таким, у которого потребность миросозерцания удовлетворяется таким же способом, как утка обманывает свой желудок: глотая песок, камешки – и как будто сыта»[428]. Таким образом, для 20-летнего Меньшикова систематизация полученного из прочитанного философского и научного опыта на основе собственных размышлений и рассуждений являлась насущной потребностью.

Меньшиков в данный период определял миросозерцание как своего рода религию. И последующие его работы показывают, что он сохранил такой подход. По сути, он рассуждал в духе одного из основных явлений русской философии "серебряного века" – богоискательство. Весь очерк посвящен не только выстраиванию своей картины мира, но и доказательству самому себе того, что Бога как явления на свете не существует.

Сам Меньшиков обозначил цель своих изысканий так: «отделить то, что я безусловно знаю и признаю, от того, чего я не знаю и чего не имею права признавать».

---

[427] ЦХДЛСМ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 50. Л. 6 об.
[428] Там же. 50. Л. 1 – 1 об.

Он сразу для себя определил существование пределов человеческого познания: «Раз и навсегда нужно признаться, что по природе нашего человеческого рассудка существуют и необходимы, естественно должны существовать вещи необъяснимые». «Разум некомпетентен в чужой для него области абсолютного, но в своей области условного он совершенно компетентен».

Разбирая проблему методологии познания, Меньшиков выступает против того, чтобы бездумно доверять интуиции. В отличие от ряда интуитивистов, он, отталкиваясь от той же философии Декарта, приходит к противоположным выводам: «подсознательный разум» (инстинкт) относится к внешнему («высшему») разуму как «кремневый топор к стальному».

Так как очерк «Миросозерцание» Меньшиков писал несколько лет, то в нем самом прослеживается некая идейная эволюция автора. Начинает Меньшиков как рационалист, желая строить свое мировоззрение на картезианской методологии от общего к частному. Затем он пытается соединить рационализм с эмпиризмом и вслед за Беркли и Юмом приходит к определенному сенсуализму. Собственное представление о познании Меньшиков выразил весьма образно: «Мир воздействует на мозг человека, как курица на яйцо: насиживает его»[429]. Но, с одной стороны, Меньшиков, в отличие от Беркли, не принимает идею Бога, а в отличие от Юма, полагает, что в существовании мира сомневаться не приходится. Первоначально Меньшиков еще готов был признать пантеистический взгляд на Бога. Но далее, по его собственному признанию, в его голове «почти не осталось следов фетишистской религии»[430]. Причину распространения христианства Меньшиков описывает в рыночных категориях: «Христос объявил на бирже мира новый, несравненно громаднейший барыш желающим уверовать в Единого. Он обещал не земное кратковременное счастье, а вечное, и не счастье просто, а блаженство»[431]. Задавая самому себе вопрос, что есть христианство, Меньшиков отвечал: «Не что иное, как свод первобытных суеверий космологического характера, свод нелепых, противообщественных, вредных здоровой жизни

[429] ЦХДЛСМ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 50. Л. 7 об.
[430] Там же.
[431] Там же. Л. 8 об.

мнений, свод нелепых надежд единственно из воспаленной фантазии полудикого Востока. Ничего разумного, ничего нравственного, с моей точки зрения, не заключается в христианстве: повелеть человеку: "Будь добр!" – это так же умно и нравственно, как сказать: "Будь выше ростом!"»[432].

В конце 1886 г. Меньшиков подвел своеобразный итог своим рассуждениям, описав свои основные представления о мире следующим образом: «1) Я признаю «существование» или «бытие» мира вопреки пессимистам (или некоторым из них). 2) Мир я признаю бесконечностью в смысле человеческом, в пространстве и времени, считая последние понятиями условными, не присущими в точности самой природе мира или присущими безусловными. 3) Природа мира едина. Нет в мире ничего кроме мира. Время, пространство, прочность, сила, материя, сознание, законы вещества – все это нераздельные и неотъемлемые свойства сущности. 4) Бессмертие существует в жизни общего и срочность существования – в жизни частного. Жизнь частного неотъемлема от времени; то, что перестает быть частным (точно таким, как было), перестает жить. 5) Бессмертие в смысле неизменности индивидуальной принадлежит только элементам мира, которые сами по себе мертвы. Жизнь (в смысле перемены) есть взаимодействие мертвых тел»[433].

Однако он продолжает возвращаться к работе над своим «миросозерцанием» и спустя два года придет к выводу: «Человек без Бога – сирота. Подарите ему какую-нибудь роскошную обстановку, дайте Эдем или дворец из сказок Шахерезады, дайте ему сияющую природу и товарищей жизни – без Бога он сирота. Но что такое Бог? А это уверенность в своей принадлежности к миру, принадлежности вечной, над которой бессильна смерть»[434].

Позднее, перечитав эти свои мысли, Меньшиков подчеркнул карандашом слова «человек без Бога сирота», пометив на последней странице этого очерка: «надо продолжать».

---

[432] ЦХДЛСМ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 50. Л. 17 об.
[433] Там же. Л. 36.
[434] Там же. Д. 67. Л. 39 об.

Спустя четверть века известный и востребованный публицист, отец семейства, Меньшиков в Царском Селе, продолжая, хотя и изредка, вести дневник, возвращается к теме христианства. Он уже после положительно оценивает христианское вероучение, хотя и рассматривает его лишь одной из составляющих в ряду философских учений прошлого. В размышлениях, озаглавленных, подобно некогда принесших ему первую известность очерков «О счастье», он пишет: «Всякое зло держится добрыми силами, попавшими в рабство злу благодаря отсутствию сознания. Зло тотчас же лопнуло бы, если бы светлые силы его не поддерживали и не защищали. Поэтому каждый должен вглядеться совестью в свою жизнь и во что бы ни стало понять – чему он служит, и если служит злу – отстать от него. Признаки зла разобрать, при всей простоте их, крайне трудно человеку, слишком слившемуся с ним, неоценимую помощь дают Евангелие и великая стоическая философия, столь близкая к благовестию христианства. «Евангелие», как и Энихридион Эпиктета, письма Сенеки, диалоги Сократа, заметки Марка Аврелия, заслуживает постоянного непрерывного чтения изо дня в день. "В час полночный, близ потока…"»[435].

Здесь Меньшиков цитирует начало стихотворения известного философа-славянофила А. С. Хомякова «Звезды», что свидетельствует о знакомстве с его сочинениями. Это стихотворение, на наш взгляд, действительно очень точно передает настроение Меньшикова, поэтому приведем его полностью.

В час полночный, близ потока
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далеко
В горнем мире чудеса.
Ночи вечные лампады
Невидимы в блеске дня,
Стройно ходят там громады
Негасимого огня.
Но впивайся в них очами –

[435] ЦХДЛСМ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 67. Л. 15.

И увидишь, что вдали
За ближайшими звездами
Тьмами звезды в ночь ушли.
Вновь вглядись – и тьмы за тьмами
Утомят твой робкий взгляд:
Все звездами, все огнями
Бездны синие горят.
В час полночного молчанья,
Отогнав обманы снов,
Ты вглядись душой в писанья
Галилейских рыбаков, –
И в объеме книги тесной
Развернется пред тобой
Бесконечный свод небесный
С лучезарною красой.
Узришь – звезды мысли водят
Тайный хор свой вкруг земли.
Вновь вглядись – другие всходят;
Вновь вглядись – и там вдали
Звезды мысли, тьмы за тьмами,
Всходят, всходят без числа, –
И зажжется их огнями
Сердца дремлющая мгла.

Вдохновленный строками Хомякова, Меньшиков продолжал: «В бесконечной глубине мыслей этих откровений каждый не только может, но и обязан почерпнуть себе сознание жизни. А настоящее сознание жизни всегда дает и волю, так как бесхарактерность, неспособность принудить себя к исполнению намеченной цели есть чаще всего недостаточность сознания цели. Совершенно ясная, вполне бесспорная цель, дающая благо, сама к себе влечет, сама дает волю. Работайте же над своим сознанием при помощи самых ярких источников света.

Многие ли, положа руку на сердце, в состоянии сказать, что они работали над собой? Многие ли возделывали свое сознание хоть с малой долей того напряжения и траты времени, которое тратится на механическую работу, на игры и развлечения?»[436].

Нам представляется именно этот призыв Меньшикова к возделыванию своего сознания самым значимым и непреходящим, который не потеряет своей актуальности никогда.

Составить представление о реальных взглядах Меньшикова относительно христианства достаточно сложно, так как в период работы в «Новом времени» он почти не делает дневниковых записей (приведенный выше фрагмент – одно из исключений). В то же время на страницах суворинской газеты он выступает в оценке Русской Православной Церкви вполне в духе официальной государственной позиции[437], посвящая периодически статьи русским святым[438], позволяя себе при этом критиковать духовенство. При этом такая критика духовенства оказывалась на руку государственной власти, так как косвенно показывала, что проблемы РПЦ коренятся не во внутренних проблемах ее организации и взаимоотношения с государством, а в том, что сейчас называется «человеческим фактором»[439].

Как отмечает современный исследователь П. Б. Стукалов, Меньшиков подвергался критике со стороны представителей духовенства за его попытки «интерпретации Библии в духе антисемитизма»[440], приводя в качестве примера критику Меньшикова Н. Н. Спасским, писавшим, что «юдофобов на Библии можно воспитать только при условии, если ее будут толковать так произвольно и

---

[436] ЦХДЛСМ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 67. Л. 15.

[437] Подробнее об этом см.: Санькова С. М. Два лица «Нового времени». А. С. Суворин и М. О. Меньшиков в зеркале историографии. Орел, 2011. С. 173 – 175; Санькова С. М. Проблемы Русской Православной Церкви в России начала XX века в представлении М. О. Меньшикова и Всероссийского национального союза // Государство, общество, Церковь в истории России XX века. Материалы VI Международной научной конференции. Иваново, 2007. С. 119 – 126; Орлов А. С. Проблемы взаимоотношений Русской Православной Церкви и старообрядцев в начале 20 века в оценках Всеросийского национального союза и партийного идеолога М.О. Меньшикова // Всероссийская конференция «А мне глаголати неленостно…». Раскол и старообрядчество в современной рефлексии. Кострома, 25–26 апреля 2012 г. Кострома, 2012. С. 56 – 60.

[438] Меньшиков М. О. Вечное воскресение: Сб. ст. о Церкви и вере. М.: Русский вестник, 2003.

[439] Об этом см.: Аквилонов Е. П. Так ли мы виноваты? (По поводу одного фельетона г. М. О. Меньшикова). СПб., 1905.

[440] Стукалов П. Б. Указ. соч. С. 252.

односторонне, как это делает Меньшиков»[441]. Это лишний раз показывает, что отношение Меньшикова к православию было чисто утилитарным. К схожим выводам пришел и А. В. Репников, отмечавший, что церковь интересовала публициста лишь как нравственно-религиозная опора для несовершенных по сути своей человека и общества[442].

В то же время Стукалов вполне обоснованно, по нашему мнению, полагает, что, «трезво оценивая общественно-политическую обстановку, складывающуюся в Российской империи на протяжении XX века, публицист убеждался в том, что православие», хотя и в наименьшей степени, чем самодержавие и единодержавие, «все более превращается в отжившие национальные традиции»[443].

Еще более акцентировал прагматизм публициста в отношении к вопросам веры А. Рейтблат, полагавший, что, «несмотря на свои многочисленные замечания о значимости религии», Меньшикова не интересовали «ни христианское вероучение в качестве божественного откровения, ни этический пафос христианства». Автор полагал, что в основе мировоззрения Меньшикова лежало не христианство, «а скорее пессимистическая философия Шопенгауэра, с ее «волей к жизни» и обоснованием «войны всех против всех»». Христианство же, по мнению Рейтблата, привлекало его лишь в той мере, в которой оно было способно решать «социальные задачи»[444].

В этой связи мы разделяем позицию таких исследователей как Д. А. Коцюбинский и Ю. М. Каграманов, которые отмечали отсутствие у Меньшикова искренней религиозности. В частности, последний обращал внимание на то обстоятельство, что, при большом количестве высказываний о христианстве и «важности веры», Меньшиков выдает собственное слабоверие рассыпанными в его текстах замечаниями, указывающими зачастую на «языческий уклон» публициста[445]. В целом же следует отметить, что вопрос о позиции Меньшикова

---

[441] Спасский П. Н. В защиту ветхозаветных патриотов. Беседы по поводу статьи М. О. Меньшикова «Читайте Библию». Новгород, 1914. С. 5.
[442] Репников А. В. Консервативные представления о переустройстве России. М., 2006. С. 93 − 94.
[443] Стукалов П. Б. Указ. соч. С. 73 – 74.
[444] Рейтблат А. «Котел фельетонных объедков». Случай с М. О. Меньшиковым // Неприкосновенный запас. 1999. № 2(4). С. 6.
[445] Каграманов Ю. Меньшиков столетие спустя // Посев. 2000. № 12. С. 18.

по религиозным вопросам, высказываемой им на страницах «Нового времени», еще ждет своего детального анализа.

События февраля 1917 г. изменили не только всю жизнь Меньшикова, но и повлияли на его творческий метод работы с дневником. Журналист, лишенный возможности обращения к читателю, обратился к дневнику как единственному объекту приложения своих творческих сил. Широкому читателю пока доступны дневниковые записи Меньшикова только за 1918 г. В этих дневниках перед нами предстает уже некий итог размышлений и рассуждений с самим собой, истоки которого во многом содержатся в дневниках за предшествующий 1917 год. Находясь вдали от основных событий и получая скупые сведения из столицы, лежа часами в гамаке, публицист без суеты и мелких деталей пытался определить суть происходящих перемен и идей, овладевающих соотечественниками.

Не доверяя и не обращаясь к авторитетам, Меньшиков начинает анализ социализма с собственного, субъективного взгляда. Приемлемы ли социалистические нормы жизни для него лично? «Я уверен, что никогда не желал большого богатства и не искал его. И отсутствие богатства при социалистическом строе не внесло бы никакой перемены в мои привычки, – записывает он 5 августа 1917 г. – Я уверен, что «щей горшок» на меня и мою семью всегда найдется, если мы будем трудиться, а ведь я искренне хочу не быть праздным и искренне заповедаю долг труда своим детям»[446].

Ощущал ли он справедливость социалистической доктрины? На этот вопрос Меньшиков находит далеко не однозначный ответ. «Без моего требования мне роскошно платили за легкий труд, и в результате в моем распоряжении оказались чьи-то чужие единицы энергии, – признавался сам себе публицист. – Хорошо ли это или худо? То, что это не совсем хорошо, я это чувствовал и в старом, буржуазном строе. Меня радовало, что я становился обеспеченнее и что мне и детям не угрожает рабство или голодная смерть. Но все-таки совесть напоминала постоянно: у тебя много, а у других мало. И это напоминание отравляло самые

[446] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 41. Л. 8.

корни счастья»[447]. Монашество, толстовство (к которому сам журналист некогда был близок), сенсимонизм, фурьеризм были теми отдушинами, по мнению Меньшикова, куда «свободная конкуренция» загоняла измученных «нравственно-чутких людей» от социальной несправедливости буржуазного строя. Однако, и углубляясь в прошлое, он признает, что «многочисленность и древность светских и религиозных, отрицающих мир сект доказывает, что людям с повышенной совестью вовсе не легко жилось в системе общественного раздора». Следовательно, «если социализм избавит нас от этого недуга, если он снимет с нас укоры совести за то, что мы не помогаем ближним, то уже это будет великим благом, оправдывающим социализм»[448].

Однако если социализм ограничивается только морально-этическими нормами человека, что мешает людям и при капитализме соблюдать заповеди, лежащие в основе всех мировых религий? «Здесь, – по мнению Меньшикова, – заключается центр человеческой драмы, центр трагедии христианства и всех великих философий и вероучений. Пророки проповедовали царство Божие на Земле, когда нужно было создавать его. Пророки думали, что человечество во всей своей массе способно воспринять идею любви к ближним и нравственной чистоты и перестроить жизнь согласно этой идее. Самое возвышенное и самое решительное из заблуждений. Христианство (как буддизм и др. нравственные учения) вполне естественно и достижимо, но лишь для крохотного меньшинства людей, для родившихся святыми. Такие есть и всегда будут, но на крохотном меньшинстве населения нельзя строить добровольной реформы»[449]. Великое учение либо останется достоянием немногих людей, либо будет извращено недоброй волей подавляющего большинства. Отсюда вслед за героем Достоевского Меньшиков с глубоким сожалением повторяет: «Христианство не удалось».

В чем же, по мнению публициста, крылась «коренная ошибка великих вероучений и столь плохо слушавших их масс»? В исключительно мистическом

---

[447] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 41. Л. 8.
[448] Там же. Л. 9.
[449] Там же.

ожидании неестественного чуда как проявления божественной воли. «И пророки, и толпа верили, что Бог – верховный распорядитель мира – если захочет, то черное сделает белым и ядовитое – целебным. Захочет спасти людей – спасет, нет – нет. Они неверно думали о Боге, – заключает публицист. – Такого Бога, творящего неестественные чудеса, в мире нет. Нет в мире Бога, действующего по своей или по нашей прихоти, склоняющегося к нашим мольбам, курениям и сожжению свечей. Человечество молится в пустое пространство». Что же есть? «Но есть Бог, именно мир, в который мы входим, который вечно производит одни и те же естественные чудеса и в порядке естественных чудес или законов или спасает нас, или губит, – говорит Меньшиков. – От нас зависит, или сброситься с крыши вниз, или спуститься по лестнице: в одном случае естественное чудо губит, в другом – сохраняет человека. Вот путь спасения! Вот единственный путь спасения, с начала создания мира указанный нам тем Богом, который существует, а не тем, что создан фантазией толпы»[450]. Не останавливаясь на вопросе, приверженцем деизма или пантеизма предстает здесь Меньшиков, обратим внимание на его вывод: «Хотите блаженства – достигайте его сами, пользуясь своим разумом и своей любовью. Бог через свое осуществление – мир – даст для этого могучую поддержку и могучие препятствия. От разума человеческого зависит, пользоваться поддержкой и обходить препятствия. Начинайте же сами свое спасение!»[451]. Меньшиков трактует социализм как «христианство, освободившееся от мистики». Определив «центр трагедии христианства», он приходит к «великой догадке» социализма «о том, что христианство нужно делать, как железные дороги или тоннели, не проповедуя, а решая какой-то властной волей…»[452].

Дневники последних лет жизни Меньшикова показывают, что он по-прежнему не мог совершить выбор между собственным пониманием Бога и

[450] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 41. Л. 10.
[451] Там же.
[452] Там же. Л. 9.

христианством. Отрицая существование Бога в христианском понимании, он в то же время пишет целый цикл «проповедей» от лица вымышленного священника[453].

Таким образом, религиозная эволюция Меньшикова, проходившая в контексте «богоискательства» в философской мысли конца XIX – начала XX в., является дополнительным свидетельством того, что поиск своего понимания Бога вне опоры на исторически сложившуюся христианскую традицию приводит в конечном счете к отрицанию если не всех, то многих церковных догматов. Однако, отказываясь от этих догматов, Меньшиков, как и большинство его современников, определил для себя только «путь к спасению», но сам не нашел ни сил, ни возможностей пройти его в поиске божественного Абсолюта до конца.

[453] Меньшиков М.О. Проповеди отца Михаила / Публ. Н.А. Филаткиной // Московский архив. Вып. 4. М., 2006. С. 9 – 38.

Глава 3. Меньшиков о социально-этических проблемах российского общества

Из всех социально-этических проблем Меньшиков в рассматриваемый нами период особое внимание уделял проблемам взаимоотношения полов и вопросам оснований, на которых может быть построена семья. Это связано с тем, что вне семьи публицист не видел возможности как полноценного развития личности, так и достижения личного счастья. Данной теме было посвящено несколько циклов статей, опубликованных в «Книжках Недели» и отдельными изданиями, о чем мы скажем в данной главе.

Довольно значимым для Меньшикова указанного периода был и вопрос национальный, который он рассматривал в это время преимущественно в социально-этической плоскости, в меньше степени затрагивая политические аспекты данного явления. Взгляды Меньшикова по данной теме, проявившиеся в публикациях «Недели», подробно проанализированы современным исследователем Н. В. Зверевым, поэтому мы не будем на них останавливаться.

Однако, будучи человеком по натуре осторожным, Меньшиков не решался рассматривать многие аспекты вопросов народности и национализма в публичной печати и доверял свои размышления в этой плоскости по большей части записным книжкам. Эти размышления, не будучи опубликованными, на наш взгляд, имеют большое значение при выявлении процесса эволюции Меньшикова от умеренного либерализма и толстовства к национализму достаточно консервативного толка. Этот анализ в комплексе с проведенным диссертационным исследованием Н. В. Зверева, выдвигавшего в качестве рабочей гипотезы идею о трансформации в лице Меньшикова умеренного народничества в «консервативно-народнический вариант модернизации страны»[454], позволит выявить логику формирования консервативно-националистических взглядов публициста.

---

[454] Зверев Н. В. Общественно-политические взгляды М. О. Меньшикова (1885 – 1900 гг.). Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2013. С. 13.

3.1 Вопросы брака и семьи в осмыслении Меньшикова

В 16 лет Меньшиков записал в дневнике: «Самые светлые минуты в жизни человека – минуты любви. С нею не сравнится ни трепетная радость увенчанного самолюбия, ни ослепляющее чувство богатства, ни даже демонски обольстительная минута мести… Любовь! Святое слово – великая цель жизни для живущих – пустой, холодный звук для отживших… Страшно умирать только в минуту борьбы со своим инстинктом…»[455].

Меньшиков не остался в стороне от осмысления актуализировавшегося во второй половине XIX в. вопроса о женском равноправии. В 19 лет он признавался в дневнике, что несколькими годами ранее он был безоговорочным сторонником женской эмансипации, однако знаком он с этим явлением был чисто теоретически – из книг, притом преимущественно отечественных авторов. Однако по мере самостоятельного осмысления данного вопроса Меньшиков все более разочаровывался в этом явлении, которое стало приобретать в его глазах «несколько комичный, ненатуральный характер». Меньшиков стал представлять эмансипированную женщину близкой к образу Кукшиной, выведенному Тургеневым в «Отцах и детях»: «Барышня-нигилистка, с остриженными волосами, с очками на носу, с папиросой в зубах, с нахальными замашками и глупыми "свободными" речами, с мусором в голове и цинизмом в сердце, – вот что представлялось моему взгляду под именем эмансипированной женщины, – идеал, составленный по романам Незлобина и другим. Мне было противно подумать о таком идеале, и я не щадил своего красноречия и жара, чтобы доказать своим противникам всю нелепость эмансипации». Позднее Меньшиков познакомился с работами Милля и пришел к выводу, что «не понимал настоящего смысла слова "эмансипация", как ее следует понимать и как понимают ее великие мыслители – специалисты вроде Милля». Однако будущий публицист так и не стал сторонником женского равноправия, выдвигая против идей Милля («как это

[455] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 1. Л. 89.

ни комично: я и Милль!... – замечал сам Меньшиков по этому поводу) ряд собственных возражений:

1) Женщины отнюдь не носят ярма на себе, и весьма значительная часть женщин является на самом деле деспотом в семье.

2) Обязанности женщины, ей только присущие как матери, хозяйке и воспитательнице, настолько велики и важны, что могут достаточно занять всю деятельность даже великой женщины, следовательно, отвлечение ее от ее прямых обязанностей, как начало, разрушающее семью, воспитание и благосостояние, принесет гораздо более вреда человечеству по сравнению с той пользой, которую получило бы общество через отвлечение женщины к посторонним вещам.

3) Женщина по своей природе ниже мужчины, в них нервная система господствует над мускульной, сердце и чувство – над мозгом, собственные желания – над решениями рассудка. В силу своей преимущественной животности, в силу того, что женщина гораздо более самка, чем мужчина – самец, область ее духовной внутренней жизни должна быть ограничена, и чисто отвлеченная беспристрастность не может достичь такого развития, как у мужчины.

4) Женщины до сих пор играли незначительную роль в истории человеческого прогресса, хотя обладали во все времена могущественными средствами для владычества над мужчинами. Если из самых низших слоев общества и самых задавленных классов выходили великие люди, и немало было таких, то это прямо доказывает, что из женского класса, как класса, ничуть не «порабощенного» в смысле этого слова, не вышло великих женщин потому, что этот класс обладает меньшею умственною жизненностью[456].

Первыми заметными публикациями Меньшикова, в которых в числе прочего он размышлял о браке и семье, стал и цикл статей 1894 г. «Думы о счастье», вышедших отдельным сборником в 1898 г. Открывала этот цикл весьма символично статья «Семья и общество», а далее шли размышления о народе, природе, труде, цивилизации, прогрессе и Боге.

---

[456] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 3. Л. 24 – 25.

Начало статьи о семье может показаться неожиданным: Меньшиков приводит пример нескольких самоубийств, совершенных знакомыми ему людьми, жившими внешне благополучной жизнью. Самоубийства, совершающиеся без всяких явных на то причин, происходят, по мнению Меньшикова, вследствие отсутствия любви к кому бы то ни было. Именно любовь к другим, по мысли публициста, «есть основное психическое условие счастья, душевное дыхание, без которого человек умирает». Меньшиков полагал, что любовь к другим несоизмеримо сильнее любви к себе: «Никогда не любишь себя и в малой доле той восхищенной, восторженной, стремящейся любовью, как, например, в детстве – свою мать или брата, а потом – жену, ребенка, друга»[457]. Подлинные чувства любви и дружбы, по мнению Меньшикова, составляют основу семьи, «которой иногда одной достаточно для счастья»[458].

В статье «Семья и общество» Меньшиков выступил с резкой критикой современной городской семьи. Он уверял: «В современных городских, культурных условиях искренняя семья невозможна. В городе глава семьи, погруженный в свою специальность, не понятную ни жене, ни детям, органически не связан с ежедневною домашнею жизнью, – такой глава семьи часто гость у себя дома», который «с ужасом чувствует, что жена и дети – холодные, присосавшиеся к нему паразиты, которым от него нужно только содержание, только еда, одежда, квартира и больше ничего»[459]. Меньшиков полагал, что такая ситуация проистекала из разобщенности, присущей современной городской жизни в принципе и распространяющейся на семью. «В городской семье, – уверял он, – нет общего психического центра, нет общего сотрудничества, объединяющего все отдельные способности и потребности. Муж жене не товарищ: он не может интересоваться ее туалетами, французскими романами, благотворительностью да сплетнями, –как и жена мужу, так как его канцелярия

[457] Меньшиков М. О. Думы о счастье // Меньшиков М. О. Великорусская идея. Указ. изд. Т. 1. С. 277.
[458] Там же. С. 282.
[459] Там же. С. 282, 284.

для нее – китайская грамота… Семье не на чем сойтись и поговорить… Корни дружбы на столь неглубокой почве коротки и поминутно обрываются»[460].

В этой же статье Меньшиков рисует и идеал семьи, каким он ему представлялся на тот момент: «Родное гнездо, жена – как второе сердце мое, милые детки, стихия горячей любви и дружбы – вот основное счастье человека. Кроткий пламень семейного очага – единственный свет, согревающий и не жгущий, около которого душа обретает мир. Но для того, чтобы сложился этот очаг, для того, чтобы не померкал этот святой огонь, необходима постоянная трудовая и житейская близость всей семьи, необходим непрерывный обмен всех впечатлений и мыслей, интересов и надежд»[461]. Такая семья, по его мнению, была возможна лишь в условиях патриархальной деревни. Заметим, что, как мы отмечали в первой главе, вспоминая впоследствии свое детство именно в такой «патриархальной» среде, на страницах своих записных книжек Меньшиков отнюдь не идеализировал эту среду.

«Думы о счастье» и, в частности, статья «Семья и общество» не остались незамеченными. Современник Меньшикова М.А. Протопопов подверг ее ироничной критике в заметке «Публицист-идиллик». От лица всех «канцеляристов» он опровергал утверждения Меньшикова о разобщенности современной городской семьи, уверяя, что они «своим женам товарищи», а их жены им «сотрудницы». Хотя в то же время Протопопов и признавал в высших обеспеченных классах существование семей, где «муж по целым дням не видит жены, потому что живут они на своих "половинах" и общих интересов действительно не имеют, потому что вообще не имеют живых интересов, а создают себе искусственные»[462]. Несмотря на критику, книга Меньшикова пользовалась популярностью, о чем свидетельствует ее переиздание через три года.

Работу над темой семьи Меньшиков продолжил в трилогии очерков «Начала жизни», вышедших в «Книжках недели» за 1898 г.: «Роль женщины»,

---

[460] Меньшиков М. О. Думы о счастье // Меньшиков М. О. Великорусская идея. Указ. изд. Т. 1. С. 283.
[461] Там же. С. 282.
[462] Протопопов М.А. Публицист-идиллик // Русская мысль. 1898. № 11. С. 158.

«Охрана семьи», «Дети». Эта трилогия также была позднее издана отдельной книгой, а последняя статья еще ранее вышла отдельной брошюрой. В этих очерках Меньшиков готов был поставить женщину даже выше мужчины, но только такую женщину, которая следует своему предназначению матери и хранительницы семейного очага. По замечанию Чехова, Меньшиков «говорил о материнстве как основном призвании и долге женщины»[463]. Эта идея высказывалась Меньшиковым неоднократно. К примеру, в очерке, посвященном «Детству» Л.Н. Толстого, публицист особое внимание обращал на образ матери Николеньки и отмечал, что «решающее влияние на ребенка… в жизни почти всех замечательных людей» имеет именно мать, а не отец[464]. В таком взгляде, по всей видимости, сказались и личные впечатления детства Меньшикова, получившего начальное образование и духовное воспитание также от матери и сохранившего теплые воспоминания о ней на всю жизнь. В последние месяцы жизни Меньшиков обращался к образу уже умершей матери как к своеобразному символу духовной поддержки, которая ему так была нужна в тот момент. «Молю тебя, родная тень, – записал он в феврале 1918 г. в своем дневнике, – помоги нам в самые ужасные дни нашей жизни»[465].

Размышления о семье и ее основаниях Меньшиков продолжил в серии статей «О любви», также вышедшей отдельным сборником. Данная работа стоит из нескольких частей, применительно к нашей теме нас будет интересовать раздел «Любовь супружеская». В своих рассуждениях Меньшиков опирался на церковные, философские и литературные источники, соединяя, казалось бы, несоединимое, например, Священное писание и Шопенгауэра.

Меньшиков отмечал, что вопрос о положительных и отрицательных сторонах брака волновал человечество на протяжении всей его истории, но так и остался не определенным. В собственном понимании брака Меньшиков исходил из положения о том, что «любовь супружеская, вопреки ходячему мнению, основана не на страсти, а на потребности, и не только телесной, но и духовной.

---

[463] Цит. по: Бычкова Е. «Вы интересный человек» // Мелихово: Альманах. Мелихово, 2003. С. 102.
[464] Меньшиков М.О. Великое детство // Меньшиков М. О. Критические очерки. В 2-х т. Т. 1. СПб., 1899. С. 402.
[465] Меньшиков. Материалы к биографии. Указ. изд. С. 14.

Одна половина человечества служит предметом вечного и ненасытного внимания для другой. Существуют как бы два человеческих рода, два особых мира людей, тяготеющих и переплетающихся между собою, как основа и уток на ткацком станке, образуя общую живую ткань. Несливаемые и неразделимые начала, роли почти одинаковые, но и бесконечно разные, безусловно, не способные заменить одна другую и, безусловно, друг для друга необходимые…»[466]. Для Меньшикова подлинный брак невозможен вне веры, именно ее утратой он объясняет проблему несостоятельности браков в современном ему мире: «Мы, образованные европейцы, вышедшие из культа Вечности, оторвавшиеся от духа народного, мы потеряли тайну религиозного отношения к человеку, оттого и наш взгляд на половой союз почти так же груб, как у дикарей. Для нас человек сам по себе, вне его рабочей функции в обществе, есть ничто, он – простое животное, и самих себя вне социальной роли нашей мы чувствуем как животных… Мужчина видит в женщине, как и она в нем, не воплощение духа, не ниспосланного свыше спутника и хранителя в этой жизни, а простой предмет для наслаждения, почти вещь. Эта мертвящая материальность отношений, непризнание в человеке иной, высокой природы есть источник великой драмы супружества с ее изменами и безумствами»[467]. Констатируя эту грустную ситуацию, Меньшиков задается вопросом, что такое современный ему брак и чем он должен быть в идеале? Современную семью публицист рисует в еще более мрачных красках по сравнению с «Думами о счастье»: «Современный брак – вещь очень сложная и очень грустная. Оба пола начинают свою половую жизнь уродливо и рано, еще детьми. Вырастая в сладострастном культе, наблюдая кругом себя так называемую "любовь" как нечто секретное и соблазнительное, дети обыкновенно психически развращены даже раньше, чем есть для этого телесная возможность». Меньшиков возлагает всю ответственность на родителей, «заражающих своим смрадом» еще невинное поколение. Вся жизнь общества ведет к проблемам в браке: «За долгие годы подготовки к браку оба пола учатся раздражать один

[466] Меньшиков М. О. О любви // Меньшиков М. О. Великорусская идея. Указ. изд. С. 545.
[467] Там же. С. 546.

другого особыми манерами, танцами, салонной музыкой, салонною поэзией. При этом юноши, даже лучших семейств, поминутно меняют общество кузин и их подруг на запретные объятия горничных и модисток»[468]. В результате такого воспитания «к тому возрасту, когда заключаются законные браки, огромное большинство молодежи проходят через школу падений, отрицающих самый корень брака. Сорвавшие яблоко познания уже не достойны плодов древа жизни, у большинства уже исчезла психическая возможность счастливого брака, но обе стороны все-таки подыскивают себе "партию"»[469]. Меньшиков отмечает, что сами цели, которые люди преследуют, вступая в брак, стали ложными. Партнера (свою вторую половину) не любят, а рассматривают как средство. А когда «цель достигнута – средство более не нужно, и в браках "по расчету" поражает эта странная ненужность супругов друг для друга»[470]. Проблема неудачных браков, по мнению Меньшикова, в первую очередь ударяет по детям: «Дети – если они есть – истинные мученики в такой семье: они страдают, озлобляются, заражаются ненавистью и выходят из родного дома как из какого-то зверинца, где грызутся звери»[471].

Осуждая брак по расчету, Меньшиков критикует и брак, основанный на половой любви: «В половой любви ведь любят не человека, а то раздражение, какое он возбуждает, как и в вине, в золоте любят не их самих, а свое вызванное ими состояние. Предмет страсти есть всегда средство, и раз оно уже не нужно, он теряет всякий интерес. Половая любовь длится лишь до взаимного удовлетворения, и затем "любимый" человек превращается в то же, что пустой графин для пьяницы»[472].

В чем же Меньшиков видит залог счастливого брака? В супружестве, основанном на нравственности: «Не расчет, не половое наслажденье должны быть основой брака, а то самое, для чего вообще люди посланы в мир, – а они посланы для дружбы, для взаимного духовного удовлетворения, для помощи друг другу.

---

[468] Меньшиков М. О. О любви // Меньшиков М. О. Великорусская идея. Указ. изд. С. 546–547.
[469] Там же. С. 549.
[470] Там же. С. 550.
[471] Там же. С. 550.
[472] Там же. С. 550–551.

Единственным средством брака должна служить искренняя симпатия душ, единственною целью – взаимное сотрудничество в деле жизни… Истинное супружество есть не что иное, как сотрудничество в выполнении всех целей, и животных, и духовных, из которых слагается рай жизни»[473]. В доказательство своего тезиса Меньшиков приводит как изречения из Священного писания, так и примеры из жизни природы. «Каждое существо не вполне закончено в своей личности, – пишет он, – и видит живое дополнение себя в особи другого пола. Этим природа так бы хотела навсегда разрушить сепаратизм индивидуального существования и связать особи органически, т.е. сделать их органами друг друга. В самом деле, что такое женщина, как не орган мужчины, разросшийся и отделившийся, живущий особо, но не имеющий никакого смысла, кроме специального служения мужскому организму? И что такое, наоборот, мужчина, как не подобный же специальный орган женщины? Все другие органы человека связаны не только физиологически, но и физически, тогда как производительные органы, подобно звеньям цепи, утратили физическую связь, но сохранили органическую. Звенья цепи входят друг в друга, и одно без другого не имеют смысла: они отдельны, но не могут быть отделены»[474]. Далее Меньшиков замечает, что человека от других живых существ отличает разум. И если разум восторжествует над телом, то он победит и половое влечение: «Супружество плотское для существ, вся жизнь которых в разуме, невозможно. Безусловное целомудрие, безбрачие не есть аскетический идеал: идеал – разум, а исчезновение половой жизни само является как естественное следствие вполне духовной жизни и есть простой показатель достижения этой высоты»[475]. Таким образом, Меньшиков выступает неожиданным критиком половой жизни: «половая страсть, по его мнению, скорее опоганивает, нежели освящает» даже акт зачатия. Он полагает: «Дети всего счастливее в той семье, где отец и мать любят друг друга чистою, дружескою любовью, но не влюблены один в другого. Половая влюбленность – по природе своей – исключает другие привязанности, тогда как

[473] Меньшиков М. О. О любви // Меньшиков М. О. Великорусская идея. Указ. изд. С. 551–552.
[474] Там же. С. 552–553.
[475] Там же. С. 555.

дружеской любви всегда хватает на всех: достанет ее у матери и на мужа, и на детей. Если родители не влюблены – дети свободны от пошлых сцен ревности, отчаяния, дикого восторга, бешеного раздражения и прочих аксессуаров половой страсти. Дети созерцают с колыбели родителей спокойных, ровных, нежных, дружных, любящих без безумия, поддерживающих друг друга с неизменной верностью и преданностью»[476]. Брак для Меньшикова – это в первую очередь не союз тел, а единство душ. Не случайно о хороших супругах говорят, что они живут «душа в душу»: «как бы ни стремились люди к слиянию тел, все же выйдет только прикосновение их, а души соединяются действительно в нечто одно, почти неразделимое»[477]. В таком браке, по мнению Меньшикова, является нравственное развитие супругов. Заметим, что современные психологи одним из принципов успешного брака называют именно взаимное развитие партнеров: «Брак есть тогда лишь нравственный союз, когда каждый видит в своей человеческой половине нечто нравственно ему недостающее, нечто для себя идеальное. Только тогда, при совместной жизни, супруги, как бы прирастая корнями своего сердца друг к другу, питаются из них нужными для их роста влияниями. Один пересоздает другого по образу своему и подобию: необходимо, чтобы эти "образ" и "подобие" были достаточно высокого типа. Вот это нравственное сотрудничество – первая из основных целей брака»[478]. При соблюдении описанных выше условий снимается проблема разводов: «Если брак есть органическое сотрудничество тел и душ, и сотрудничество душ по преимуществу, то ясно, что истинный брак нерасторжим. Органически слитое не может быть разделено без гибели или тяжкого ущерба обеих половин»[479]. Исходя из такого взгляда, Меньшиков крайне отрицательно относится как к изменам в браке, так и к возможности разводов, критикуя «нигилистическую беллетристику» 60-х гг. XIX в., включая Н. Г. Чернышевского. Завершает свои рассуждения на тему супружеской любви Меньшиков очень простой сентенцией: «Чистота (тела и

[476] Меньшиков М. О. О любви // Меньшиков М. О. Великорусская идея. Указ. изд. С. 556.
[477] Там же. С. 558.
[478] Там же. С. 559.
[479] Там же. С. 560.

духа) – вот единственная тайна счастья в супружестве…», и только такое супружество способно дать «полноту жизни»[480].

С переходом Меньшикова в 1901 г. в газету «Новое время» связаны и перемены в личной жизни публициста. Его второй брак, по всей видимости, был довольно близок к описанным им ранее идеалам. Он строился на взаимном уважении и духовном согласии, о чем можно судить по дневниковым записям. В рабочем материале к статьям этого периода мы находим размышления о взаимосвязи проблем современной ему семьи с женской эмансипацией. Меньшиков полагал, что именно идея о том, что женщина принадлежит самой себе, – первый шаг к отказу от семьи. Меньшиков исходит из указанного нами выше представления о том, что подлинная семья, – это соединение двух частей в единое целое и в телесном, и в духовном плане: «Безнравственная мысль, что женщина принадлежит самой себе. Она принадлежит столько же себе, сколько мужчине, как он ей. Кто дал право разъединять то, что соединила природа? Оба пола – если они хотят оставаться тем, что они есть, если не в силах отвязаться от половой жизни, – обязаны вести эту жизнь свято, как требует закон природы»[481]. При этом Меньшиков сомневается, что большинство людей способны будут воздерживаться от половой жизни. Если же «женщины, подобно мужчинам, будут не в состоянии отказаться от известных отношений, станут искать их вне брака, все семьи, избегая последствий, то это будет великая гадость и гибель общества»[482]. При этом Меньшиков осуждает и мужчин, позволяющих себе половую распущенность, видя в этом одну «из коренных причин общественного расстройства». Но Меньшиков полагает, что целомудрие женщин – основное средство способствования целомудрию мужчин. Здесь же он возвращается к идее о том, что подлинная семья основывается не на половой любви, а на дружбе: «Любовь, как посредственная пьеса, требует превосходного исполнителя, иначе она несносна, тогда как дружба достаточно хороша даже при плохих исполнителях. При дружбе крайне редко отсутствие взаимности и не чувствуется

[480] Меньшиков М. О. О любви // Меньшиков М. О. Великорусская идея. Указ. изд. С. 590.
[481] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 67. Л. 17.
[482] Там же.

так остро, как при половой любви. При дружбе невозможна в такой резкой степени и ревность. Дружба длится всю жизнь, скорее усиливаясь, чем ослабевая, если нет разлуки. Но даже и разлука не так губительно отражается на дружбе, как на половой любви»[483]. Далее Меньшиков рассуждает о смысле и значении семьи в общечеловеческом и даже онтологическом плане: «Физически нельзя войти в тесное общение с человечеством, со своим народом, даже с обществом своих соседей. Человек – точка, и его прикосновение к миру – точка. Необходимо, чтобы это единственное прикосновение ощущалось как радость. Мы прикасаемся к миру в своей семье – вот почему она священна… Наше правильное стремление к человечеству только через семью. Смотри на ближних своих как на ангелов-хранителей, посланных тебе в спутники жизни, и на себя – как на гения их жизни»[484]. Таким образом, если пользоваться термином Г.С. Сковороды, для Меньшикова сродность с семьей есть средство сродности с миром.

В последние два года своей жизни, оказавшись без работы и средств к существованию, проживая с семьей и детьми на Валдае, Меньшиков вновь возвращается к осмыслению любви и брака, делая это в необычной форме. В 1917 году безработный публицист пишет цикл проповедей от лица сельского священника. Одна из проповедей называется «О мужьях и женах». Здесь брак предстает в первую очередь как таинство, освященное свыше. Он особо подчеркивает ответственность этого шага: «Из всех путей человеческих брачный путь может быть самый торжественный и страшный…». Он является началом нового рода, что налагает «огромные права и еще более огромные обязанности»[485].

Меньшиков в лице священника подчеркивает, что брак должен быть основан на любви, поясняя: «Любовь супружеская – это не простая влюбленность, не простая заинтересованность друг другом и жажда телесного сближения, – это

---

[483] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 67. Л. 21.
[484] Там же. Л. 22.
[485] Филаткина Н. А. Меньшиков М.О. Проповеди отца Михаила // Московский архив. Вып. 4. М., 2006. С. 25. (Так как данное издание стало библиографической редкостью, пожалуй, даже менее доступной, чем архивные фонды Меньшикова, параллельно приводится ссылка на архивный документ: ЦМАМЛС. Ф.202. Оп. 1. Д. 68. Л. 14.).

жажда сближения душ и взаимного слияния их в одну душу»[486]. Именно такая любовь помогает преодолеть все сложности, возникающие в семейной жизни. «Все люди несовершенны, – пишет он, – все с большими, часто с огромными недостатками. Все люди склонны судить других строго и не прощать ближнему даже сучка в глазу. Спрашивается, какая тяжесть для мужа нести бремя несовершенства своей жены, а для жены – бремя несовершенства мужа! Каждый день, каждый час встречаться с теми же пороками и грехами без надежды исправить их, согласитесь, это трудно. Но вот чудо! Любящие друг друга муж и жена охотно прощают друг другу недостатки, – мало того, они любят один другого даже с недостатками, и самые недостатки кажутся чем-то милым и хорошим. Разве это не чудо? Это поистине претворение простой воды в дорогое вино. Народная пословица говорит: "Не по хорошу мил, а по милу хорош", то есть если мил человек, то он и хорош. А ведь если он хорош, то даст одно лишь счастье, одну радость»[487]. Примечательно, что здесь Меньшиков повторяет пословицу, которую приводил почти 20 лет назад в цикле «О любви».

Особое внимание Меньшиков обращает на то, что «чудо любви супружеской» нуждается в постоянном поддержании. И главным средством этого поддержания Меньшиков называет постоянную благодарность Богу: «Это довольство всем и благодарность за все заставит быть снисходительными и к недостаткам друг друга в союзе брачном»[488]. Второе важное условие счастливого брака, которое Меньшиков озвучивает от лица священника, – повиновение: «Мы все должны повиноваться друг другу в страхе Божием, то есть все должны приучить себя к смирению и послушанию друг перед другом, к готовности настолько уважать чужую волю, что даже подчиниться ей, если она не переступает воли Божией. Такова основная мудрость Христова благословения: смирение и кротость. Лишь сжимая свою гордость, себялюбие, можно избежать бесконечных толчков и царапин в отношениях с ближними»[489]. При этом он обращает внимание на то, что еще Апостол Павел различал повиновения жены и

[486] Филаткина Н. А. Указ. соч. С. 26–27. (Там же. Л. 15).
[487] Там же. С. 25. (ЦМАМЛС. Ф. 202. Оп. 1. Д. 68. Л. 15).
[488] Там же. С. 27. (Там же. Л. 15 об.).
[489] Там же. (Там же).

мужа. Муж повинуется Богу, а жена – мужу. Таким образом, «христианский брак не есть равенство двух тел и душ, не есть взаимное соподчинение, а есть подчинение жены мужу, добровольное и любовное», основанное на том, что это «условие согласия и мира, условие любви супружеской»[490]. Если основная обязанность жены – повиноваться мужу, то основная обязанность мужа – любить свою жену.

Заключает Меньшиков свою «проповедь мужьям и женам» мыслью, которой делился еще с читателями «Недели», о том, что в счастливых браках дети счастливы, а в несчастных – несчастны: «Верьте, возлюбленные, что только из счастливых браков, где царствуют любовь и повиновение, выходит нравственно здоровое, доброе, честное, благородное потомство. Из несогласных супружеств выходят рано испорченные характеры. Детские сердца насыщаются ядом семейной вражды, и нужна огромная сила духа, чтобы освободиться от этой отравы»[491].

В последние месяцы жизни Меньшиков в своем дневнике вновь возвращается к теме любви, невольно подводя итог своим многолетним рассуждениям. «Если бы я был человек высокой культуры духа, – писал он, – то следовало бы беречься влюбленности, как всякой иной страсти, считая именно влюбленность прелюбодеянием. (Прелюбить = переесть = перепить: чрезмерное увлечение тем, что должно иметь меру)»[492]. Он убеждал себя и наставлял потомков в том, что «для здорового и счастливого брака» достаточно одной симпатии. Влюбленность же («недаром она называется "безумной"») помимо всего прочего мешает взвесить «важные члены общей формулы брака», такие как «хороший характер, доброту сердца, ум, воспитанность, здоровое сложение, хорошую наследственность и семейное положение». Меньшиков уподобляет влюбленность пьянству и наркомании, так как во всех трех случаях за «острое наслаждение» приходится расплачиваться «отравлением духа». Меньшиков предостерегал человечество, что если оно будет продолжать следовать голосу

---

[490] Филаткина Н. А. Указ. соч. С. 27. (ЦМАМЛС. Ф. 202. Оп. 1. Д. 68. Л. 15 об.).
[491] Там же. С. 29. (Там же. Л. 17–17 об.).
[492] Меньшиков М. О. Материалы к биографии. Указ. изд. С. 256 – 257.

любви, а не здравого выбора (в духе селекционеров), то оно выродится «в какую-то дикую дрянь». Он дает весьма приземленный совет своим детям: «Выбирайте себе пару для продолжения рода, а не для вас лично. Выбирайте осторожно, ибо это величайший по значению выбор из всех на свете. Если влюбитесь безумно, это первый признак, что брак будет безумный, т. е. несчастный. Женитесь по любви, но не по прелюбви: это и есть настоящий разврат, караемый хуже всех грехов. Выбирайте приятного, физически и психически милого человека, но не такого непременно, которым хотелось бы обожраться. Выбирайте прежде всего здоровье, молодость, невинность (важно!), добрый характер, ум, талант, долголетие предков, уравновешенность (отсутствие пороков), ну и другие выгодные для семьи данные: воспитанность, образованность, трудоспособность и пр. Моя пылкая любовь к Е. А. дала мне гораздо больше горя, чем счастья, – она сбила меня во многом с толку. Другие влюбленности тоже были почти напрасны»[493].

Таким образом, можно констатировать, что Меньшиков разочаровался в идее любви как цели жизни и основы человеческого счастья, которую исповедовал в ранней юности. «Самые светлые минуты в жизни человека, – писал 16-летний Меньшиков, – минуты любви. С нею не сравнится ни трепетная радость увенчанного самолюбия, ни ослепляющее чувство богатства, ни даже демонски обольстительная минута мести… Любовь! Святое слово – великая цель жизни для живущих – пустой, холодный звук для отживших… Страшно умирать только в минуту борьбы со своим инстинктом…»[494].

Подводя итог анализу взглядов Меньшикова на проблемы семьи в современном ему обществе, можно констатировать, что в вопросах любви и семьи Меньшиков, несмотря на всеми признанную его изменчивость во взглядах, на протяжении большей части своей жизни, начиная с момента неудачного гражданского брака, придерживался одних принципов. Его представления о браке можно свести к следующим положениям:

---

[493] Меньшиков М. О. Материалы к биографии. Указ. изд. С. 256 – 257.
[494] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 1. Л. 89.

- Брак – это единство двух, соединение не столько тел, сколько душ.
- Половая любовь – непригодная основа для прочного брака. Для этого есть особый вид любви – «супружеский».
- Вступая в брак, можно и нужно следовать расчету, но не материальному, а духовному.
- Вне благополучной семьи человек не может быть счастлив.
- Все проблемы брака отражаются на детях.

Можно проследить и некоторые изменения в понимании брака. В конце жизни Меньшиков рассматривает брак с более христианских позиций и представляет семью как основной способ сосуществования человека с миром.

Рассуждения Меньшикова в чем-то наивны, в чем-то утопичны, но основные проблемы, поднятые им в своей публицистике и дневниках, не только не потеряли своей актуальности в настоящее время, но даже еще более обострились. Современная семья как социальный институт вынуждена существовать в мире меняющихся ценностей и постоянно доказывать свою значимость не только в общественном, но и в личностном плане. В этих условиях меньшиковский подход к семье как к онтологически значимому явлению в жизни человека приобретает особую злободневность.

3.2 Национальный вопрос в оценках Меньшикова

Как мы уже отмечали в начале данной главы, мы рассматриваем взгляды Меньшикова по национальному вопросу, основываясь исключительно на дневниковых записях, чтобы затем в комплексе с выводами Н. В. Зверева составить общее представление о взглядах публициста в данной области. Анализ дневников нам представляется особо важным в связи с тем, что Меньшиков в силу своей осторожности не все свои взгляды рисковал выставлять на всеобщее обозрение. Показательна в этой связи одна из его записей еще за 1878 г., когда он только окончил Кронштадтское техническое училище: «Наше время такое тяжелое, что человеку беспристрастному остается только молчать. Наше время

такое неблагополучное, что даже в дневнике-то боишься подумать как-нибудь неблагонамеренно»[495].

Первоначально национальный вопрос Меньшиков рассматривал исключительно в плоскости славянофильских идей, с которыми, как мы показали во второй главе, он был знаком преимущественно по работам И. С. Аксакова. И это вполне объяснимо. Интерес к славянскому вопросу был спровоцирован русско-турецкой войной 1877 – 1878 гг. Меньшиков пристально следил за событиями этой войны. Он даже чертил карты ключевых моментов в ходе военных действий. Помогал в работе Красного Креста по сбору и отправке вещей на фронт.

Под впечатлением от балканских событий Меньшиков начинает рассуждать о той роли, которую может сыграть литература в деле единении славян: «В видах благополучия и силы Славянства в будущем необходимо нашим молодым ученым и писателям обратить важное внимание на духовное единение славянского мира». Он полагал, что нужно создать «особую литературу», которая проводила бы в общество идеи о том, что вражда русских со славянами, и в частности с поляками, несет в себе «неестественность, глупость и великий вред». При этом Меньшиков полагал, что поляки, «как народ вообще более образованный и культурный», должны «разливать свою культуру вокруг» и способствовать тем самым развитию и подъему славянского духа в целом. А для того, чтобы воплотить подобные планы в жизнь, по мнению Меньшикова, рассуждавшего еще вполне в духе славянофильства, необходимо было изучать народную жизнь в России и в других славянских землях. «Если бы у меня были достаточные средства, – мечтал он на последнем курсе Кронштадтского училища, – я по выходе из военной службы поступил бы так: поехал бы по России – хоть разносчиком популярных народу книг с главною целью изучить быт народа и его действительные нужды. Сибирь, Великороссия, Кавказ, Крым, Украина, Белоруссия – все бы это по возможности подробно изучил и объехал. Потом в

[495] ЦМАМЛС. Ф. 202. Оп.1. Д. 3. Л. 152.

Польшу. Поездил бы, пожил в ней везде, присмотрелся бы, изучил нравы, обычаи, исторические предания, а также отчасти и природные богатства страны. Искал бы памятники живой речи – старинной письменности, народные песни, поговорки и пр. Затем переехал бы в Галицию, Угорскую Русь, Прусскую и Австрийскую Польшу, Чехию, Сербию, Болгарию, Черногорию, Хорватию, Словению и вообще все славянские народности Европы. Везде все замечал и записывал, везде поживши и походивши, побратавшись со всяким народом – какой бы я имел богатый материал для Славяноведения!» С таким багажом Меньшиков мечтал начать писать рассказы и повести, при помощи которых он знакомил бы читающее общество с жизнью славянских народов. В то же время, как представлялось Меньшикову, он «обогатил бы отечественное знание» целым рядом научных работ по лингвистике и этнографии, а серией политических статей «доказал бы правительству и народу русскому необходимость братства и мира, а также союза между славянами и действительные его нужды…»[496].

Веря, подобно славянофилам, в то, что Россия может собрать вокруг себя все славянские народы (как когда-то Москва «собрала Русь»), Меньшиков полагал, что для этого она должна преодолеть следующие основные препятствия: «могущество соседних немецких держав, католичество и польскую ненависть к России». Могущество немецких держав, по мнению будущего публициста, строится или на «натуральной славянской массе», как в Австрии, или на добром сочувствии и услужливости тех же славян, как, например, в Пруссии. Поэтому русская политика «должна сделаться национальною и не щадить во вред себе интересов немецких держав: действуя славянством, отторгнуть славянство от чужого господства». Первым делом, как полагал Меньшиков, необходимо помириться с Польшей и таким образом «без всяких усилий создать непримиримого врага немцам». Меньшиков верил в возможность достижения подобного примирения, если Россия будет действовать «путем интеллигенции», то есть будет поощрять славянофильские и панславистские тенденции, и по-

[496] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 2. Л. 17 – 17 об.

возможности проводить в сознание читающего польского общества следующие идеи: 1) Что «всего удобнее для России и Польши (равно как и для всего славянства) жить между собою в одинаковых правах, преследовать одни государственные интересы». 2) Что Польша «отнюдь не находится во власти или подчинении России, и только разрыв существующего порядка, как разрыв интересов общих народов, вызовет со стороны России вооруженный протест». 3) Что в недалеком будущем Россия в деле общего просвещения догонит Польшу и славянские народы, а в результате этого «свобода личностей примет общеевропейский характер». 4) Что в недалеком будущем в России явится конституция, которая уравняет и политические права славянских племен. 5) Что поляки должны «стать оплотом славянскому миру со стороны немцев»[497].

Таким образом, основной проблемой на пути объединения всех славян являлся опыт Польши, которая была недовольна вхождением в состав Российской империи. Меньшиков неоднократно обращался к этой теме на страницах записных книжек, ища пути для примирения России с Польшей. В частности, он полагал, что, с одной стороны, следует популяризировать польскую литературу в России и распространять русский язык в Польше. Показателен в этой связи записанный Меньшиковым разговор со своим знакомым Венуховским. Последний «сделал замечание, что все русские без исключения относятся к полякам с затаенной какой-то ненавистью, что даже литература русская не затрагивает поляков иначе, как с дурной стороны: если поляк, то непременно или мошенник, или пошляк, или то и другое вместе».

Меньшиков, по его словам, «защищал русское общество и литературу», доказывая, что «ненависти нет и быть не может», так как в условиях Российской империи не русские, а поляки – обиженная сторона, а «к обиженному если нет горячего сострадания, то бывает пренебрежение, но не ненависть». Меньшиков в беседе признал, что в русском обществе и литературе поляков недолюбливают и пренебрегают ими. Причину этому обстоятельству он усматривал в том, что «русское общество не знает народа польского», а знакомо лишь со шляхетским

[497] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 2. Л. 31об. – 32.

обществом, которое после восстаний в значительном числе эмигрировало в Россию. (Заметим, что Меньшиков переезд из Польши в Россию называет не внутренней миграцией, а именно эмиграцией, что само по себе показывает, что он не воспринимал до конца Польшу как единое целое с Россией.) Именно мелкое дворянство и чиновничество, причем как в Польше, так и в России, по мысли Меньшикова, отличалось до последнего времени «невежеством, грубостью, бездельничаньем, мотовством, привычками к насилию, обману и лихоимству». Это была самая испорченная и развращенная часть населения, которая, «изменяя всем правилам порядочной жизни», с легкостью изменяла и Отечеству. Такие лица, «являясь в Россию», принимали «вид пресмыкающегося» и совершенно подходили к «типу собственно-русских, средних классов». Именно такие лица и были отмечены русской литературой, т.е. «русская литература отметила только то, что заметила». Но эта же самая литература, как обращал внимание Меньшиков, не пощадила и русское общество. Описанная беседа навела Меньшикова на мысль написать брошюру на тему «Поляки в русской литературе», но этот план, как и многие другие прожекты юного Меньшикова, так и остался планом[498].

В то же время, если речь шла не об отдаленных перспективах, а о современном моменте, Меньшиков высказывался довольно прагматично, идя вразрез с идеей всеславянского единения. В частности, в болгарском вопросе он полагал, что Россия не должна давать ни единого повода усомниться в том, что она не посягает на независимость этого государства: «Посягать на эту самостоятельность, – писал он, – значит посягать на нечто, равноценное жизни народа. Нам скажут: Россия никогда и не посягала на самостоятельность Болгарии. Но если так, то об этом не было заявлено достаточно категорически. Чем менее походит на систему известный ряд поступков, тем более дает он возможности неверных толкований, а наша политика уже давно упрекается в недостатке систематичности. Если не из непосредственных источников русской политики, слишком высоких, чтобы быть доступными, то из правящей

[498] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 20. Л. 48.

общественным мнением печати болгары могли растолковать себе намерения России в угрожающем для них смысле. Настаивать, например, на присутствии в правительстве страны наших министров, а в войсках – наших офицеров – это похоже на посягательство на независимость страны»[499].

В это же время Меньшиков обращался и к вопросу о сущности понятия «народность», явно не удовлетворяясь его официальной трактовкой. Будущий публицист отмечал, что в российском обществе отсутствует единство мнений по вопросу о народности: «Сколько диаметральных мнений, сколько споров и всего такого! – восклицает он. – Один говорит: народность – это драгоценнейшее сокровище страны, источник его самобытной жизни и пр. и пр. Другой говорит, что народность – вздор и ничего не значит перед человечеством или человечностью. Один говорит: русский народ – это первый в образованном мире народ, это великий народ, сохранивший неиспорченное сердце и здравый практический смысл, это народ, которого ждет великая будущность, народ, который явит человечеству свое могучее, обновленное, неведомое миру слово, народ, который достоин стать во главе empire universally… Другой ему отвечает: русский народ – бедный, обиженный природою, несчастный народ: умственная неподвижность, бесхарактерность, отсутствие самодеятельности и самобытности, глубочайшее невежество и врожденный консерватизм, и пороки, губительные пороки тунеядства, обмана, лжи, наглости и безнравственности – вот весь убогий репертуар качеств русского народа, которым он может заявить культурному миру о своем жалком существовании. Нельзя не сознаться, что в этих двух мнениях есть некоторая разница…»[500]. Заметим, что, как мы отмечали выше, в первом своем серьезном публицистическом опыте – очерках «По портам Европы» – Меньшиков публично выступал противником критической точки зрения на русский народ. В то же время в этих очерках начинающий публицист критикует и славянофилов, так как все, что с ними связано, «замарано тенденцией». И в целом,

[499] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 20. Л. 64 об.
[500] Там же. Д. 3. Л. 40 об. – 41.

по замечанию исследователя Крижановского, Меньшиков в это время «ощущает себя в большей степени западником»[501].

К слову сказать, еще за год до кругосветного плавания у 18-летнего Меньшикова в записных книжках встречается сравнение славянского народа как целого с народами Западной Европы, и сравнение это было не в пользу первых: «Величайшее наше несчастие (славян) – наша бесхарактерность, отсутствие цельного характера. У нас понемножку всего и ничего как следует. Англичанин берет холодностью и расчетом, француз – живостью ума и увлекательностью, испанец – сосредоточенностью и огненностью, – словом сказать, всякий народ, кроме нас, имеет собственную черту. А мы – ничего. В результате пустота, легкомысленность, безличность. Не от наплыва ли исторического это?»[502].

В это же время Меньшиков обращал внимание на связь этнических и конфессиональных аспектов в жизни народов. Он выдвигал тезис о том, что «человечество разделяется по религии на такие же приблизительно группы, как оно разделяется по происхождению, по крови, по расе»[503]. В подтверждение этого тезиса он приводит в пример «монголов», подразумевая татаро - монголов, которые, являясь, по его мнению, «самыми грубыми по нравственным качествам, исповедуют и самую грубую религию». Их «ислам», по мнению Меньшикова, хотя и имеет идею о едином Боге, но идея эта «крайне искаженная, измененная в своей сущности и имеющая кровавую подкладку животности»[504].

В самом начале своей публицистической карьеры Меньшиков уже задается вопросом, какими средствами можно решить в России национальные проблемы, чтобы создать единую нацию – «единое тело и одну душу». Он выделяет два основных метода – широкое равноправие всем национальностям или ассимиляцию. При этом замечает, что равноправие уже в истории России метод испытанный и не давший «благих» результатов. В результате такой политики, по мнению Меньшикова «наши культурные инородцы не только остались теми же, что и были, но еще более обособились в своем местно-племенном сознании да

[501] Крижановский Н. И. Указ. соч. С. 20.
[502] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 2. Л. 47 об.
[503] Там же. Д. 3. Л. 19 об.
[504] Там же.

сверх того проявили попытки хищнической эксплуатации коренного русского населения или тех государственных богатств, которые добыты жертвами только русского народа»[505]. Эту мысль позднее Меньшиков будет развивать на страницах «Нового времени», она же станет одним из лейтмотивов идеологии «Всероссийского национального союза», одним из учредителей которого Меньшиков выступит в 1908 г. Члены ВНС и в Думе, и на страницах прессы будут стремиться развивать теорию о том, что «окраины процветают за счет центра»[506].

«Нигде на свете инородцам не было предоставлено столько выгод, сколько у нас, – писал Меньшиков (публицист народнической «Недели») в конце 1890 года, – и после долгого опыта эту систему следует признать просто вредною. Широкая терпимость, равноправность, свободная конкуренция, уважение к высшей культуре – все это прекрасно, но за всем этим скрывается стремление поживиться за наш народный счет, взять гораздо больше, нежели могут и хотят возвратить за взятое. Нам предлагают "терпимость" в виде бесконечного "терпения" без права вступиться за явно - нарушаемые наши выгоды, говорят о "равных правах", умалчивая, что не существует и не может быть равенства обязанностей – этой основы прав – между русскими и инородцами. Говорят о свободной конкуренции, точно возможно "свободное" соперничество между гораздо - сильнейшим в культурном и расовом смысле инородцем-хищником и благодушным полуварваром-русским! Говорят, наконец, об уважении к высшей культуре, но никто себе не враг, и мы, русские, никогда не переставали уважать в западной культуре то, что для нас было полезно, и если начинаем восставать против иноземцев, то лишь против несомненно вредных для нас (выделено у автора) сторон их влияния. Для чего смешивать цивилизацию Европы с инородческим вопросом? Надеемся, евреи, немцы, финляндцы и пр., живые теперешние поколения их – не они создали европейскую цивилизацию, а восприняли с прежних поколений, т. е. из тех же источников, как и мы сами. Мы,

[505] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 23. Л. 6 об. – 7.
[506] Санькова С. М. Русская партия в России. Указ. изд. С. 135.

русские, тоже начинаем сознавать себя как национальность – вот простая и естественная причина перемены наших отношений к притязаниям инородцев»[507]. В этих рассуждениях уже проступает будущий национализм Меньшикова периода «Нового времени».

Примечательно, что в записных книжках практически не встречается «еврейская тематика». В 1879 г., размышляя о сущности морали, Меньшиков обронил на страницах записных книжек замечание «во всем виноваты евреи», имея в виду, что именно от них пошло христианство[508]. В 1890 году Меньшиков задался вопросом, существует ли «гонение» на евреев в России, и сам на него ответил следующим образом: «Говорят – за границей в особенности и у нас в некоторых кругах, что оно существует, что евреев преследуют за их веру, за их кровь. Нам кажется все это совершенно неправдой. Что известная часть печати ведет себя неприлично в отношении евреев – это верно, но выходки «Гражданина» всегда обезвреживаются проникающею их глупостью и потому не опасны, и это еще не есть гонение. Другая часть печати ведет в более приличном тоне полемику против еврейства, но во имя свободы мнений нельзя никому отказать в праве выражать их, и пока они не перешли в поступки – гонения нет налицо. Администрация выдворяет евреев на место жительства – это похоже не на гонение, а на изгнание, причем администрация осуществляет старинный закон и нового не вводит»[509]. Таким образом, Меньшиков, хотя и не признает несправедливым закон о черте оседлости, в целом никакого антисемитизма на страницах своих записных книжек не проявляет.

При этом вопрос о гонениях на евреев Меньшиков периода «Недели» рассматривал не изолированно, а в комплексе с так называемым «инородческим вопросом» в целом. Этот вопрос, по мнению начинающего публициста, «не расовый и не религиозный, как ложно утверждают защищающие инородцев газеты, а исключительно политический и экономический». Придавая же этому вопросу «не существующую племенную окраску и религиозную», газеты, как

[507] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 23. Л. 7 – 7 об.
[508] Там же. Д. 6. Л. 131 об.
[509] Там же. Д. 25. Л. 28.

замечал Меньшиков, «делают подтасовку терминов», извращающую саму суть вопроса. «Если бы на евреев, финляндцев, немцев и т.д. было поднято в печати и обществе племенное и религиозное гонение, – пишет Меньшиков, – это было бы действительно крайне печально, и мы первые присоединились бы к протесту против взрыва варварства и дурных, ничем не оправданных инстинктов. Но такого гонения нет и не было, и возбудить его в наш век просто невозможно: слишком изменились для этого нравы, слишком присмотрелись друг к другу и сблизились культурно все племена Европы и слишком охладела религиозная нетерпимость во всех слоях. Если и замечается племенная нетерпимость, то она обнаруживается уже не со стороны варваров, а со стороны наиболее культурных народов: их гордость своею цивилизацией доходит часто до надменности и презрения к быту менее просвещенных слоев. Русский народ по простой причине нельзя упрекнуть в этого рода нетерпимости; мы страдаем скорее обратным недугом – излишеством благоговения перед чужой культурой и склонностью не считать собственную духовную личность ни во что. Если еще народ у нас довольно однороден, то интеллигенция чрезвычайно изобилует инородческими примесями: из всего огромного состава русского дворянства всего около полусотни родов чисто русского корня, более 1/3 немецких фамилий встречается в составе высшей военной администрации и т.д.»[510].

А ведь именно антисемитские выступления Меньшикова в «Новом времени» будут вызывать наиболее резкую критику и неприятие со стороны либеральной общественности и публицистики. Наиболее резко данная критика была представлена в книге Н. Я. Абрамовича с красноречивым названием «"Новое время" и соблазненные младенцы». Автор полагал, что, работая в «Новом времени», Меньшиков взялся за «подряд националистических, юдофобских и общереакционных статей», вовсе не исходя из собственных взглядов, а лишь старательно исполняя «заказ». Именно в этом Абрамович видел причину некоторых колебаний и своеобразных лирических отступлений в общем курсе его статей к «своему розовенькому прошлому» с «маленькими

[510] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 25. Л. 28 – 29 .

компиляционными философским темами» и «благодушным морализированием»[511]. Исходя из вышеприведенного мнения Меньшикова по инородческому вопросу, можно согласиться с позицией Абрамовича.

В целом националистические взгляды Меньшикова периода «Нового времени» получили достаточно широкое освещение в отечественной историографии[512], в определении Меньшикова как националиста сходятся как критики, так и сторонники его взглядов. В этой связи особую ценность, на наш взгляд, представляют размышления Меньшикова по национальному вопросу последних лет его жизни, когда он был отстранен от работы в «Новом времени», где, по его собственному признанию, не имел «надлежащей свободы». Он вновь начинает активно вести дневник, пытаясь «быть свободным, поскольку это от меня зависит»[513].

После февральской революции Меньшиков начал связывать национализм с монархической формой правления, полагая, что первый возник не без влияния последнего. «На почве монархической идеологии, – писал он в августе 1917 г., – возник психоз национальных величий и маниакальных претензий, заставивших народы грызть друг друга, как грызутся собаки»[514]. Это давало Меньшикову дополнительные аргументы в пользу предположения, что монархия исторически уже отжила свое окончательно.

Уже после Октябрьской революции в 1918 г. Меньшиков вновь возвращается к теме национализма и монархии: «Царю вручена была не какая-либо иная, а национальная шапка, символ единства и могущества народа»[515]. И добровольный отказ монарха от власти расценивался публицистом именно как кризис и нации, и монархии.

Рассматривая худший вариант развития событий в ходе войны, Меньшиков полагал, что России необходимо будет примириться с потерей части ее

---

[511] Абрамович Н. Я. «Новое время» и соблазненные младенцы. Пг., 1916. С. 29.
[512] Коцюбинский Д. А. Указ. соч.; Санькова С. М. Два лица «Нового времени». Указ. изд.; Санькова С. М. Русская партия в России. Указ. изд.; Стукалов П. Б. Указ. соч.; Шлемин П.И. Права человека в современном мире. Указ. изд.
[513] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 41. Л. 1.
[514] Там же. Л. 12.
[515] М.О. Меньшиков. Материалы к биографии. Указ. изд. С. 117.

территорий, «как приходилось примиряться всем побежденным народам». Меньшиков совершенно по-новому смотрит на вопрос о русских окраинах. Если в период третьеиюньской ситемы он полностью разделял точку зрения Всероссийского национального союза на недопустимость отделения какой-либо из территорий от Российской империи, то теперь наедине сам с собой он утверждал, что «значительная часть наших территорий – Польша, Курляндия, Литва, Лифляндия, Финляндия – никогда не были русскими по божескому праву и самоопределению народностей», а значит, «потерять их все равно, что потерять несправедливые приобретения». Признавая, что «инородные окраины приносили некоторую выгоду», Меньшиков полагал, что гораздо больше от них было зла: «Они вводили в организм слабой государственности посторонние, явно - неперевариморые тела. Основная сила народная истощалась на ассимиляцию враждебных ей элементов… Мы не умели и не могли цивилизовать завоеванные народности и спаяться с ними идейными, неразрывными узлами. Окраины, теперь отпадающие, служили лишь для бутафорского величия, как тяжелый шлейф императорской порфиры. Народ русский почувствует облегчение, освободив себя от внутренних врагов, которых он не сумел за сотни лет превратить в друзей»[516].

Меньшиков даже готов был принять и потерю исконно - русских земель, которые, по его мнению, зато превратились бы в «филиальные отделения у враждебных соседей» и своеобразный «дар Данайцев»[517]. «Пусть гибнет империя российская, – восклицает Меньшиков, – если ее бытие было искусственно и для своей защиты требовало гибели народной. Россия не погибнет окончательно, даже расчлененная и завоеванная, – она возродится, как под татарским и литовским игом, и вновь соединится в тот момент, когда это единение назреет. Не единение составляет святыню национальности, а нечто другое. Разъединенные греки и латины древности развили могучую цивилизацию, а объединенные в одно царство, обессилели и сделались добычей соседей. Объединенные монголами Индия и Китай не сделались от того счастливее и сильнее. Объединенная Россия

[516] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 41. Л. 17 об.
[517] Там же. Л. 18.

не сумела и двух столетий удержаться от глубокой отсталости и упадка, а разъединенная Англия, Соединенные Штаты, Германия расцвели чудесно. Вот почему вздыхать о прежней, централизованной России не приходится»[518]. Меньшиков уже не готов поддерживать право - националистический лозунг «единая и неделимая», напротив, он полагает, что будущее России исключительно за федеративным устройством. «Федерация, т.е. автономия областей и народностей России, освободила бы нас внутренне друг от друга и, заставив работать самостоятельно, развила бы огромную внутреннюю энергию. Вот это нужно спасать, как дар Феникса, возникающего из пепла. На этот путь следует смотреть как на спасительный. пример Соединенных Штатов, как и всех цветущих федераций на земле, доказывает, что в известном разъединении сила, как и в известном единении»[519].

Далее Меньшиков пускается в рассуждения с использованием своего излюбленного биологизаторского подхода, сравнивая государство с организмом: "Чтобы народ был живым телом, нужна автономия отдельных органов. Пугаться всякого различия не следует, нужно добиваться его, если с ним связана какая-нибудь национальная функция исключительной силы. Надо не забывать основной закон: национализм есть (суть) индивидуальность расы и тот способ, которым природа достигает своих специальных целей. Высшей целью национализма является не бессмысленная борьба с другими племенами, а выработка в себе наивысших особенностей и дарований, которыми мы можем быть полезны человечеству (выделено у автора). Вот какую "народность" нужно спасать в России. Не господствующую в ущерб другим, а господствующую внутри себя, свободную от чужих засилий, способную развить максимум благородной и производительной энергии в обмен на такую же энергию сожительствующих народностей»[520].

Далее Меньшиков вступает в мысленную полемику со славянофилами, которые, по его мнению, настаивали бы на необходимости «спасать русское

[518] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп.1. Д. 41. Л. 20 – 20 об.
[519] Там же. Л. 20 об.
[520] Там же.

племя, как владыку народов империи». Однако публицист уже с полной уверенностью, как свершившийся факт, признает, что «владычество, основанное на силе, рухнуло» и «не только трудно возвратимо, но и нежелательно». В новой ситуации, по его мнению, государство возможно было бы строить на «интеллектуальном и нравственном владычестве русского племени», но оно пока не достижимо. «Путь нашего спасения в том, – рассуждал Меньшиков, – чтобы честно и нелицемерно призвать простой народ русский к упорному труду, организованному высшей научной техникой, призвать к общечеловеческим идеалам. В мере сил, вложенных в нас природой, возможны высокие достижения, и от высоты их зависит моральное господство в семье народов»[521].

Отказываясь от националистических идей, которые, по его мнению, лежали в основе разразившейся мировой войны, Меньшиков шел дальше и уже мечтал о слиянии всех наций в одно мировое сообщество. «Давайте соединимся в общее мировое отечество!.. – мысленно призывал он. – Учредим мировой парламент, который одно трехлетие собирался бы в Берлине, другое – в Париже, третье – в Лондоне, четвертое – в Москве и т.д. Мир миров – во что бы ни стало!»[522]. К этой идее он будет возвращаться не раз в течение 1917 – 1918 гг. Причем идеи национального объединения народов соседствуют в его рассуждениях с идеями социалистическими. (Во второй главе мы уже отмечали попытки Меньшикова прийти к внутреннему примирению с социализмом.) За пять дней до Октябрьской революции 1917 г. отставной публицист полагал необходимым «всемерно добиваться двух вещей: слияния народов в одну человеческую семью и обобществления труда» (выделено у автора). Оба процесса, по его мнению, уже «идут, но они нуждаются в том, чтобы подтолкнуть их с возможной силой». Роль такого «точка» Меньшиков предположительно отводил разразившейся мировой войне, которая должна показать «народам возможность в современных условиях столь опасного спорта, какова борьба вооруженных народов», и в то же время

[521] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 41. Л. 20 об.
[522] Там же. Л. 5 об.

убедить в необходимости «серьезно перестроить внутренний строй народов на основах гармонии и справедливости»[523].

Вновь прибегая к биологическим аналогиям, Меньшиков сравнивал «психологию войны» с «физиологическими позывами – голодом или половым чувством». Он полагал, что «культура умирять страсти» дает возможность «правильно удовлетворять физиологические потребности и не доводить, например, голода или полового желания до ярости». И совершавшаяся на глазах Меньшикова война доказывала, по его мнению, «что человечество еще недостаточно культурно, чтобы правильно насыщать свои аппетиты точно согласованным обменом энергий». Меньшиков уверял, что «войны можно (и, следовательно, должно) избегать усиленным смешением народностей и усиленной торговлей». Выстраивая своеобразную интернациональную утопию, он писал: «Единственный способ совсем избежать горных обвалов – это уравнивание гор. Правильно перемешанное человечество утратит национальные импульсы и всякое чувство жадности одного племени к другому, верьте, это чувство распылится и будет предоставлено индивидуальному удовлетворению. В сущности, во всякой нации, во всяком обществе и семье идет племенная борьба. Даже ссоры мужей и жен или родных братьев нужно объяснять разностью крови, различием человеческого типа. Но такая дифференциальная борьба неизбежна и может быть желательна для дальнейшей эволюции нашей породы. Она умеряется культурным воспитанием и последовательной аристократизацией народных масс»[524].

Возвращаясь уже в 1918 году к идее объединения наций, Меньшиков давал ей уже химическое толкование: «Война – это нейтрализация национальностей, проникновение их друг в друга и окончательное погашение. До тех пор, пока сода, кислота, негашеная известь, вода и пр. будут фабриковаться природой, они при столкновении будут шипеть, бурлить, нагреваться до взрыва и т. п. Настал

[523] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 41. Л. 21.
[524] Там же. Л. 22.

момент окончательного (благодаря пробившимся путям) смешения, и налицо – мировая война. В нашу сторону, как слабой соды, процесс почти закончился»[525].

Меньшикову даже в чем-то импонировала идея мировой революции с целью достижения мира между народами путем повсеместного изменения политического строя. «Итак, – восклицал он, – всемирная республика! Да здравствует всемирная республика и да будет проклята всякая национальная война! В общей человеческой семье да будут признаны и терпимы все национальные особенности, начиная с цвета кожи, одно лишь да не будет признано: заговор какой-нибудь кучки против всех или не всех. Да будет столько оттенков кожи, языка, веры, обычаев и законов, сколько потребует природа, но лишь бы они пользовались общей терпимостью, а не дрались меж собой. Что касается языка, да здравствуют все языки, способные быть полезными для общения людей, и если полезен был бы кроме отдельных и один мировой язык, почему не решить этого полюбовно? Только три языка белой расы борются за свое первенство: английский, немецкий и французский. Бросьте жребий и объявите на ближайшее столетие общим мировым языком тот, которому выходит № 1-й. А потом увидим, заслуживает ли этот язык и реального первенства на земле. Предоставим же и потомству что-нибудь делать! Ведь мы проходим как день и ночь и имеем право решать лишь свои удобства». Признавая, что это «было бы слишком умно и великодушно, чтобы осуществиться», Меньшиков тем не менее уверял себя, что «примкнул бы к такому решению от всего сердца»[526].

Немногим ранее Меньшиков записал: «Мы еще во власти невежественных суеверий, и все еще немец кичится тем, что он немец, а индусу хочется быть индусом. Но это быстро проходит. Суеверие национальности пройдет, когда все узнают, что они – смесь, амальгама разных пород, и когда убедятся, что национализм – переходная ступень для мирового человеческого типа – культурного. Все цветы – цветы, но высшей гордостью и высшей прелестью является то, чтобы василек не притязал быть розой, а достигал бы своей

[525] М.О. Меньшиков. Материалы к биографии. Указ. изд. С. 66.
[526] Там же. С. 143.

законченности. Цветы не дерутся между собою, а мирно дополняют друг друга, служа гармонии форм и красок. – Вы проповедуете добровольное подчинение! – Да, но не прежде, чем мы испытали борьбу. Борьба, поймите вы, закончена. Она оказалась для нас непосильной. Остается признать факт и начинать новый вид существования сообразно с новыми условиями»[527].

Осмыслял Меньшиков процесс объединения наций и как результат Божьего промысла, и одновременно как закономерный этап эволюции человечества: «Не может быть, чтобы творчество Божие остановилось в международной жизни: через катастрофу мировую нечто создается, как в яйце, которое начинает сегментоваться. Старого яйца и его сегментаций (национальностей) не будет, будут особые ткани и органы тела человечества, объемлющего землю»[528].

Ожидая немецкой оккупации и мысленно готовясь к ней, Меньшиков полагал, что его публицистический талант сможет пригодиться для пропаганды «нового приспособления к жизни, пропаганды симбиоза национальностей внутри государственных границ, почти уже ненужных»[529]. К этому времени Меньшиков окончательно убедил себя, что «координаты новой жизни» состоят в нежелании «народных масс» иметь классовое и национальное «разделения»[530].

Данные рассуждения Меньшикова, как бы неожиданны они ни были для «певца черной сотни», отнюдь не явились чем-то новым в его мировоззрении. Еще в 1882 – 1883 гг. Меньшиков уже приходил к идее мирового государства как единого организма, рассматривая этот процесс неизбежным с с точки зрения мировой эволюции: «Закон интеграции человеческих личностей в единый общий организм яснее выражается при каждом новом шаге культуры. Сфера единичной воли и единичного движения все суживается… Передвижения отдельных личностей только кажутся отдельными, но между тем они составляют такие же потоки, течения в государственном теле, какие бывают в обыкновенном теле. Явления космоса в громадном виде и здесь. Существование классов общества, капиталов, званий, должностей совершенно напоминает дифференциальные

[527] М.О. Меньшиков. Материалы к биографии. Указ. изд. С. 9.
[528] Там же. С. 128.
[529] Там же. С. 12.
[530] Там же. С. 13.

клетки организма для отдельных целей. Так как растения и животные вырабатывают себе уже общие органы питания, общий рот и желудок, то они суть более совершенные организмы, чем человеческое общество, но в тенденции последнего именно лежит задача выработать общий желудок. А если общий желудок, то не общий ли и мозг, идеальное правительство? Артерии и нервы этого громадного организма уже готовы: железные дороги и телеграфы»[531]. Даже идея о всемирном языке уже высказывалась Меньшиковым – начинающим публицистом: «Дожидаться, пока человечество перемешается, что образует общий язык, – это слишком долго. Отчего не попытаться устроить общий письменный язык? Что такое язык вообще на бумаге? Как на бумаге, так и в живой речи язык – только символ, простой язык мысли. Мысль же по существу своему одна для всего человечества… Язык не настолько многосложен, чтобы запоминание смыслов его было уж чересчур трудно… Не стоит ли подыскать подходящей системы для международного письменного языка? Предположим, что задача решена. Я вижу перед глазами: какие-то каракули напечатаны в Париже, Лондоне, Вене, Китае, Багдаде. И я понимаю, о чем идет речь. Вот какою должна быть новая письменная речь…»[532].

Оказавшись с семьей на грани голодной смерти, Меньшиков готов был отказаться и от собственной русской национальности, задним числом сожалея, что родители его не были «на высоте исторического сознания» и не уехали в Америку или в Австралию. «Вы скажете: пришлось бы переменить подданство, язык, национальность, – предполагал он по журналистской привычке возражения читателей. – Да, и это делают без большого труда все переселяющиеся эмигранты. Ведь все это не более, как белье или костюм, которые можно снять и надеть. Франклин был благороднейшим из англичан, и он сделался американцем. Ничего не было бы зазорного, если бы он сделался французом, буде условия французской жизни показались бы наилучшими. Не человек для субботы, а суббота для человека. Не национальность, а счастье – лозунг, который должен управлять

[531] ЦХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 12. Л. 68 – 68 об.
[532] Там же. Д. 14. Л. 117 – 118.

выбором местожительства»[533]. Перебраться Меньшиков мечтал именно в Новый свет, так как «европейцы вовремя не справились с опасностью национализма» и участь их, по мнению публициста, та же, «что варварских племен Кавказа, Албании, американских, австралийских, африканских дикарей: взаимное истребление»[534].

Таким образом, Меньшикова нельзя позиционировать как идейного националиста, так как до момента перехода в достаточно проправительственное «Новое время» он придерживался в этом вопросе весьма умеренных взглядов. На страницах дневников Меньшикова 1917 – 1918 гг., когда он был отстранен от работы в газете и, по его же собственному признанию, наконец смог писать свободно, мы находим почти полную противоположность тому национализму, который Меньшиков исповедовал в «Новом времени». Нам представляется, что достаточно радикальные националистические взгляды Меньшикова, особенно в отношении евреев (что нагляднее всего проявилось в его выступлениях по поводу «дела Бейлиса»[535]), во многом были вызваны правительственной политикой в отношении «инородцев», выразителем которой публицист выступал. Именно востребованность властью, по нашему мнению, была основной причиной националистических выступлений Меньшикова.

---

[533] М.О. Меньшиков. Материалы к биографии. Указ. изд. С. 89.
[534] Там же. С. 100.
[535] Санькова С. М. М. О. Меньшиков и дело Бейлиса: к вопросу о влиянии периодической печати на ход судебного процесса // История государства и права. 2008. № 19. С. 22 – 23.

Заключение

В данном диссертационном исследовании на основе привлечения новых источников, большинство из которых вводится в научный оборот впервые, предпринята попытка воссоздания основных, ранее не известных моментов жизни и творчества М.О. Меньшикова. Проведен анализ формирования его философских, религиозно-этических и национальных взглядов раннего периода жизни.

На основе проведенного исследования можно сделать вывод о том, что детские и юношеские годы М. О. Меньшикова прошли в непростой семейной, материальной и духовно-нравственной обстановке. Данная обстановка на всю оставшуюся жизнь сформировала в нем те черты характера, которые проявлялись в дальнейшем. Стесненность семьи в финансовом положении сформировала в нем бережливость и желание всеми способами улучшить свое материальное положение. Это желание в какой-то степени поможет ему в дальнейшем стать известным публицистом и получать за свои статьи значительные гонорары, однако, как свидетельствуют дневниковые записи, данные статьи будут носить характер заказных. Религиозное воспитание матери и постоянное сравнение христианских догматов с реальной жизнью заложили в публицисте на всю жизнь сомнения в вере и постоянное искание своего Бога. Детская обида Меньшикова на свою мать, которая, по его словам, уделяла больше времени его брату Леониду, сформирует в нем постоянное ощущение того, что он не нравится женщинам, и желание постоянного внимания со стороны противоположного пола. Это в целом сказалось на внутренней неуверенности Меньшикова и в остальных сферах жизни.

Меньшиков всегда хотел пользоваться популярностью у женщин, но постоянно сомневался в своей внешней привлекательности и в этом видел трудности в создании собственной семьи. Он не верил, что его можно искренне полюбить. Однако на самом деле дела обстояли иначе. Меньшиков любил женщин, и они отвечали ему взаимностью. Однако публицист чувствовал

потребность не столько в физических отношениях, сколько в духовных. Именно о таких отношениях он мечтал. После первого серьезного романа у Меньшикова начинает формироваться негативное отношение к любви как страсти, и он выдвигает в качестве наилучшего образа семейной жизни любовь-дружбу. У Меньшикова на протяжении всей жизни было много романов, но в связи с высокими духовными требованиями к своим избранницам ему не удавалось создать семью. Только приближаясь к концу своего жизненного пути, он смог найти того человека, который был ему близок духовно, и создать семью.

Непростая личная жизнь и детство Меньшикова отразились и на его публицистике. В начале своего литературного пути, еще будучи в Кронштадтском морском техническом училище, он пробует себя в художественном описании природы, своих товарищей, начальства. В то же время публицист следит за периодическими изданиями, пытается пробовать себя в роли литературного критика и задумывается о написании серьезной статьи. Он желает быть незаурядным писателем, который не будет связан цензурой. Данное желание публицист рассматривает как вид своеобразного отдыха. На фоне Балканской войны Меньшиков начинает мечтать сделаться публицистом всех славянских народов и выучить их языки. В этом желании начинали проглядываться ростки его националистических идей. На последнем курсе училища Меньшиков пробует себя в роли автора и редактора ученической газеты. Исполнять данные обязанности он старался со всей серьезностью и был доволен собой. В данный период времени Меньшиков начинает писать свою первую серьезную публицистическую работу под названием «По портам Европы». В 1879 году Меньшиков получает слова поддержки о своей публицистической деятельности и уже ставит себе серьезные литературные задачи. Но, несмотря на одобрение и похвалу своих литературных способностей он снова и снова сомневается в них. Следует отметить, что публицистический успех его волновал не столько как способ самовыражения, сколько как способ улучшить свое материальное положение и добиться положения в обществе. Уже работая в печати и получив определенное признание, Меньшиков все еще сомневается в правильности

выбранного пути, в своих способностях быть хорошим публицистом из-за недостатка образования и природных качеств. Его постоянно мучил вопрос о нравственной ответственности перед своими читателями. Он мечтает заняться более серьезной литературной работой, которую вскоре и получает, начиная свое сотрудничество с «Неделей». Постоянно сомневаясь в своих писательских способностях, Меньшиков периодически строит планы по созданию различных изданий. Заметим, что до 1891 года он не подписывал свои статьи, а в конце этого года он впервые увидел свое имя под серьезной статьей, тем самым добился своей мечты сделаться писателем. В то же время он ставит себе более сложную задачу – сделать свое имя известным. Для этого он не только продолжает работать, но и определяет себе круг людей, с которыми необходимо завести знакомство, собирает отзывы о своих статьях знаменитых людей того времени. В конечном счете популярность Меньшикова стала приносить ему неплохой доход.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что характерной чертой дневниковых записей Меньшикова является подробный разбор своей внутренней жизни. В своих дневниках публицист большое внимание уделял чертам своего характера, анализируя, какие достались ему от его предков, какие сформировались под воздействием обстоятельств. При скрупулезном разборе того «наследства», которое ему досталось от родителей, он приходит к неутешительному выводу, отмечая те черты характера, которые мешают ему самореализовываться. В ранний период жизни Меньшиков находится в смятении, осознавая, что вся ответственность за его будущее лежит целиком на нем самом. На страницах записных книжек периода учебы в техническом училище встречается много размышлений о смерти (часто в форме стихов). Данные размышления в основном связаны с серьезными проблемами со здоровьем. В дневниках раннего периода постоянно встречаются заметки о недовольстве своим социальным происхождением, которое мешает ему в реализации своих планов. Он осознавал, что даже военная служба не давала ему хорошей перспективы. В душе Меньшиков постоянно мечтал достичь высокого положения в обществе.

Критически относясь к себе в юношеском возрасте, Меньшиков приходит к выводу о том, что самый большой вред нанес он себе сам. Публицист много пишет о своем одиночестве, о недостатке своего воспитания. Меньшиков постоянно размышляет над проблемой отсутствия хорошего дохода и выискивает различные пути улучшения своего материального положения. Такое положение дел не могло радовать Меньшикова, и в 19 лет молодой человек, с множеством внешних, а самое главное – внутренних проблем начинает строить свою «программу жизни». В ней он ставит первостепенную задачу – добиться более высокого социального положения по сравнению с тем, которое он имел. Находясь перед выбором – трудиться на благо общества или на благо семьи (совместить и то, и другое на тот момент он считал непосильной задачей), Меньшиков выбирает труд ради обеспечения будущей семьи. Публицист в присущей ему манере рассчитывает, каким образом он способен достичь поставленных целей.

Размышляя над своим характером, Меньшиков одной из причин «дурной стороны» называет «отчуждение от общества и в особенности общества женщин». Однако, как показывают дневниковые записи, он всегда был окружен женщинами и пользовался у них успехом. В Меньшикове постоянно была внутренняя неуверенность, шла борьба между внутренними идеалами и недостатком сил и воли следовать им. Также он сомневался в своих умственных способностях и чувствовал недостаточность образования.

Увольнение с военной службы Меньшиков характеризовал как перелом судьбы, которого уже давно ждал. Послее увольнения он полностью посвятил себя литературной деятельности, которая стала приносить ему хороший доход, и он был удовлетворен своим материальным положением.

Перешагнув тридцатилетний рубеж, Меньшиков уже не так критично относится к своему интеллектуальному уровню. В то же время он все еще не вполне доволен своим интеллектуальным развитием. Причины недостаточного интеллектуального роста он усматривал в нерациональном расходовании времени.

До настоящего времени неизвестной стороной творческой деятельности Меньшикова является его склонность к философствованию. В своих статьях он практически не касается вопросов философии, в отличие от дневниковых записей. Не имея гуманитарного образования, Меньшиков самостоятельно знакомится с трудами отечественных и зарубежных философов и по-своему осмысливает их идеи. На страницах своих дневников Меньшиков выстраивает и собственное понимание Бога. Меньшиков постоянно метался между «верю» и «не верю». С детских лет он начал сомневаться в существовании Бога. Та религиозность, которую пыталась воспитать в своих детях мать, постепенно исчезла при каждодневном сравнении догматов веры с обыденной жизнью. Несправедливость, которая окружала Меньшикова, приводила к сомнениям в существовании Бога.

Уже в 16 лет размышляет он над сущностью человеческого существования. Уже в этот период для него творцом является не Бог, а природа, что свидетельствует о его отходе от христианского миросозерцания в сторону пантеизма. Симптоматично, что в это время Меньшиков пишет наброски к повести, где главный герой ненавидит Бога. Далее Меньшиков рассуждает о религии как о слабой, неестественной вещи и вновь полностью отвергает ее.

В вопросах свободы человека и его жизни Меньшиков выделяет три главных момента: «рождение, максимум развития и смерть». Первое он считал самым главным, что лишний раз показывает, какое значение Меньшиков придавал врожденным задаткам. Далее он определяет и основной закон философии, который заключается в признании или отрицании в человеке кроме физической еще и духовной стороны его сущности. Данный вопрос он решает для себя с материальной точки зрения, отвергая духовную. Плодом данных размышлений Меньшикова явился философский очерк под названием «Миросозерцание».

Одним из важных вопросов ранней публицистической деятельности Меньшикова является семейный вопрос. Этому вопросу он уделяет большое внимание, так как сам имел непростой жизненный опыт. Рассуждая о семье, публицист выступал с резкой критикой городской семьи, пытаясь при этом

создать образ идеальной семьи, какой она ему представлялась. В своих построениях он опирается на церковные, философские и литературные источники. Супружеская любовь, по его мнению, должна быть основана не столько на телесной, сколько на духовной потребности. Меньшиков осуждает браки как по расчету, так и основанные на половой любви. Он видит счастливый брак, основанный на высшей нравственности. В конце жизни он вновь обращается к проблеме брака, при этом подкрепляя его духовную основу уже религиозной верой, к которой он в этот период вновь стал склоняться. Можно сделать вывод, что в вопросах семьи и брака Меньшиков остался верен себе до конца.

Обращаясь к национальному вопросу, можно констатировать, что Меньшикова нельзя позиционировать как идейного националиста, так как до момента перехода в достаточно проправительственное «Новое время» он придерживался в этом вопросе весьма умеренных взглядов. На страницах дневников Меньшикова 1917 – 1918 гг., когда он был отстранен от работы в газете и, по его же собственному признанию, наконец смог писать свободно, мы находим почти полную противоположность тому национализму, который Меньшиков исповедовал в «Новом времени». Нам представляется, что достаточно радикальные националистические взгляды Меньшикова, особенно в отношении евреев, которые он высказывал на страницах «Нового времени», во многом были вызваны правительственной политикой в отношении «инородцев», выразителем которой публицист выступал. Именно востребованность властью, по нашему мнению, была основной причиной националистических выступлений Меньшикова.

Подводя итог данному исследованию можно отметить, что Меньшикова следует рассматривать не столько как самостоятельного мыслителя, сколько как человека умеющего почувствовать и довольно точно отразить настроения определенной части общества – читающей публики. И в этом основное значение его публицистики для исторической науки. Меньшиков в своей публицистике всегда ориентировался на взгляды круга читателей того издания, в котором

сотрудничал. Можно говорить, что в период сотрудничества в «Неделе» взгляды Меньшикова совпадали с направлением журнала, но точнее будет полагать, что, рассматривая этого издание в качестве подходящего трамплина для карьеры на литературно-публицистическом поприще, Меньшиков соотносил свою позицию с возможной реакцией потенциальных читателей.

Переход Меньшикова в «Новое время» был так же обусловлен в первую очередь стремлением упрочить свое положение как публициста и получить возможно больший круг читателей. Для достижения этой цели Меньшиков был готов стать выразителем более консервативных и националистически ориентированных взглядов.

В то же время воссоздание биографии и раннего периода творчества Меньшикова в комплексе с анализом его взглядов периода сотрудничества в «Новом времени» и дневниковыми записями последних лет жизни, показывают, что Меньшиков все же имел собственную систему ценностей и собственное мировоззрение, которое всегда оставалось лишь для «внутреннего употребления». Это объясняет тот факт, что после революций 1917 г. Меньшиков почти дословно повторяет идеи, которые он излагал в своих записных книжках в 80 – 90-е гг. XIX в. В частности, несмотря на то, что, если судить по статьям Меньшикова, период увлечения Толстым сменился резкой критикой его взглядов, в дневниковых записях, высказываясь о вопросах семьи и брака, публицист всегда был близок к толстовству. То же можно сказать и об отношении Меньшикова к личности Христа, которого он подобно Толстому рассматривал не как Бога, а как выдающегося проповедника.

Воссоздание условий, в которых проходили детство и юность Меньшикова, в комплексе с исследованием его дневников раннего периода творчества позволяют так же проследить истоки биологизаторского подхода Меньшикова к социальным явлениям, которые отразились и в его национализме периода сотрудничества в «Новом времени».

Список использованных источников

1 Архивные материалы

Центр хранения дел личных собраний Москвы (ЦХДЛСМ).

Ф. 202. Михаил Осипович Меньшиков. Оп. 1

1 Д. 1. Памятная книжка Леонида и Михаила Меньшиковых: дневниковые записи, литературные наброски, стихи М.О. Меньшикова. Л. 1 – 106. 1872 – 1880 гг.

2 Д. 2. Записная, памятная и справочная книжка на 1877 – 1878 гг. М. Меньшикова. Деловые записи, очерки, стихи. Л. 1 – 129. Сентябрь 1877 г. – апрель 1879 г.

3 Д. 3. Записная книжка: дневниковые записи, путевые заметки о плавании вокруг Европы. Л. 1 – 200. 16 октября 1877 г. – 10 мая 1880 г.

4 Д. 4. Записная книжка: дневниковые записи, путевые заметки о плавании на фрегате «Князь Пожарский» в Англию и Францию. Л. 1 – 32. Май 1878 г. – май 1885 г.

5 Д. 5. Записная книжка: дневниковые записи, путевые заметки о плавании на фрегате «Князь Пожарский» во Францию и Германию, Данию. Л. 1 – 91. Июль – октябрь 1878 г.

6 Д. 6. Записная книжка: дневниковые записи, путевые заметки о плавании на фрегате «Князь Пожарский» в Грецию, Италию, Турцию. Л. 1–141. Февраль – сентябрь 1879 г.

7 Д. 7. Записная книжка: дневниковые записи, стихи. Л. 1 – 36. 22 октября – 26 апреля 1881 г.

8 Д. 8. Записная книжка: дневниковые записи. Л. 1 – 21. 1 января – 15 апреля 1881 г.

9 Д. 10. Записная книжка: дневниковые записи. Л. 1–16. 29 октября 1881 г. – 15 апреля 1882 г.

10 Д. 11. Записная книжка: дневниковые записи, очерки, рассказы, стихи. Л. 1 – 126. Октябрь 1881 г. – 10 июля 1882 г.

11 Д. 12. Записная книжка: дневниковые записи, очерки, рассказы. Л. 1 – 174. 22 июля 1882 г. – 1 февраля 1883 г.

12 Д. 13. «Воспоминания и думы», дневниковые записи. Л. 1 – 119. 23 февраля – 25 июня 1883 г.

13 Д. 14. «Походная книжка М.О. Меньшикова», путевые заметки о плавании на канонерской лодке «Вихрь» по Ревельскому заливу и в Италию. Л. 1 – 127. Май – ноябрь 1883 г.

14 Д. 15. «Думы»: дневниковые записи, путевые заметки о плавании на лодке «Вихрь» по Ревельскому заливу. Л. 1 – 77. Июль – ноябрь 1883 г.

15 Д. 16. Записная книжка: дневниковые записи, очерки. Л. 1 – 122. 2 декабря 1883 г. – 1 января 1886 г.

16 Д. 17. Записная книжка: дневниковые записи, очерки. Л. 1 – 26. 14 апреля 1884 г. – 29 июня 1887 г.

17 Д. 18. Записная книжка: дневниковые записи, очерки. Л. 1 – 20. 11 мая 1884 г. – май 1885 г.

18 Д. 20. Записная книжка: дневниковые записи, очерки. Л. 1 – 75. Февраль 1886 г. – 25 декабря 1889 г.

19 Д. 21. «Мысли»: дневниковые записи. Л. 1 – 27. 12 октября 1887 г. – 20 августа 1888 г.

20 Д. 23. Записная книжка: дневниковые записи, очерки. Л. 1 – 118. Январь 1890 г. – 22 сентября 1898 г.

21 Д. 24. Записная книжка: дневниковые записи, очерки. Л. 1 – 80. Февраль 1886 г. – 25 декабря 1889 г.

22 Д. 25. Записная книжка: дневниковые записи, очерки. Л. 1 – 85. 1890 г. – январь 1891 г.

23 Д. 26. Записная книжка: дневниковые записи, очерки. Л. 1 – 174. 7 декабря 1890 г. – декабрь 1892 г.

24 Д. 27. Записная книжка: дневниковые записи, очерки. Л. 1 – 146. 25 января 1891 г. – 1 декабря 1891 г.

25 Д. 28. Записная книжка: дневниковые записи, очерки. Л. 1 – 95. 31 января – 9 июля 1893 г.

26 Д. 29. Записная книжка: дневниковые записи, очерки. Л. 1 – 97. 16 июля – 11 ноября 1893 г.

27 Д. 30. Записная книжка: дневниковые записи, путевые заметки о путешествии по Малороссии и Кавказу. Л. 1 – 143. 22 июля – 17 августа 1894 г.

28 Д. 32. Записная книжка: дневниковые записи, путевые заметки о путешествии по Волге от Нижнего Новгорода до Самары. Л. 1 – 36. июль 1896 г.

29 Д. 33. Записная книжка: дневниковые записи. Л. 1 – 89. 14 октября 1896 г. – 22 декабря 1899 г.

30 Д. 34. Записная книжка: дневниковые записи, путевые заметки о путешествии по Прибалтике, Белоруссии и Малороссии. Л. 1 – 92. 22 июня – 22 августа 1898 г.

31 Д. 41. Записная книжка, дневниковые записи, очерки. Рукописная газета «Пророк». Л. 1 – 27. 22 марта – 3 декабря 1871 г.

32 Д. 50. «Миросозерцание». Философский очерк. Автограф. Л. 1 – 48. 20 июля 1885 г. – 20 сентября 1888 г.

33 Д. 67. «Упадок нравов», «Городская культура», «О свободе», об отношении нравственности и права (полемика с В. С. Соловьевым). Л. 1 – 30. Март 1914 г.

34 Д. 68. «Проповеди Михаила». Л. 1 – 25. 1918 г.

35 Д. 74. «Страшный суд», «Новая утопия». Л. 1 – 36. 20 октября 1917 г. – 19 апреля 1918 г.

36 Д. 78. Письмо Меньшикову Владимиру Осиповичу (брату). Л. 1 – 7. 1881 – 1890 г.

37 Д. 81. Письмо Меньшикову Осипу Семеновичу (отцу). Л. 1 – 4. 18 августа – 3 ноября 1874 г.

38 Д. 82. Письмо Меньшиковой Ольге Андреевне (матери). Л. 1 – 5. 25 февраля 1873 г.

39 Д. 87. Письмо Шишкину Василию Андреевичу (дяде). Л. 1 – 4. 1 – 21 июня 1874 г.

40 Д. 128. Личные документы: послужной список, запись о венчании с М. В. Афанасьевой, удостоверение для командировки в Москву. Л. 1 – 5. 1892 – 1918 гг.

41 Д. 130. Ученические тетради с записями по химии и другим предметам. На полях имеются наброски первых литературных опытов, рисунки. Л. 1 – 150. 1880-е гг.

2 Опубликованные документы

42 Меньшиков М. О. Из записных книжек / М. О. Меньшиков // Прометей. Т. 12. Толстовский выпуск. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». – М.: Молодая гвардия, 1980 г. – С. 248 – 253.

43 Меньшиков М. О. Реакция на убийство Николая II. Страницы из дневника (Зачем эта кровь?) / М. О. Меньшиков // Русский вестник. – 1991. – № 20.

44 Меньшиков М.О. Материалы к биографии // Российский архив. – М.: Студия «ТРИТЭ» – Российский архив, 1993. – Т. 4. – 271 с.

45 Меньшиков М.О. Проповеди отца Михаила / М. О. Меньшиков / Публ. Н. А. Филаткиной // Московский архив. – Вып. 4. – М.: Издательство Главархива Москвы, 2006. – С. 9 – 38.

46 Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: переписка, дневники, воспоминания, статьи / Сост. А. С. Мелкова. – М.: Русский путь, 2005. – 408 с.

47 Орлов А. С. «Христианство не удалось». «Путь спасения». Фрагменты дневников М. О. Меньшикова. 1917 г. / А. С. Орлов // Вестник архивиста. – 2012. – № 3. – С. 289 – 298.

3 Публицистика М. О. Меньшикова

48 Меньшиков М. О. По портам Европы. 1878-1879. Очерки заграничного плавания на фрегате «Князь Пожарский» / М. О. Меньшиков. – Кронштадт: Типография «Кронштадтского вестника», 1884. Ч. 1. – 390 с.

49 Меньшиков М. О. Литературное бессилие и его причины / М. О. Меньшиков // Книжки недели. – № 1. – 1892.

50 Меньшиков М. О. Призвание журналистики (V–IX) / М. О. Меньшиков // Книжки недели – № 5. – 1892.

51 Меньшиков М. О. Талант и публика / М. О. Меньшиков // Книжки недели – № 8. – 1892.

52 Меньшиков М. О. Система чтения / М. О. Меньшиков // Книжки недели – № 11. – 1892.

53 Меньшиков М.О. Пределы критики. 1–8. / М. О. Меньшиков // Книжки недели – № 9. – 1893.

54 Меньшиков М. О. Пределы литературы / М. О. Меньшиков // Книжки недели – № 10. – 1893.

55 Меньшиков М. О. Работа совести. (По поводу статьи «Неделание» гр. Л. Н. Толстого) / М. О. Меньшиков // Книжки недели – № 11. – 1893.

56 Меньшиков М. О. Памяти П.А. Гайдебурова / М. О. Меньшиков // Книжки недели – № 1. – 1894.

57 Меньшиков М. О. Художественная проповедь (XI том сочинений Лескова) / М. О. Меньшиков // Книжки недели – № 2. – 1894.

58 Меньшиков М. О. Старые и молодые таланты. Русские парнасцы. Думы о счастье / М. О. Меньшиков // Книжки недели – № 5. – 1894.

59 Меньшиков М. О. Думы о счастье / М. О. Меньшиков // Книжки недели – № 7. – 1894.

60 Меньшиков М. О. Оскорбленный гений. (По поводу 100-летия со дня рождения А.С. Грибоедова) / М. О. Меньшиков // Книжки недели – № 3. – 1895. – С. 174 – 205.

61 Меньшиков М. О. Сбились с дороги. (По поводу рассказа «Хозяин и работник» гр. Л.Н. Толстого) / М. О. Меньшиков // Книжки недели – № 5. – 1895. – С. 172 – 207.

62 Меньшиков М. О. Дознание (I–XIV) / М. О. Меньшиков // Книжки недели – № 8. – 1895. – С. 191 – 232.

63 Меньшиков М. О. На пороге храма / М. О. Меньшиков // Книжки недели – № 9. – 1895. – С. 191 – 226.

64 Меньшиков М. О. О лжи и правде / М. О. Меньшиков // Книжки недели – № 10. – 1895. – С. 187 – 225.

65 Меньшиков М. О. О статьях Соловьева / М. О. Меньшиков // Книжки недели – № 12. – 1895. – С. 187 – 225.

66 Меньшиков М. О. Элементы романа. О любви святой / М. О. Меньшиков // Книжки недели – № 11. – 1897.

67 Меньшиков М. О. Начала жизни / М. О. Меньшиков // Книжки недели – № 11 – 12. – 1898.

68 Меньшиков М. О. Прикрытый грех / М. О. Меньшиков // Книжки недели – № 8. – 1899.

69 Меньшиков М.О. О писательстве / М. О. Меньшиков. – СПб.: Тип. Меркушева, 1898. – 279 с.

70 Меньшиков М.О. Думы о счастье / М. О. Меньшиков. – СПб.: Тип. Меркушева, 1898. – 176 с.

71 Меньшиков М.О. Думы о счастье / М. О. Меньшиков. – СПб.: Товарищество печатн. и издат. дела «Трудъ». 1901. – 176 с.

72 Меньшиков М.О. О любви / М. О. Меньшиков. – СПб.: Тип. Меркушева, 1899. – 224 с.

73 Меньшиков М.О. Дети. (Из соч. «Начала жизни») / М. О. Меньшиков // Этико-художественная библиотека. Вып. 9. – М.: Тип. И. А. Баландина, 1899. – 63 с.

74 Меньшиков М.О. Критические очерки / М. О. Меньшиков. – СПб.: Тип. М. Меркушева, 1899 – 1902. 2 т. Т. 1 – 404 с. Т. 2. – 520 с.

75 Меньшиков М.О. Народные заступники и другие нравственно-бытовые очерки / М. О. Меньшиков. – СПб.: Тип. М. Меркушева, 1900. – 308 с.

76 Меньшиков М. О. Начала жизни: Нравственно-философские очерки / М. О. Меньшиков. – СПб.: Товарищество печатн. и изд. дела «Труд», 1901. – 403 с.

77 Критические статьи о произведениях Максима Горького. СПб.: Изд. С. Гринберга, 1901. – 254 с.

4 Современные переиздания М. О. Меньшикова

78 Меньшиков М. О. Вечное воскресение: Сб. ст. о Церкви и вере / М. О. Меньшиков. – М.: Русский вестник, 2003. – 174 с.

79 Меньшиков М. О. Как воскреснет Россия? Избранные статьи / М. О. Меньшиков. – Спб.: Русская симфония, 2007. – 672 с.

80 Меньшиков М. О. По образу своему и подобию /М. О. Меньшиков // Слово. – 1991. – № 9. – С. 65 – 78.

81 М. О. Меньшиков о П. А. Столыпине / М. О. Меньшиков // Петр Столыпин. Сборник / Сост. Г. И. Лысцов. Серия: Российские судьбы. Жизнеописания, факты и гипотезы, портреты, документы. – М.: Новатор, 1997. – 428 с.

82 Меньшиков М. О. Быть ли России великой / М. О. Меньшиков // Московский журнал. – 1993. – № 11. – С. 48 – 55.

83 Меньшиков М. О. В Москве / М. О. Меньшиков // Наш современник. – 1997. – № 9. – С. 34 – 41.

84 Меньшиков М. О. Великорусская идея / М. О. Меньшиков / Сост., предисл., коммент. В. Б. Трофимовой. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. Т. 1. – 866 с. Т. 2 – 720 с.

85 Меньшиков М. О. Возрождение национальной государственности / М. О. Меньшиков // К познанию России. Взгляды русских мыслителей. Российский военный сборник. Выпуск VIII. – М.: Гуманитарная академия Вооруженных Сил, 1994. – С. 114 – 138.

86 Меньшиков М. О. Выше свободы: Статьи о России / М. О. Меньшиков. – М.: Современный писатель, 1998. – 464 с.

87 Меньшиков М. О. Из статьи «Чиновники и герои» / М. О. Меньшиков // Московский журнал. – 1993. – № 9. – С. 29 – 35.

88 Меньшиков М. О. Избранные статьи / М. О. Меньшиков. – СПб.: Русское Имперское Движение, 2012. – 232 с.

89 Меньшиков М. О. Кончина века / М. О. Меньшиков. – М.: Грааль, 2000. – 31с.

90 Меньшиков М. О. Национальная империя / М. О. Меньшиков. – М.: Имперская традиция, 2004. – 505 с.

91 Меньшиков М. О. Первые жертвы / М. О. Меньшиков / Публ. М. Б. Поспелова // Слово. – М., 1992. – № 8. – С. 75 – 80.

92 Меньшиков М. О. Письма к русской нации / Сост., вступ. статья и примеч. М. Б. Смолина. – 4-е изд. – М.: Изд-во журнала «Москва», 2005. – 555 с.

93 Меньшиков М. О. Праведники и пустосвяты; Национальная комедия / М. О. Меньшиков // Московский журнал. – 1993. – № 7. – С. 43 – 49.

94 Меньшиков М. О. Сироты Верещагина / М. О. Меньшиков // Московский журнал. – 1993. – № 8. – С. 25 – 28.

95 Меньшиков М. О. Родина и герои / М. О. Меньшиков // Христолюбивое воинство: Православная традиция Русской Армии. – М.: Русский путь, 2006. – 544 с.

96 Меньшиков М.О. Из писем к ближним / М. О. Меньшиков / Составитель М. Б. Поспелов. – М.: Воениздат, 1991. – 224 с.

97 Меньшиков М.О. Русское пробуждение / М. О. Меньшиков / Под ред. В. И. Чижевского. – М.: Книжный мир, 2007. – 416 с.

98 Розанов В.В.; Меньшиков, М.О. Об отце Иоанне Кронштадтском / В. В. Розанов, М. О. Меньшиков // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. Составитель и автор предисловия М. Назаров. – М. Столица. – 1991. – 464 с.

5 Мемуары, дневники

99 Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник / А. В. Богданович. – М.: Новости, 1990. – 604 с.

100 Витте С. Ю. Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки. В 2-х т. / С. Ю. Витте. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. Т. 1. – 1054 с. Т. 2. – 650 с.

101 Воспоминания великого князя Александра Михайловича / Под ред. Л. М. Бурмистровой И. В. Захарова. – М.: Издатель Захаров, 2004. – 526 с.

102 Князев Г. А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915–1922 гг. / Г. А. Князев / Подг. текста, предисл. и прим.

А. В. Смолина // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. – 1991. – № 2. – С. 151 – 172.

103 Милюков П. Н. Воспоминания / П. Н. Милюков. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

104 Перцов П. П. Литературные воспоминания. 1890-1902 гг. / П. П. Перцов. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 496 с.

105 Снессарев Н. Мираж Нового времени. Почти роман / Н. Снессарев. – СПб., 1914. – 136 с.

6 Публицистика и литературная критика

106 Абрамович Н. Я. «Новое время» и соблазненные младенцы / Н. Я. Абрамович. – Пг.: Памфлет, 1916. – 48 с.

107 Аквилонов Е. П. Так ли мы виноваты? (По поводу одного фельетона г. М. О. Меньшикова) / Е. П. Аквилонов. – СПб., 1905. – 12 с.

108 Антонов М. Ф. Экономисты милостью Божьей: Михаил Меньшиков [Электронный ресурс] / М. Ф. Антонов // Файл-РФ. Ежедневная электронная газета. – 2013. – 2 октября. – Режим доступа: http://file-rf.ru/analitics/711.[15.03.2014]

109 Бессонов А. Рецензия на статью М.О. Меньшикова «Орлы и вороны» / А. Бессонов // Биржевые ведомости. − 1915. − 24 июля.

110 Богданович А. И. Современные славянофилы. Начало Русского собрания / А. И. Богданович // Годы перелома (1895–1906). Сборник критических статей. – СПб.: Книгоиздательство «Мир Божий», 1908. – С. 359 – 372.

111 Богданович А. И. Эпигоны народничества: Г. Меньшиков, самый яркий представитель их / А. И. Богданович // Годы перелома (1895–1906). Сборник критических статей. – СПб.: Книгоиздательство «Мир Божий», 1908. – С. 201 – 218.

112 Богданович А. И. Юродствующая литература: «О любви» М. О. Меньшикова; «Сумерки просвещения» В. В. Розанова / А. И. Богданович //

Годы перелома (1895–906). Сборник критических статей. – СПб.: Книгоиздательство «Мир Божий», 1908. – С. 240 – 261.

113 Воронцов А. Слово Меньшикова на перепутьях русской смуты (к 150-летию со дня рождения выдающегося русского мыслителя) / А. Воронцов // Наш современник. – 2009. – № 9. – С. 239 – 262.

114 Горелов П. «Письма», которых ждут… / П. Горелов // Кубань. – 1989. – № 9. – С. 73 − 74.

115 Добролюбов Я. С. Как делать реакцию. Катков М. Н. Имперское слово. – М., 2002 / Я. С. Добролюбов // Отечественные записки. – № 4 – 5. – 2002. – С. 369 – 370.

116 Елисеев А. Михаил Осипович Меньшиков [Электронный ресурс] / А. Елисеев // Русская монархия. – Режим доступа: http://rus-mon.narod.ru/bio/menshikov.html[24.04.2014]

117 Жилкин В. С. Верный сын России [Электронный ресурс] / В. С. Жилкин // Русский дом. – 2003. – № 9 – Режим доступа: http://russdom.ru/oldsayte/2003/200309i/20030914.html[18.10.2014]

118 Лазарев В. Я. К живым адресатам / В. Я. Лазарев // Меньшиков М. О. Выше свободы. – М.: Советский писатель, 1998. – С. 432 – 455.

119 Ленин В. И. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений в 55 т. Изд-е 5-е. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – Т. 20. – С. 171 – 180.

120 Ленин В. И. Заметки. Меньшиков, Громобой, Изгоев / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений в 55 т. Изд-е 5-е. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – Т. 20. – С. 147 – 156.

121 Ленин В. И. Нужен ли обязательный государственный язык? / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений в 55 т. Изд-е 5-е. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – Т. 24. – С. 293 – 295.

122 Ленин В. И. О национальной гордости великороссов / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений в 55 т. Изд-е 5-е. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – Т. 26. – С. 106 – 109.

123 Ленин В. И. Помещичий голос об «успокоении» деревни / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений в 55 т. Изд-е 5-е. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – Т. 23. – С. 141 – 142.

124 Ленин В. И. Пятидесятилетие падения крепостного права / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений в 55 т. Изд-е 5-е. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – Т. 20. – С. 139 – 142.

125 Лисовой Н. Н. Руководство к счастью: памяти Михаила Меньшикова. К 75-летию со дня гибели / Н. Н. Лисовой // Домострой – 1993. – № 51. – С. 12 – 13.

126 Меньшиков М.О. Лев и Серафим / Публ. и предисл. Лисовой Н. Н. // Домострой. – 1991. – № 2. – С. 14 – 15. (Автор предисл. в публикации не указан и установлен по источнику: БОГОСЛОВ.RU [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bogoslov.ru/persons/249099/)[23.11.2013]

127 Петелин В. В. История русской литературы XX века. Т. 1. 1890-е годы – 1953 год / В. В. Петелин. – М.: Центрполиграф, 2012. – 1480 с.

128 Поспелов М. Б. От составителя / М. Б. Поспелов // Меньшиков М. О. Из писем к ближним. – М.: Воениздат, 1991. − С. 3 − 14.

129 Поспелов М. Б.; Лисовой, Н. Н. Естественный стиль / М. Б. Поспелов, Н. Н. Лисовой // Меньшиков М. О. выше свободы. – М.: Советский писатель, 1998. – С. 411 – 431.

130 Протопопов М. А. Критика критиков / М. А. Протопопов // Русская мысль. − 1900. − № 8. − С. 200 − 215.

131 Протопопов М. А. Публицист-идиллик / М. А. Протопопов // Русская мысль. − 1898. − № 11. − С. 147 − 174.

132 Протопопов М. А. По поводу одной сердитой книжки / М. А. Протопопов // Русская мысль. − 1899. − № 2. − С. 150 − 162.

133 Распутин В. Г. На круги своя / В. Г. Распутин // Меньшиков М. О. Выше свободы. – М.: Советский писатель, 1998. – С. 7 – 16.

134 Савельев А. Русское сердце Михаила Меньшикова / А. Савельев // М. О. Меньшиков. Русское пробуждение. – М.: Книжный мир, 2007. – С. 7 – 18.

135 Смолин М. Б. Апология русского империализма / М. Б. Смолин // М. О. Меньшиков. Национальная империя. – М.: Имперская традиция, 2004. – С. 5 – 15.

136 Смолин М. Б. Гений десятой музы / М. Б. Смолин // Меньшиков Михаил Осипович. Как воскреснет Россия? Избранные статьи. – СПб.: Русская симфония, 2007. – С. 5 – 12.

137 Смолин М. Б. Имперское мышление и имперский национализм М. О. Меньшикова / М. Б. Смолин // Меньшиков М. О. Письма к русской нации. – М.: Изд-во журнала «Москва», 2005. – С. 5 – 26.

138 Смолин М. Б. М. О. Меньшиков. Биографическая справка / М. Б. Смолин // Меньшиков М. О. Избранные статьи. – СПб.: Издательство Русского Имперского Движения, 2012. – С. 3 – 7.

139 Спасский П. Н. В защиту ветхозаветных патриотов. Беседы по поводу статьи М. О. Меньшикова «Читайте Библию» / П. Н. Спасский. – Новгород: Труженик, 1914. – 27 с.

140 Шафаревич И. Р. Встающий из небытия / И. Р. Шафаревич // Меньшиков М. О. Вечное воскресение. (Сборник статей о Церкви и вере). – М.: Русский вестник, 2003. – С. 3 – 5.

141 Шулятиков В. Философия патриархальной простоты [Электронный ресурс] / В. Шулятиков // Курьер. – 1901. –№ 182. Режим доступа: http://az.lib.ru/s/shuljatikow_w_m/text_0690.shtml[25.02.2014]

142 Юзефович Б. Г. Меньшиков о гр. Витте / Б. Г. Юзефович. – Киев, б.г. – 4 с.

7 Исследования

143 Аврех А. Я. Распад третьеиюньской системы / А. Я. Аврех. – М.: Наука, 1985. – 259 с.

144 Аврех А. Я. Столыпин и судьбы реформ в России / А. Я. Аврех. – М.: Наука, 1991. – 286 с.

145 Аврех А. Я. Царизм и IV Дума. 1912 – 1914 / А. Я. Аврех. – М.: Наука, 1981. – 292 с.

146 Аврех А. Я. III Дума и начало кризиса третьеиюньской системы (1908–1909)/А. Я. Аврех // Исторические записки. – 1955. – Т. 53. – С. 50 − 109.

147 Белоусова Е. В. Л. Н. Толстой и толстовцы в оценке М. О. Меньшикова / Е. В. Белоусова // Родное и вселенское. К 60-летию Н. Н. Лисового. – М.: Издание паломнического центра Московского патриархата, 2006. – С. 43 – 50.

148 Бычкова Е. «Вы интересный человек» / Е. Бычкова // Мелихово. Альманах. – Чехов: Мелихово, 2003. – С. 90 – 110.

149 Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911 – 1914 гг. / В. С. Дякин. – Л.: Наука, 1988. – 232 с.

150 Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911гг. / В. С. Дякин. – Л.: Наука, 1978. – 247 с.

151 Зверев Н. В. Общественно-политические взгляды М. О. Меньшикова (1885 – 1900 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Н. В. Зверев. – М., 2013. – 199 с.

152 Зверев Н. В. «Кому нужна земля» / Н. В. Зверев // Диалог цивилизаций: Восток – Запад. Глобализация и мультикультурализм: Россия в современном мире: Материалы VII межвузовской научной конференции / Под ред. Н. П. Нарбута. – М., 2007. – С. 57 – 63.

153 Зверев Н. В. М. О. Меньшиков о русском крестьянстве / Н. В.Зверев // Сборник работ студентов – победителей международных, всероссийских и университетских конкурсов, конференций, олимпиад 2007 – 2008 гг. / Отв. ред. Н.С. Кирабаев. – М., 2008. – С. 111 – 120.

154 Зверев Н. В. Нравственная верификация прогресса в ранней публицистике М. О. Меньшикова (по материалам газеты «Неделя») / Н. В. Зверев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». – 2010. – № 6. – С. 82–88.

155 Каграманов Ю. Меньшиков столетие спустя / Ю. Каграманов // Посев. – 2000. – № 12. – С. 17 – 20.

156 Камнев В. М. «Национальная империя» М. О. Меньшикова / В. М. Камнев // Известия Уральского государственного университета. Общественные науки. История философии. – 2009. – № 4(70). – С. 84.

157 Коцюбинский Д. А. Консервативный либерализм в России / Д. А. Коцюбинский // История политических партий в вузовском курсе политической истории. Вып. 1. – М.: Изд-во «Прометей» МПГУ им. В. И. Ленина, 1991. – С. 107 – 110.

158 Коцюбинский Д. А. Национальный вопрос в идеологии Всероссийского национального союза (1907–1917) (по работам ведущих партийных теоретиков и официальным документам ВНС) / Д. А. Коцюбинский // 1917 год и российский парламентаризм. Сборник материалов научной конференции. – СПб., 1998.

159 Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза / Д. А. Коцюбинский. – М.: РОССПЭН, 2001. – 528 с.

160 Крижановский Н. И. Публицистика М. О. Меньшикова в контексте критико-философской мысли рубежа XIX – XX веков: Монография / Н. И. Крижановский. – Армавир: РИО АГПА, 2012. – 188 с.

161 Левицкий Д. А. Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко / Д. А. Левицкий. – М.: Русский путь, 1999. – 552 с.

162 Лукашевич А. А. К истории полемики о «наследстве 60-х годов» (Литературная критика газеты «Неделя» и «Книжек "Недели"» в 1880–90-е годы) / А. А.Лукашевич // Филологические этюды: Сб. ст. молодых ученых. – Саратов: Издательство Саратовского ун-та, 1998. Вып. 1. – С. 66–69.

163 Мелкова А. С. «Нежная душа» / А. С. Мелкова // Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: переписка, дневники, воспоминания, статьи. – М.: Русский путь, 2005. – С. 425 – 436.

164 Мелкова А. С. Кто был прав: Толстой или Чехов / А. С. Мелкова // Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: переписка, дневники, воспоминания, статьи. – М.: Русский путь, 2005. – С. 413 – 425.

165 Мелкова А. С. От «Сестры» до «Человека в футляре» / А. С. Мелкова // Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: переписка, дневники, воспоминания, статьи. – М.: Русский путь, 2005. – С. 372 – 393.

166 Орлов А. С., Санькова С. М. П. А. Столыпин в оценках идеолога государственного национализма начала 20 века М.О. Меньшикова / А. С. Орлов, С. М. Санькова // П.А. Столыпин: преобразуя настоящее, творить будущее. Всероссийская научная конференция (Орел, 21 ноября 2011 г.): материалы конференции / Под ред. И.Е. Воронковой. – Орел: издательство ОрелГИЭТ, 2011. – С. 130 – 134.

167 Орлов А. С., Санькова С. М. Государственно-конфессиональные аспекты во взглядах М.О. Меньшикова на будущность России после февраля 1917 г. / А. С. Орлов, С. М. Санькова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2012. – № 4. – С. 56 – 62.

168 Орлов А. С. Черно-белый портрет М. О. Меньшикова / А. С. Орлов // Клио. – 2012. – № 11 (71). – С. 110 – 113.

169 Орлов А. С. «Христианство не удалось». «Путь спасения». Фрагменты дневников М.О. Меньшикова. 1917 г. / А. С. Орлов // Вестник Архивиста. – 2012. – № 3. – С. 289 – 298.

170 Орлов А. С. От национализма к социализму: несостоявшееся перерождение М. О. Меньшикова / А. С. Орлов // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 5. – С. 37 – 40.

171 Орлов А. С. Проблемы взаимоотношений Русской Православной Церкви и старообрядцев в начале 20 века в оценках Всеросийского национального союза и партийного идеолога М.О. Меньшикова / А. С. Орлов // Всероссийская конференция «А мне глаголати неленостно…». Раскол и старообрядчество в современной рефлексии, Кострома, 25-26 апреля 2012 г. – Кострома: Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, 2012. – С. 56 – 60.

172 Орлов А. С. Религиозно-этические аспекты мировоззрения М. О. Меньшикова: истоки формирования и эволюция / А. С. Орлов // Социально-гуманитарное знание: актуальные вопросы теории и практики: коллективная

монография/ [И.Е. Воронкова и др.]; [под общ. ред. доц. И.Е. Воронковой]. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2011. – С. 45 – 64.

173 Орлов А. С. Идеи Л.Н. Толстого в преломлении М.О. Меньшикова / А. С. Орлов // Государство, общество, человек сквозь призму времени и пространства: Коллективная монография / [И.Е. Воронкова и др.]; [под общей ред. проф. И.Е. Воронковой]. – Орел: Полиграфическая фирма «Картуш», 2012. – С. 165–181.

174 Орлов А. С. М. О. Меньшиков: два мифа об одной личности / А. С. Орлов // Историческая память и диалог культур: сборник материалов Международной научной школы (Казань, 2012): в 3 т. Т. – 2. – Казань: Издательство КНИТУ, 2013. – С. 222 – 229.

175 Орлов А. С. «Путь спасения». М.О. Меньшиков о будущем России после революций 1917 г. / А. С. Орлов // Государство, общество, Церковь, в истории России 20 века: материалы 12 Международной научной конференции, Иваново, 20–21 февраля 2013 г.: в 2 ч. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2013. – Ч. 1. – С. 441 – 445.

176 Рейтблат А. «Котел фельетонных объедков». Случай с М. О. Меньшиковым / А. Рейтблат // Неприкосновенный Запас. – 1999. – № 2(4). – С. 4 – 8.

177 Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России / А. В. Репников. – М.: Academia, 2007. – 520 с.

178 Репников А. В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX − начало XX века) / А. В. Репников. – М.: Готика, 2006. – 424 с.

179 Репников А. В. М. О. Меньшиков о рабочем вопросе / А. В. Репников // Рабочий класс и рабочее движение России: история и современность. Материалы конференции «Рабочий класс в процессах модернизации России: мотивация труда и рабочий протест» 19 октября 2001 г. – Кострома, 2001. С. 179 − 186.

180 Репников А. В. М.О. Меньшиков - возвращенное имя / А. В. Репников // Международный сборник научных трудов. 1999. Москва – Смоленск – Луганск, 1999. – С. 149–152.

181 Репников А. В. М.О. Меньшиков в 1917 году: анализ статей, опубликованных в «Новом времени» / А. В. Репников // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей. – СПб., 2010. – С. 93 – 100.

182 Репников А. В. Михаил Меньшиков: «Лишь бы жила Россия» / А. В. Репников // «Край родной» – 2000. – №. 27. – С.4.

183 Санькова С. М. Два лица «Нового времени». А. С. Суворин и М. О. Меньшиков в зеркале историографии / С. М. Санькова. – Орел: Госуниверситет–УНПК, 2011. – 224 с.

184 Санькова С. М. Лев Толстой и Михаил Меньшиков [Электронный ресурс] / С. М. Санькова // Образование и общество. – 2001. – № 5. – Режим доступа: http://www.jeducation.ru/5_2001/index_5_2001.html[22.05.2013]

185 Санькова С. М. М. О. Меньшиков и дело Бейлиса: к вопросу о влиянии периодической печати на ход судебного процесса / С. М. Санькова // История государства и права. – 2008. – № 19. – С. 22 – 23.

186 Санькова С. М. Русская партия в России: Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917) / С. М. Санькова. – Орел: Издатель Светлана Зенина, 2006. – 370 с.

187 Санькова С. М. Михаил Осипович Меньшиков – забытое имя в русской философии начала XX в. / С. М. Санькова // Духовная культура России. – Орел: Издательство ОГИИК, 2003. – С. 123–129.

188 Санькова С. М. Проблемы Русской Православной Церкви в России начала XX века в представлении М. О. Меньшикова и Всероссийского национального союза / С. М. Санькова // Государство, общество, Церковь в истории России XX века. Материалы VI Международной научной конференции. – Иваново: Изд-во Ивановского государственного университета, 2007. – С. 119 – 126.

189 Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902 – 1907 гг. / Ю. Б. Соловьев. – Л.: Наука, 1981. – 256 с.

190 Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1907 – 1914 гг. / Ю. Б. Соловьев. – Л.: Наука, 1990. – 267 с.

191 Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века / Ю. Б. Соловьев. – Л.: Наука, 1973. – 382 с.

192 Сохряков Ю. И. Работа совести. (Национальная идея в публицистике М. О. Меньшикова) / Ю. И. Сохряков // Сохряков Ю. И. Национальная идея в отечественной публицистике XIX – начала XX в. – М.: Наследие, 2000. – С. 170 – 178.

193 Стукалов П. Б. Политические и правовые учения в России во второй половине XIX – начале XX века: Всероссийский национальный союз и его идеологи / П. Б. Стукалов. – Воронеж: Полиграфия, 2011. – 175 с.

194 Стукалов П. Б. П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков о русской истории / П. Б. Стукалов // Вестник Воронежского университета. Серия «История. Политология. Социология». – 2006. – № 2. – С. 86 – 95.

195 Филаткина Н. А. М. О. Меньшиков и Петербург (по страницам неопубликованных дневников) / Н. А. Филаткина // Вестник архивиста. – 2003. – № 3 – 4. – С. 79 – 89.

196 Шлемин П. И. Авторитаризм и либерализм в России (русская идея М. О. Меньшикова) / П. И. Шлемин // Политическая наука в России: история, современность, модели будущего. – М., 1994. – С. 81 − 123.

197 Шлемин П. И. М. О. Меньшиков о национально-территориальном переустройстве России (1911 − 1912) / П. И. Шлемин // Политическая наука. (Теория. Ретроспективные исследования). – М., 1995. – С. 113 − 156.

198 Шлемин П. И. М. О. Меньшиков: мысли о России. Монография / П. И. Шлемин. – М.: ИНИОН РАН, 1997. − 212 с.

199 Шлемин П. И. Между войной и революцией: Россия 1911 − 1912 гг. в публицистике М. О. Меньшикова / П. И. Шлемин // Политическая наука. (Теория. Ретроспективные исследования). – М., 1995. – С. 157 − 207.

200 Шлемин П. И. Национальные отношения и права человека в России. (Диалоги с М. О. Меньшиковым, 1906 – 1908) / П. И. Шлемин // Россия и современный мир. – 1995. – № 1. – С. 134 − 145.

201 Шлемин П.И. Права человека в современном мире. Национальные отношения и права человека в России (диалоги с М.О. Меньшиковым, 1906 – 1908) / П. И. Шлемин. – М.: ИНИОН РАН, 1993. – 32 с.

8 Справочные и энциклопедические издания.

202 Афанасьев Н. И. Меньшиков Михаил Осипович / Н. И. Афанасьев // Афанасьев Н. И. Современники. Альбом биографий. – Б. м., 1909. – Т. 1. – С. 173 – 175.

203 Венгеров С. А. Меньшиков / С. А. Венгеров // Новый энциклопедический словарь. – СПб.: Издание акционерного общества «Издательское дело бывшее Брокгауз-Ефрон», 1915. – Т. 26. – Стб. 297.

204 Венгеров С. А. Меньшиков / С. А. Вегеров // Энциклопедический словарь Т. – XIX (37). – СПб.: Издатели Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, 1996. – С. 107.

205 Д. З. [Заславский Д. О.] Меньшиков / Д. О. Заславский // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. – 7. – М.: ОГИЗ РСФСР, гос. словарно-энцикл. изд-во «Сов. Энцикл.», 1934. – Стб. 190 − 191.

206 Иванов А. А.; Санькова С. М. Меньшиков Михаил Осипович / А. А. Иванов, С. М. Санькова // Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900 – 1917. – М.: Крафт+, Институт русской цивилизации, 2008. – С. 320–323.

207 Меньшиков Михаил Осипович // Военная энциклопедия: [В 18 т.] / Под ред. В.Ф. Новицкого и др. – СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1911 – 1915. Т. – 15. – С. 264.

208 Репников А. В.; Санькова, С. М. Меньшиков Михаил Осипович / А. В. Репников, С. М. Санькова // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 289 – 295.

209 Санькова С. М. Меньшиков Михаил Осипович / С. М. Санькова // Петр Аркадьевич Столыпин: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 321 – 323.

210 Шлемин П. И. Меньшиков Михаил Осипович / П. И. Шлемин // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 286 – 288.

211 Шлендова М. А. Они родились в Кронштадте [электронный ресурс] / М. А. Шлендова. – СПб.: МКС, 2004 г. Режим доступа: http://www.kronstadt.ru/ books/history/orkron_ 0.htm#1/[25.06.2014]